Том Хартман

Главная духовная тайна века

Посвящается
Стивену и Роберту Ларсенам —
мастерам, пробуждающим души.

Глава 1. Страх полета

Вышвырнули... Слово-то какое скверное! Будто в расход вывели. Поставили к стенке и — огонь!..

«Так оно и есть. Невелика разница», — сказал себе Пол Эйблер и, сунув руки в карманы черного пальто, быстрым шагом двинулся вниз по Мэдисон-авеню. Звуки и запахи большого города проплывали мимо, он не замечал ничего. Мыслями он все еще был там, десятью минутами раньше и пятьюдесятью этажами выше, в угловом кабинете, где царствовал главный редактор его газеты, ежедневной городской газетенки... в кабинете, где в ближайшие пять лет Пол Эйблер рассчитывал воцариться сам.

Резко очерченный прямоугольник света привлек его внимание, и краем глаза Пол успел заметить себя в стекле витрины. Он протянул руку и потрогал свое отражение: росту в нем было почти шесть футов. Темные, почти черные волосы прикрывали шею, несколько непослушных волосков топорщились над воротником.

Сквозь сияние, лившееся из-за стекла, пробивался пристальный взгляд темно-карих глаз, добавляя всему облику напряженности, которую на днях стали подмечать в нем многие коллеги. Пола радовало, что в свое время он решил каждый день проходить пешком пару миль. Теперь он мог похвастаться нормальной, крепко сбитой фигурой. И никаких тебе мышечных бугров в «положенных» местах, которыми так жаждали обзавестись некоторые его сотрудники.

Речь шла о «временном освобождении от работы». Но что с того? Пол понимал, что и при такой формулировке его карьере пришел конец; к тому же, как журналист, он предпочитал называть вещи своими именами. Его уволили — и вся недолга.

В мыслях он все еще стоял перед массивным, заваленным бумагами столом в кабинете Мака Кесслера, главного редактора «Нью-Йорк дейли трибьюн». Перпендикулярно этому столу помещался еще один, с компьютерами, подключенными к локальной сети. Маку нравилось прикидываться деятелем из тех времен, когда в газетах еще печатали новости, а редакторы курили сигары и постоянно брюзжали. На деле же этот важный йельский яппи[1] тридцати шести лет от роду носил галстуки за двести долларов, резво бродил в упомянутой сети и трижды в неделю занимался в спортклубе «Гибок», где членство стоило дороже, чем

1 Яппи — преуспевающие образованные молодые бизнесмены, следящие за своим здоровьем и внешним видом, идеалом которых стал успех любой ценой. Йельский университет — одно из крупнейших и наиболее престижных учебных заведений в США. — *Здесь и далее прим, перев.*

обошелся Полу его последний автомобиль.

Однако Мак был старше Пола — тому исполнилось лишь двадцать девять. Пять лет назад Пол получил степень магистра по журналистике, год проишачил на стажировке, еще год — помощником редактора. Только два года назад он стал настоящим репортером в настоящей ежедневной газете одного городка на севере штата.

И всего одиннадцать месяцев минуло с того дня, как он наконец-то выбил себе место в «Трибьюн». Место под солнцем Большого Яблока[2]. Быть может, еще несколько лет, и он получит работу в «Таймс»[3], если удастся заявить о себе с материалами, которые действительно чего-то стоят. Он прочил себе великое будущее в журналистике и уверенно шел ему навстречу.

До сих пор.

И вот перед ним стоял Мак, обожавший разглагольствовать о том, как важны в нашем свободном обществе журналисты, ведущие независимые расследования. Стоял и говорил Полу, что его временно освобождают от работы. Его и еще четырнадцать сотрудников.

— Это все потому, что я задел рекламодателя, — сказал Пол.

— Нет, Пол, — возразил Мак уже в кабинете, после летучки в конференц-зале, куда вызвали всех приговоренных. В этой компании Пол оказался единственным репортером: остальные были кто из обслуживающего персонала, кто из администрации. — Владельцы газеты считают, что мы будем работать эффективнее, если проредить штат.

— Имеешь в виду, с большей прибылью?

— Недурно сказано. Акционеры бы одобрили, да и публика... Послушай, Пол, не стоит поднимать шум. Увольнения случаются каждый божий день по всему миру.

— Но мы-то с тобой знаем, что профессионал я не из худших, — заявил Пол. — Меня гонят из-за той лондонской истории.

— На самом деле... — Мак нервно забарабанил пальцами по столу, всем своим видом показывая, что ему давно пора бежать по неотложным делам. — На самом деле кое-кому здесь показалось, что у тебя разыгрался аппетит. Лондонская история — это просто симптом. Тебя понесло, Пол. Успех любой ценой, даешь Пулитцеровскую премию на следующей неделе и все такое прочее. Кажется, ты до смерти напугал кого-то наверху. И, потом, ты нажил себе врагов среди коллег. Репортеры считают, что ты неуправляемый. Дикий ковбой.

Пол подался вперед.

— Значит, меня решили списать, потому что я *слишком хорош*? — Голос его сочился ядом.

— Потому, что тебя понесло, Пол. Ты работаешь по пятнадцать часов в день без выходных. Ты вкладываешь в работу все, что у тебя есть. Ни тебе, ни другим уже ничего не остается. Как друг тебе говорю: это ненормально.

Пол покачал головой. Мак ему не друг и никогда им не будет.

— Так и есть. Я слишком хорош. Я слишком много вкалываю. А тех, кто просто держится за кресло, это пугает.

«И тебя, Мак, — мысленно добавил он. — Ты знаешь, что через год-другой я получил бы твое место, если б разыграл эту карту как положено».

— Конечно, я буду все отрицать, — отозвался Мак, — но это и так всем известно. Кое для кого увольнения — это способ уладить политические счеты и укрепить свою власть. Ты напугал моего босса, когда ввязался в ту лондонскую историю, ни с кем даже не посоветовавшись. — Тон его смягчился. — Жаль, что ты проработал здесь не так долго, чтобы заслужить выходное пособие. Мы тебе заплатим за всю эту неделю, но освободить место ты должен немедленно.

— Это нечестно, — сказал Пол, понимая, впрочем, что Мак нисколько не заинтересован... то есть транснациональная корпорация, которой принадлежала «Трибьюн», не заинтересована в материалах о лондонской компании, дававшей взятки нью-йоркским политикам, чтобы обходить налоги и получать госзаказы. О лондонской компании, которую так широко рекламировали нью-йоркские газеты.

А еще Пол понимал, что «Трибьюн» не станет защищать его от последствий фурора, который он произвел одним только расследованием этой истории, даже без публикаций. Мак тогда сказал, что на бумаге все это будет смотреться неважно; газета, которая станет наезжать на корпоративных шишек, долго не продержится. Во всяком случае, «Трибьюн» такого себе не позволяла лет двадцать, не меньше. Репортеры никогда не суются в темные углы, пока адвокаты и владельцы корпораций не скажут им, что там безопасно. И никогда не дерут нос перед собственными редакторами.

Мак потянулся к вазочке с россыпью разноцветных «биковских» зажигалок. Он курил и постоянно терял зажигалки, а потому держал целую кучу про запас. Выбрав красную, он бросил ее Полу через стол, давая понять, что разговор окончен.

---

[2] «Большое Яблоко» — разговорное название города Нью-Йорк.
[3] «Нью-Йорк таймс» — ежедневная нью-йоркская газета, считается наиболее влиятельной и информированной в США.

— Держи, парень. И пусть весь мир горит огнем. Да, не забудь сдать удостоверение Синтии. Последний стол у выхода.

И вот Пол Эйблер, безработный и одинокий, шагал по холодным улицам Манхэттена, а февральский ветер трепал его густую темную шевелюру, швыряя в лицо пыль и выхлопные газы. Небо бурлило низкими серыми облаками и грозило снегопадом: столбики термометров топтались в одном-двух градусах ниже нуля.

«За пару недель надо что-нибудь подыскать», — подумал Пол, оглядывая свое пальто, за которое когда-то выложил в «Саксе» на Пятой авеню[4] восемнадцать сотен.

Когда его приняли на работу в «Трибьюн», он тут же пошел и накупил одежды почти на четыре тысячи. Скоро стало ясно, что кроме старых джинсов и белой рубашки ничего не понадобится, но Пол все равно говорил себе: «Нужно быть готовым к тому, что придется хорошо одеваться».

И, по правде сказать, два новых костюма действительно сослужили добрую службу, когда он взялся расследовать темные делишки той лондонской компании. Они производили должное впечатление на секретарей и мелких клерков и даже заставили одного типа поверить, что Пол, «возможно», и вправду старший помощник одного из нью-йоркских сенаторов.

И все-таки они стоили ему целое состояние. Пришлось задолжать квартплату за месяц — а ведь еще нужно было обедать и платить за такси. В какой-то момент Пол неожиданно для себя обнаружил, что лимит кредиток исчерпался, а за квартиру не плачено уже два месяца. Три дня назад ему просунули под дверь предупреждение.

Без работы, без гроша и по уши в долгах Неделя, максимум две, чтобы рассчитаться за квартиру, — или его вышвырнут на улицу. И никаких надежд на приличную работу: кому нужен журналист, уволенный из «Трибьюн»? Если он не удержался в таблоиде среднего уровня, о «Тайме» или «Вашингтон пост»[5] нечего и мечтать. Профессора его обманули.

Они не сталкивались с настоящей работой много лет, а то и вовсе никогда не покидали уютный мирок университета. Репортер служит не истине, не читателям, не общественному благу. Он служит корпорациям, которые платят по счетам. Репортеров теперь так зажали, что нет никаких шансов выступить со стоящей публикацией... разве что начнется война — выгодное дело для оборонных подрядчиков, а значит, и для владельцев некоторых крупнейших в стране информационных изданий.

Почему ему не сказали об этом на первом курсе?! Тогда еще можно было все бросить и пойти хоть бы и в биржевые маклеры — там люди хотя бы не скрывают, что их волнуют только деньги и карьера. Но нет. Он купился на сказочку о Вудворде и Бернстайне[6]. Он поверил, что если будешь стараться изо всех сил и говорить всю самую страшную правду, невзирая на последствия, то в конце концов станешь богатым и знаменитым.

Его обманули.

Заметив на углу телефонную будку, Пол остановился, бросил монетку в щель автомата и набрал прямой рабочий номер Сьюзен. Они довольно регулярно встречались вот уже месяцев восемь, и в последние несколько месяцев почти каждые выходные Пол оставался ночевать у нее — или она у него. Он принимал это за добрый знак: можно было надеяться, что она настроена серьезно. Впрочем, сама Сьюзен не любила обсуждать планы на будущее. «Не надо слишком много думать», — говорила она.

— Сьюзен Гордон слушает, — ответила трубка тем самым деловым тоном, по которому звонящий должен был тотчас понять, что имеет честь беседовать с сотрудником одного из крупнейших в мире рекламных агентств.

«Сразу слышно, что говоришь с важной шишкой», — однажды заметил Пол. Сьюзен обиделась так, что ему пришлось два дня выпрашивать прощение. Наконец он послал ей в офис цветы, и Сьюзен сменила гнев на милость.

— Привет, Сьюзен, — сказал Пол. — Как дела?

— Как сажа бела. — Деловой тон сменился обычным усталым голосом. — Как всегда. Иногда мне начинает казаться, что в косметической промышленности работают одни чокнутые. У них у всех мания величия.

— Эта парфюмерная кампания тебя уже достала?

— Слов нет, — вздохнула она. — Что это за шум? Ты что, с улицы звонишь?

— Ага, — сказал Пол. — Я на Мэдисон, на углу сорок четвертой. Я тут малость повздорил с Маком.

— Повздорил? — Тон изменился — едва уловимо, но Пол безошибочно различил в нем нотку неодобрения.

— Он сказал, что я слишком много вкалывал и нажил себе врагов. Сначала он пытался мне внушить,

[4] «Сакс, Пятая авеню» — универсальный магазин одежды, крупнейший в одноименной сети. Известен высоким качеством модных товаров.
[5] «Вашингтон пост» — ежедневная вашингтонская газета, одно из наиболее влиятельных либеральных изданий в США.
[6] Роберт Вудворд и Карл Бернстайн — корреспонденты газеты «Вашингтон пост», чье журналистское расследование привело к Уотергейтскому скандалу и отставке президента Никсона. В 1974 г. по материалам своего расследования выпустили книгу «Вся президентская рать», экранизированную в 1976 г.

что это обычное сокращение штатов, потом сказал, что все дело в той лондонской истории. На самом деле он, кажется, думает, что я пытаюсь его подсидеть. Знаешь, если бы мне удалось протащить эту историю в печать, я стал бы самым модным репортером в Нью-Йорке за последние пару лет.

— Ну и?..

— Ну, я и работал над ней в свободное время. А он меня уволил.

— Да ты шутишь!

— Ну, с формальной точки зрения, меня временно освободили от работы. Но на практике это и есть увольнение. Одним словом, не вижу большой разницы.

— Разница огромная, Пол, — проговорила Сьюзен неожиданно мягко, словно пытаясь что-то втолковать ему, как ребенку.

— Я найду другую работу... — начал он.

— Тебе не кажется, что это превращается в систему? — перебила она. — Новый год — на новом месте?

— Нет, сейчас проблема на самом деле оказалась серьезной. Ни один редактор не должен идти на компромисс...

— Пол, мы живем в реальном мире! — сдавленным голосом прошипела Сьюзен. — Это — *бизнес*! Все идут на компромиссы. Работай сколько влезет, карабкайся наверх, пока хватит сил. Я понимаю, как это для тебя важно. Но не надо ставить людей в неудобное положение.

— Нет, это не бизнес. Это журналистика. Согласись, разница есть.

— Ты что, думаешь, газеты делают деньги на разоблачениях? По-твоему, именно так им удается держаться на плаву? Ты, кажется, забыл, что живешь на деньги рекламодателей! Ты ничего не видишь за своими амбициями, Пол! Ты так торопишься забраться наверх, что забываешь, где живешь. Это тебе не старые добрые времена. Миром правят корпорации.

Мимо будки промчалась карета скорой помощи, петляя между автомобилями и оглашая Мэдисон-авеню завываниями сирены. Пол прикрыл ладонью телефонную трубку, крепче прижимая ее к уху.

— По-моему, я просто слишком старался, слишком много делал. Я поставил под угрозу других репортеров, и даже Мака. Рядом со мной они выглядели бездельниками...

— Пол! — окрик из трубки перекрыл вой сирены, и Пол вздрогнул от неожиданности. — Что ты несешь?! Может, они и вправду хотят жить спокойно, но ты-то зачем из кожи вон лезешь? Не терпится стать вторым Бобом Вудвордом?

— Может быть, я смогу устроиться в какой-нибудь информационный журнал...

— Может быть, если только там заинтересуются работником, который не понимает роль сотрудничества и коллективизма в корпоративном мире двадцать первого века. Знаешь, как в деловом мире называют трудоголиков?

— Наверно, влиятельными и богатыми... Во всяком случае, я бы назвал их так... — Тон беседы изменился столь стремительно, что Полу показалось, будто он говорит с какой-то незнакомой, посторонней женщиной.

— Одиночками, вот как! — язвительно отрезала Сьюзен. Потом Пол отчетливо расслышал глубокий, долгий вздох — Неужели ты хочешь оказаться один-одинешенек на самом верху, Пол? Ты невероятно талантлив. Но тебе нужно притормозить и научиться играть в команде.

— Но командам не дают Пулитцера. А вот репортерам...

Скорая помощь скрылась из виду, но пронзительный, нервный звук сирены снова прорезался сквозь холодную черную пластмассу, плотно прижатую к уху.

— Я знаю. — Голос в трубке стал мягче. — И понимаю, как это для тебя важно.

— Встретимся сегодня вечером?

Сьюзен ответила не сразу. Пол слышал, как она дышит в трубку.

— У меня сегодня куча работы, Пол, — сказала она наконец. — Придется взять кое-что на дом. Извини.

— А завтра?

— Завтра пятница. Мы с подругой идем на спектакль в один внебродвейский театр[7]. Там играет ее сестра.

— Значит, в выходные?

— Видишь ли, этот уик-энд обещает быть не самым удачным... — проговорила она.

— Понятно. — От холодного ветра у Пола вдруг заслезились глаза. — Я позвоню на той неделе.

[7] Внебродвейский театр — движение в американском театральном искусстве и общее название ряда некоммерческих театров, ставящих перед собой общественно значимые задачи в противовес развлекательным традициям бродвейских театров.

— Непременно, — сказала она и с наигранной бодростью добавила: — Счастливого уик-энда.

В трубке щелкнуло, но монет больше не было, и щелчок сменился длинным гудком. Пол уставился на трубку, как будто видел это чудо техники впервые в жизни. Желудок его болезненно сжался. Пол медленно повесил трубку и прошептал: «Прощай и ты».

Он повернулся и снова влился в плотный поток пешеходов, торопливо шагающих по своим делам. «Она была мне всего лишь приятельницей, — мысленно повторял он снова и снова. — Всего лишь случайная связь, хоть я и надеялся на большее. Она не могла помочь мне в карьере. На самом деле ее не интересовало мое будущее. Она делала свою собственную карьеру».

Пройдя еще квартал, между 43-й и 42-й улицами Пол вдруг заметил, что в ногу с ним топает какой-то черноволосый здоровяк с аккуратной стрижкой и густой бородой. На нем была зимняя охотничья куртка в красно-черную клетку и зеленые армейские штаны, заправленные в черные сапоги с высокими голенищами. В следующее мгновение здоровяк заступил Полу дорогу и резко остановился, глядя ему прямо в глаза.

Пол инстинктивно отвел взгляд: за три года жизни на Манхэттене он хорошо усвоил, что встречаться глазами с незнакомцами здесь опасно. Но этот незнакомец уже схватил его за правую руку повыше локтя и прогудел:

— Попадешь на небеса, брат?

— Что?! — переспросил Пол, нарушив еще одно неписаное правило Манхэттена: «Никогда им не отвечай». Впрочем, он тут же осознал свою ошибку и попытался высвободить руку.

Но здоровяк вцепился крепко, а Пол своим нечаянным ответом дал ему шанс продолжить беседу.

— Ты спасся? Ты признал Иисуса Христа своим Господом и Спасителем?

Пол почувствовал, что на него снова накатывает волна досады и злости, как десять минут назад, в кабинете Мака. Какое право имеет Мак толковать ему о том, что репортер не должен раскапывать новости, которые доставят неудобства какой-то крупной компании? За кого он его принимает? И за кого, черт побери, принимает его этот тип, озабоченный его «спасением»?

— А это нужно, чтобы попасть на небеса? — осведомился Пол дрожащим от гнева голосом, как будто вместо чудного незнакомца перед ним все еще стоял Мак, этот подлый лицемер, только что сломавший ему жизнь.

— Признай, уверуй, прими прощение и покайся! — провозгласил здоровяк, наставительно поднимая указательный палец правой, свободной руки. — И будешь вечно жить на небесах!

— Давай-ка разберемся, — сказал Пол. — Если я все это сделаю, то после смерти попаду на небеса?

— В точку! Вечный рай, брат!

— А ты, значит, тоже там будешь?

— А то как же! — проревел здоровяк.

Пол испустил смешок, по его мнению достаточно саркастический, и произнес:

— Если там будешь ты, то я предпочту другое место.

От возмущения уличный проповедник ослабил хватку. Воспользовавшись этим, Пол высвободил руку и двинулся дальше.

— Ты будешь вечно гореть в аду! — выкрикнул ему в спину проповедник. — Ты боишься и бежишь, и правильно делаешь! Ты умрешь во грехе и будешь гореть в аду! Бог Авраама, Исаака и Иакова доберется до тебя, а Он ревнив и страшен в гневе! Так что беги, беги! Можешь бежать — все равно тебе не спрятаться!

Крики становились все глуше и вскоре слились с уличным шумом. Пол торопливо шагал по Мэдисон, лавируя в море других пешеходов, которые старательно делали вид, что не замечают несущихся им вслед проклятий.

Но Пол неожиданно вернулся мыслями к тем далеким дням, когда он еще подростком ходил на стадион Ши[8] слушать проповеди Билли Грэма[9]. Он вспомнил, как по призыву проповедника спускался к алтарю в знак того, что слова поучения проникли в его сердце. Потом он ненадолго заглядывал в церковь. Больше всего тамошний пастор любил рассуждать о первородном грехе и адовых муках. В конце концов Пол перестал ходить в эту церковь, из-за чего еще долго терзался угрызениями совести.

«Как же так? — с недоумением размышлял он на ходу. — Неужели мы все от рождения грешны и прокляты Богом только за то, что тысячи лет назад какая-то женщина, которой давно уже нет в живых, совершила ошибку? Как это может быть? Станет ли отец пусть даже сам Отец Небесный, мучить и убивать родного сына, чтобы спасти людей, которых Он сотворил, от Своего же собственного гнева? Неужели цель жизни — в спасении от гнева Того, Кто нас сотворил?! Или все-таки можно даже в той же Библии найти какой-то другой смысл — более глубокий, понятный, человечный?»

---

[8] Стадион Ши — нью-йоркский стадион, расположенный в районе Куинс (на о. Лонг-Айленд), место проведения бейсбольных матчей и концертов рок-музыки.

[9] Грэм, Билли (р. 1918) — баптистский священник, евангелистский радио- и телепроповедник, особенно популярный в 40-е — 50-е годы.

«Я все бы отдал, лишь бы узнать на это ответ», — произнес Пол вполголоса. Слова шли от самого сердца, но он сознавал в глубине души, что такое интервью было бы для него последним. Сообразив, что невольно высказал свой вопрос вслух, Пол испугался: не заметил ли кто из прохожих, что он говорит сам с собой?

На переходе через 41-ю улицу горел красный свет, и Пол, остановившись вместе с потоком пешеходов, осторожно огляделся вокруг. Похоже, никто не обратил внимания на его оплошность. А может, все соблюдали правило номер один: не смотреть никому в глаза. Озираясь в толпе, Пол бросил взгляд на другую сторону улицы — и оцепенел от ужаса.

Несколько страшных мгновений он потрясенно смотрел на девочку лет пяти, которая вырвалась из рук матери и бросилась бежать через дорогу. К перекрестку с грохотом мчался грузовик — водитель торопился проскочить на зеленый свет.

Мать девочки завизжала, толпа ахнула, и Пол очнулся от транса. «Если я ничего не сделаю, она погибнет», — пронеслось у него в голове. Люди вокруг стояли как вкопанные; Полу почудилось, что время едва ползет, как в замедленной съемке. Еще раз взглянув на девочку, он сглотнул слюну и ринулся на проезжую часть.

Шаг, другой, третий... Внутренний голос завопил: «Все, тебе крышка!» — но Пол не остановился. Девочка застыла, в ужасе глядя на грузовик; тормоза пронзительно взвизгнули... Еще пять шагов — и он сможет вытолкнуть ее из-под колес. Шаг, еще шаг, рывок, руки сами тянутся вперед, мозг лихорадочно подсчитывает шансы. Успеет ли он добежать, сможет ли толкнуть достаточно сильно? Если он успеет, то сам окажется на пути грузовика и тот непременно собьет его. Но повернуть обратно он уже не мог, даже если бы захотел. Он уже слишком разогнался, слишком далеко зашел...

И тут ноги его оторвались от земли.

«Кто же это меня так толкнул?» — удивился Пол, не понимая, почему он уже не бежит, а летит по воздуху. Словно бы чьи-то сильные руки подхватили его под грудь и повыше колен, как он сам в свое время придерживал в бассейне детишек, которых учил плавать, — когда-то ему довелось поработать инструктором в летнем лагере. Вытянув руки, словно Супермен[10], Пол пролетел несколько метров, сгреб девочку в охапку и понесся дальше, не касаясь ногами земли. Каблук правого ботинка чиркнул о бампер грузовика.

Импульс от толчка иссяк, и Пол мешком рухнул на мостовую, ободрав до крови щеку и пальцы. Девочка приземлилась на ноги и с криками бросилась к маме.

— Ну, ты даешь, парень! — помогая Полу подняться, с восхищением воскликнул какой-то мужчина лет пятидесяти в длинном рыжем плаще. — Прямо как в кино! Мэл Гибсон[11], да и только.

Пол посмотрел на оцарапанную правую руку и обтер с нее грязь, затем отряхнул пальто.

— Вы не видели, кто меня толкнул? — спросил он, переведя дух.

Люди, стоявшие поблизости, отступили, утратив интерес и не желая ввязываться в историю. Но женщина с девочкой, которая уже только тихо всхлипывала, подбежала к Полу, благодарно сжала ему руку и проговорила:

— Спасибо вам. Вы спасли жизнь моей дочери. Вы — добрый человек.

— Не стоит благодарности, — отозвался Пол. — По-моему, мне кто-то помог. Вы не видели, кто меня толкнул?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Я ничего не видела. Я могла только смотреть на мою девочку и кричать. Вы ради нее так рисковали!..

— Я очень рад, что смог помочь, — сказал Пол.

Женщина легко поцеловала его в щеку, смутилась, повернулась и пошла прочь, уводя за собой девочку.

Зажегся зеленый свет для пешеходов, и толпа вновь потекла рекой, огибая Пола. Мужчина в рыжем плаще и с волосами, зачесанными вверх, на лысину, тряхнул головой и промолвил:

— Чертовски славный прыжок! Надо же — так взлететь! Ты часом не спортсмен, парень?

— Я не прыгал, — сказал Пол. — Кто-то меня подтолкнул.

Мужчина пожал плечами и пошел своей дорогой, а Пол остался стоять, дрожа на холодном ветру.

Глава 2. «Кажется, дождь начинается...»

Пол Эйблер снимал квартиру в том районе Манхэттена, за которым закрепилось прозвание «Челси»[12],

[10] Супермен — один из самых популярных в США персонажей комиксов и фильмов. Обладает множеством чудесных способностей, в том числе умеет летать. Скрывается среди людей под видом скромного репортера.

[11] Мэл Гибсон (р. 1956) — популярный американский актер, исполнитель главных ролей в боевиках и фантастических фильмах.

[12] Челси — полубогемный жилой район западных 20-х улиц Нью-Йорка между Седьмой и Десятой авеню. Отличается пестротой застройки:

близ Мэдисон-сквер-гарден[13], на двадцать первом, самом верхнем этаже кирпичного дома. Это был кооператив швейного профсоюза, построенный в конце пятидесятых.

От места, где Пол спас девочку, до его дома оставалось еще около мили с четвертью, и он прошел это расстояние не торопясь. То и дело он останавливался — купить ломтик пиццы или полюбоваться витринами. Пол то впадал в отчаяние при мысли о полном крахе с деньгами, личной жизнью и работой, то пытался убедить себя, что во всех трех областях перед ним теперь открывается новая жизнь и множество новых возможностей.

С одной стороны, он отдавал себе отчет, что все это — не более чем утешительный мысленный треп, но с другой — не мог не признавать, что в нем содержится зерно истины. Быть может, впереди его ждало кое-что получше, чем жалкое паразитическое существование в этом выдуманном мире, который цинично называют «транснациональным миром новостей». Быть может, ему встретится женщина, более нежная и преданная, чем Сьюзен, и не такая рассудительная. Быть может, жизнь теперь изменится к лучшему.

Пол отпер дверь подъезда своим ключом, прошел в вестибюль и кивком приветствовал Билли — отставного полицейского, совмещавшего теперь в одном лице обязанности охранника и техника-смотрителя. Билли коротко взглянул на оцарапанное лицо и руку Пола и снова уставился серыми глазами в окно, на Восьмую авеню. Всякий, кто попадает в Нью-Йорк, быстро учится не задавать вопросов.

По дороге домой Пол разработал кое-какой план. Правда, план был краткосрочный, но по крайней мере давал надежду удержаться на квартире и спасти кредитные карточки от аннулирования. И неторопливая прогулка, которую Пол только что совершил, была частью этого плана: он рассчитал время так, чтобы вернуться домой в самом начале шестого.

Квартира Пола была связана с соседней общим балконом, выходившим на Восьмую авеню. В этой соседней квартире жил адвокат Рич Уайтхед, человек по-своему уникальный. Так же как и Пол, Рич мечтал покорить Большое Яблоко, но ему препятствовал недостаток, который Пол про себя называл похотливостью. Сам Рич, разумеется, предпочитал именовать его жаждой жизни или духом завоевателя, а когда водка пробуждала в нем особое красноречие — «личным вкладом в борьбу за то, чтобы этот прекрасный мир стал еще прекрасней».

В юридическую школу при Колумбийском университете Рич поступил единственно и исключительно для того, чтобы затем устроиться в одну из крупнейших нью-йоркских фирм, специализирующихся на правах корпораций, и обрести богатство и славу, которые, в свою очередь, должны были обеспечить неиссякаемый поток женщин, соперничающих из-за его внимания. Цель его была предельно ясна: подняться по служебной лестнице до той ступеньки, на которой его годовой доход превысит миллион долларов.

Тогда-то он заживет не хуже самого Хью Хефнера[14]. Конечно, недурно было бы и стать совладельцем фирмы, но Рич сознавал, что до этого дело дойдет только лет через двадцать. Дела по слиянию и поглощению компаний и так приносили адвокатам колоссальные прибыли, особенно когда удавалось сбить цену поглощаемой компании, откопав и предав гласности какие-нибудь слухи, порочащие ее доброе имя. Поглощающая компания могла даже предложить своему адвокату долю акций на общих основаниях с учредителями.

Истории ошеломительных успехов такого свойства, которые Рич обычно рассказывал в присутствии своей очередной пассии, очень впечатляли, — хотя тот факт, что сам он до сих пор не съехал с квартиры в этом доме, позволял предположить, что доходы его еще не достигли вожделенного миллиона.

За пять лет работы в фирме Рич успел стать полновластным хозяином империи, в которую входили два младших адвоката, один юрист без диплома, один клерк и два секретаря. Он тратил по несколько тысяч в неделю и Пол неоднократно слышал от него, что еще чуть-чуть — и он начнет «зашибать не на шутку большие бабки».

Быть может, подумалось Полу, Рич не откажется от услуг человека, бойко владеющего пером. Можно было бы немного продержаться, а тем временем разослать резюме в разные газеты и заглянуть в «Тайм» и «Ньюсуик».

Пол прошел к лифту, поднялся на двадцать первый этаж и постучал в дверь квартиры соседа. Спустя мгновение глазок моргнул, а затем раздался скрежет трех замков. Наконец дверь отворилась, и на пороге предстал Рич в синем махровом халате и с бокалом в руке, в котором плавали кубики льда и плескалась прозрачная жидкость.

Рич был крупнее Пола и выше на полфута — росту в нем было под два метра, а внушительный живот походил на пивной бочонок. Он носил очки в тонкой золотой оправе и с толстыми линзами, за которыми его бледно-голубые глаза казались огромными. Стригся Рич довольно коротко, но голова его все равно была покрыта шапкой густых, непослушных светло-каштановых кудрей.

— Привет, Пол, — произнес Рич с некоторой сдержанностью, которую Пол истолковал как намек на то, что гость явился не вовремя. — В чем дело? — И добавил, заметив ссадину на щеке Пола: — Что случилось?

престижные особняки здесь соседствуют с ветхими многоквартирными домами.

[13] Мэдисон-сквер-гарден — нью-йоркский концертно-спортивный зал, расположен на Восьмой авеню между 31-й и 33-й улицами.

[14] Хью Хефнер (р. 1926) — издатель журнала «Плейбой», обладатель крупного состояния.

— А, так, ничего, — ответил Пол. — Упал на улице. Там, на Мэдисон. Вытолкнул одну малышку из-под грузовика.

— Играем в героя? — улыбнулся Рич. — Может, подать жалобу на водителя?

Пол улыбнулся в ответ и пожал плечами.

— Да это же пустяк. Слушай, у тебя не найдется минутки? Я ненадолго.

Рич отступил с дороги и махнул рукой в сторону комнаты.

— Проходи.

Пол прошел в гостиную, в отделке которой черная кожа соседствовала со стеклом и хромом. Пахло спиртным, шампунем и кожей. На стенах висели репродукции Сальвадора Дали с автографами, а под ногами ослепительно сверкал белый ковер.

Дальний угол, между окном и балконом, занимал телевизор с широким экраном, а в кресле перед ним восседала роскошная блондинка в халате на голое тело — шелковом купальном халате с вышитым на боку драконом. Волосы ее были влажными, и на вид ей нельзя было дать больше двадцати. Смерив Пола взглядом с головы до ног, она моментально включила профессиональную улыбку и произнесла, сверкая зубками и глазками:

— Привет!

— Привет, — смущенно отозвался Пол и повернулся к Ричу. — Я не знал, что ты не один...

— Нет проблем, — перебил его Рич. — Пол, это Черил. Черил, это Пол. Пол — мой сосед, крутой репортер из «Трибьюн». — И, снова обратившись к Полу, пояснил: — Черил у нас модель. Она учится в «Высокой моде».

Пол знал, что имеется в виду Институт технологий высокой моды, расположенный всего в квартале отсюда, на 27-й улице, между Седьмой и Восьмой авеню, и как магнитом притягивающий красавиц со всего света...

Рич, безусловно, принял это в расчет, когда выбирал, где поселиться. Сыграло свою роль и то, что район этот переживал эпоху возрождения: в последнее время здесь расплодились стильные рестораны, бары, клубы и магазины. Уйма классных мест для знакомства с девушками из «Высокой моды».

Рич уселся в кресло рядом с Черил и указал Полу на обитый черной кожей диванчик, стоявший лицом к окну.

— Выпить хочешь?

Лучше я пойду, — сказал Пол. — Не хочу вам мешать...

— Мы только что приняли душ, — многозначительно сообщил Рич. — Через несколько часов я должен быть на работе, так что мы идем обедать в «Крур тай». Вот только выпьем — и в путь.

Итак, он ясно дал понять Полу, сколько времени ему отведено. Почти нисколько.

— Ну... в общем... — начал Пол, — сегодня я ушел из «Трибьюн».

— Ого! — воскликнул Рич, вскочив на ноги и приветственно подняв бокал. — Мои поздравления! — Он отхлебнул глоток, а Черил уставилась на Пола с видом сиамской кошки. Пол часто ломал голову над тем, кто здесь кого использует: женщины, которых Ричу удавалось подцепить, обычно выглядели не в пример умнее самого Рича — или, во всяком случае, мудрее.

— Э-э-э... ну, скажем так, выбирать мне не пришлось. Выяснилось, что мы с коллегами вкладываем разный смысл в понятие трудовой этики.

Рич приподнял правую бровь.

— Им показалось, что семьдесят часов в неделю — это слишком мало?

— Им показалось, что это слишком много. Я стал действовать кое-кому на нервы.

— А-а-а, вон оно что. В юстиции то же самое. Сначала заключаешь союзы, потом объединяешь союзников. Сколачиваешь империю. А потом уже бьешь наверняка. — Рич снова развалился в кресле, со значением кивая головой, словно тертый калач, повидавший виды на своем веку. — Что ж, ты получил хороший урок. Теперь с чистой совестью можешь начинать все с начала.

— Похоже на то. И где-то на белом свете найдется газета, которая не побоится нанять репортера, способного на честное расследование. Но пока что мне придется затянуть пояс. С деньгами туговато. Вот я и решил спросить на всякий случай... нельзя ли устроиться в твою фирму на неполный день? Из меня мог бы выйти недурной речеписец.

Рич бросил взгляд на Черил, которая ответила ему улыбкой, и надолго припал к своему бокалу.

— Знаешь, эти русские делают самую лучшую водку на свете, — проговорил он наконец. — И самую худшую. Штука в том, чтобы отличать, какая из них какая.

Пол кивнул. Он уже сто раз слышал рассказы Рича о том, как фирма однажды послала его в Москву, где он узнал «все, что нужно знать о русской водке и русских женщинах».

— Короче говоря, — продолжал Рич, — я не знаю. Я поспрашиваю. Иногда мы нанимаем временных

работников, но обычно это бывают юристы без диплома или адвокаты, которые предпочитают работать втемную, если ты понимаешь, о чем я...

— Я думал...

— Но я выясню! — решительно объявил Рич и снова поднялся на ноги. — Я обязательно выясню и скажу тебе.

Пол уловил намек и покорно направился к выходу. Дружески обняв Пола за плечи и бормоча что-то ободряющее, Рич проводил его до прихожей и закрыл за ним дверь.

Пол достал связку ключей и повернулся к своей двери. Одним ключом он отпер засов, другим — замок, врезанный в дверную ручку. Толчком распахнув дверь, он прошел в квартиру.

Он давно уже привык к своему жилью, но в этот момент не мог не отметить, насколько оно отличается от шикарной квартиры Рича. Обстановка здесь была куда менее элегантной: простой светло-коричневый ковер, два дивана — короткий и длинный — с коричневой матерчатой обивкой, кресло и сработанная под тиковое дерево стенка десятилетней давности, в которой помещались телевизор, проигрыватель и книги.

Пол двинулся прямиком на кухню, налил себе стакан белого вина из холодильника и вернулся в гостиную, только сейчас заметив, что слегка прихрамывает. Мышцы ныли от усталости. «Надо посмотреть новости», — подумал Пол и направился на поиски пульта. Но в этот момент до него донесся стук в дверь — резкий и частый «тук-тук-тук».

Пол развернулся и пошел к двери, так и не поставив стакан. Отодвинув шторку глазка, он увидел пожилого джентльмена в коричневом твидовом пиджаке. На вид посетителю было за шестьдесят. Аккуратно подстриженные седые волосы и борода; воротник стянут галстуком; пиджак застегнут по всей форме; в руке — папка с зажимом... Гость широко улыбался.

Пол открыл дверь.

— Слушаю?

— Добрый день, молодой человек, — произнес гость. — Вы — Пол Эйблер, и я хотел бы задать вам несколько вопросов, если, конечно, вы не возражаете. Это не опрос общественного мнения, — добавил он. В речи его слышался легкий акцент — гортанный призвук, как в языках славян и жителей Ближнего Востока.

— У меня был очень скверный день, — сказал Пол, решив, что имя его гость прочел внизу на почтовом ящике, а в подъезд попал, увязавшись за кем-нибудь из жильцов. — Может, в другой раз?

— Не хотелось бы показаться назойливым, но если вы ответите на мои вопросы, то получите приз. Поверьте мне, это будет стоящий подарок. Вы от такого не откажетесь. Очень ценный подарок. Вы даже представить себе не можете, насколько ценный. — Взгляд старика скользнул по расцарапанному лицу Пола и перепачканному, разорванному воротничку его белой рубашки. — Похоже, хороший подарок вам сейчас не помешал бы. — Гость слегка улыбнулся — на сей раз сочувственно.

— Со мной все в порядке... — начал Пол, распознав старый коммивояжерский трюк и уже собравшись было захлопнуть дверь. Но улыбка гостя неожиданно напомнила ему о тех давних летних каникулах после первого курса, когда он сам ходил по квартирам, пытаясь продавать журналы. Он работал за комиссионные. И все захлопывали двери у него перед носом.

Как же он старался улыбаться всем этим испуганным, сердитым или безразличным людям, которые не желали даже слушать, что в течение всего первого года он будет доставлять им журнал бесплатно, если они оформят подписку на два года! А они почти никогда не улыбались ему в ответ.

Да, это была паршивая работенка, и, когда снова начались занятия в колледже, он вздохнул с облегчением. Именно в то лето Пол впервые почувствовал на своей шкуре, насколько равнодушными и черствыми бывают люди к незнакомцам. Пол нащупал холодную дверную ручку и потянул на себя, распахивая дверь перед стариком, а в голове его пронеслось: «Меня сегодня уволили, но это мои проблемы. Какое право я имею усложнять жизнь кому-то другому?»

— Какого черта мы тут стоим? — произнес он вслух. — Проходите.

Гость проследовал за Полом в гостиную, закрыв за собой дверь, и подошел к короткому дивану, что стоял под выходившим на Восьмую авеню окном.

— Можно мне присесть на минутку? — спросил он.

— Конечно, — сказал Пол, усаживаясь на длинный диван, стоявший наискосок от короткого. От пиццы у него расстроился желудок, и больше всего ему сейчас хотелось принять пару таблеток аспирина и погрузиться в транс перед телеэкраном с пультом в одной руке и со стаканом вина — в другой.

Он редко позволял себе такую роскошь, но сейчас не мог противостоять соблазну. Вот только выпроводит этого торговца, и... — Но давайте постараемся покончить с этим побыстрее, ладно? — добавил он. — Разумеется, — согласился гость, раскрывая папку. — Итак, первый вопрос: «Верите ли вы в Бога?»

Полу вспомнился давешний уличный проповедник, и его снова охватил гнев.

— Вы из какой-то церкви или секты?

— Упаси Боже, — возразил старик. Карие глаза его сверкнули, и кожа вокруг них вдруг покрылась

сеточкой морщин. — Это для Школы Мудрости.

Обезоруженный очередной улыбкой, Пол только спросил:

— А что это такое?

Взгляд гостя на мгновение стал мечтательно-рассеянным, но затем вновь сосредоточился на лице Пола.

— Через каждые сто лет... ну, или около того... когда люди совсем забывают тайну, кто-то должен прийти и снова открыть ее людям. В этом и состоит наша работа.

— Похоже на секту, — заметил Пол. Гость пожал плечами.

— Я здесь не для того, чтобы вербовать вас. Полагаю, вы это имели в виду?

— Да я просто пошутил.

— Нет, — снова возразил старик. — Вы не шутили. Ведь не далее как сегодня утром вы так ловко управились с этим проповедником на улице.

Пол поспешно прокрутил в памяти события последних часов — и вдруг растерялся. Он вспомнил, как, не сдержавшись, высказал вслух свое желание узнать ответы на духовные вопросы, мучившие его с самого детства.

Он посмотрел на гостя и, невольно понизив голос, спросил:

— Там, на улице... вы стояли рядом?

— В некотором роде, — ответил гость, улыбаясь. Его улыбка была такой искренней и сочувственной! В детстве Полу казалось, что именно так должен выглядеть Санта-Клаус.

— Не понимаю, — проговорил Пол. — Это слишком странно. Как бы ни трудно вам было ходить по квартирам, думаю, мне не следовало вас впускать. Вы шли за мной до дома!

— Ну, да. Но сначала я вам немного помог.

— Помогли?

— Спасти ту девочку. — Гость посерьезнел. — Это было благородное решение, Пол, но я видел, что вам это не по силам. Вы поставили на карту свою жизнь. Я не мог этого допустить. Поэтому я решил перенести вас.

Пол отхлебнул немного вина, и воспоминания об этом происшествии нахлынули на него с новой силой.

— Это вы меня толкнули?

— Нет. — Старик покачал головой. — Я вас не толкал.

— Так как же вы мне помогли?

— Я поднял вас и перенес.

— Что?!

— Разве вы не почувствовали, как я поддерживал вас под грудь и за ноги?

Пол немного помолчал, пытаясь перевести дух. Там, на перекрестке, ему действительно почудилось, что его подхватили и понесли чьи-то сильные руки.

— Но я ничего не видел, — выдавил он наконец.

Внезапно диван опустел, и Пол задохнулся от изумления. На подушке, где только что сидел гость, осталась небольшая вмятина.

— Вы и сейчас ничего не видите, — раздался голос гостя прямо из воздуха.

Пол смотрел на пустой диван и с ужасом размышлял — возможно ли, чтобы слишком напряженная работа, постоянный недосып и увольнение в конце концов действительно свели его с ума. «Вот так оно и бывает, — думал он. — Сначала — галлюцинации, как у тех ребят, что слышат голоса в голове. А потом начинаешь вытворять жуткие вещи, потому что голоса тебе так велят...»

— Тебе это вовсе не почудилось, — заверил его гость, медленно появляясь вновь. Только теперь его волосы доходили до плеч и еще не поседели полностью, а борода была гораздо пышнее. Вместо пиджака на нем была белая тога — или, может быть, туника. Штанов не было вовсе, а вместо ботинок на ногах красовались кожаные сандалии. — Все было взаправду. Ты спас ту девочку, а я спас тебя.

Одним добрым глотком Пол наполовину осушил стакан. В желудке стало вначале холодно, а потом тепло. Пол старательно заморгал, отчасти еще надеясь, что галлюцинация исчезнет, но гость по-прежнему сидел перед ним.

Лицо его теперь было загорелым и изрезанным морщинами. Глаза стали темно-карими, почти черными, а руки и ноги — жилистыми и мускулистыми, как у людей, всю свою жизнь занимавшихся тяжелым физическим трудом.

— Кто вы такой? — проговорил Пол. Старик кивнул.

— Да, это важный вопрос, — сказал он. — Во всяком случае, для твоего времени и места. — Мягкий,

успокаивающий тон. Низкий, рокочущий голос, словно доносящийся из недр какой-то древней, допотопной цистерны. — Но вначале ты должен подтвердить, что действительно чувствовал, как я нес тебя по воздуху там, на перекрестке. Признай, что я говорю правду.

Пол посмотрел на стакан, поднес его к губам и отхлебнул еще глоток. В желудке у него бурлило, ссадины на лице и руке болели. С улицы долетал приглушенный шум машин. На кухне ворчал холодильник. За спинкой дивана, на котором сидел гость, поскрипывала под напором горячей воды батарея отопления. Сквозь стену доносились громыхающие басы — должно быть, Рич включил проигрыватель.

— Да, — сказал Пол, живо припоминая полет через улицу. — Наверное, я и вправду что-то почувствовал. Это были вы?

— Да. Можешь называть меня Ноем. Пол удивленно поднял брови:

— Как того самого? С ковчегом?

— Как того самого.

— Откуда вам известно мое имя? Как вам удалось перенести меня по воздуху так, что я вас не заметил? *Кто вы такой?*

Ной вытянул руки в стороны и оперся о спинку дивана. У него оказались крупные кисти с узловатыми пальцами.

— Я — первый из твоих учителей. Ты принят в Школу Мудрости.

— Но что это такое?

Ной пригладил волосы за ушами.

— Первые Школы Мудрости зародились еще в глубокой древности. Они сформировались на почве жреческих и шаманских школ, которые существуют и по сей день в областях Старших культур. Когда первые правители, первые цари построили первые города-государства, тогда же возникли и первые Школы Мудрости. Это был способ защитить традиции Старшей культуры от натиска культуры современной — Младшей. Традиции сохранялись многими способами.

Раннее христианство тоже было Школой Мудрости — до тех пор, пока Римская империя не взяла в свои руки и не возвеличила над остальными одну из ветвей этого учения. Когда христианство стало официальной государственной религией, Тайна была утрачена. Возникло много путаницы. Пришлось объяснять людям, что Тайна — это не то, что говорил Иисус или еврейские пророки, а совсем другие слова. Несколько прекрасных слов.

— Чему же учат в Школе Мудрости?

— Известно ли тебе, с каким презрением относились в свое время приверженцы ортодоксальной религии к святому Франциску или к Сан Хуану де ла Крусу? А к Мартину Буберу, Мейстеру Экхарту или Руми[15]? Помнишь как их называли? Еретиками, а то и похуже!

Что-то припоминаю. В колледже мы проходили историю мировых религий...

— Все они были мистиками, как и основатели всех великих мировых религий, — сказал Ной. — Они понимали Тайну; они все постигли ее на собственном опыте. Некоторые мистики добились признания при жизни, другие — лишь много лет спустя после смерти, а в большинстве своем они так и оставались безвестными. Но все они обладали такой невероятной силой, такой мудростью и прозорливостью, какие обычному человеку кажутся непостижимыми. И ты можешь обрести то знание, которым они владели. Я здесь для того, чтобы преподать тебе основы.

— Значит, вы — что-то вроде проповедника?

Ной покачал головой.

— У таких, как я, много имен. Исконные народы Северной Америки называли нас оборотнями, древние греки и римляне — богами и богинями, семитские племена — пророками. А современные европейцы и американцы называют нас призраками, духами или ангелами. Но ты можешь звать меня просто «другом».

У Пола перехватило дыхание. Он снова вспомнил руки, подхватившие его на перекрестке... и то, как этот бородатый старик исчез, не вставая с дивана, а потом снова появился.

— Значит, вы — ангел... Ной со смехом перебил его:

— Предпочитаю «духа». Это название лучше передает суть — во всяком случае, на твоем языке. «Ангел» подразумевает связь с какой-то определенной религией или вероучением. А «дух» — нечто более общее. О духах знают представители всех культур.

— Значит, вы — дух Ноя? Того, что с ковчегом? Ной пожал плечами.

[15] Святой Франциск (Франциск Ассизский, 1181—1226) —итальянский проповедник, основатель католического монашеского ордена францисканцев; проповедовал отказ от всех земных благ и самоотверженную любовь к ближнему. Сан Хуан де ла Крус (1542—1591) — испанский мистик, христианский писатель и поэт, прозванный «экстатическим доктором»; при попытке реформировать монашеский орден кармелитов столкнулся с ожесточенной оппозицией, но в конце концов преуспел в своих начинаниях. Мартин Бубер (1878—1965) — еврейский религиозный философ, развивал идею «диалогических» отношений между Богом и человеком. Мейстер Экхарт (ок. 1260—1327) — средневековый немецкий мистик, учивший о присутствии Бога во всем сущем; в 1329 г. многие положения его учения были объявлены еретическими. Джелал-ад-дин Руми (1207—1273) — персидский поэт-суфий, автор философских трактатов, развивавших суфийское учение о приближении к познанию Бога через мистическую любовь.

— Просто в этом теле и с этим именем я чувствую себя уютнее. В первый раз я ими воспользовался в конце последней ледниковой эпохи, когда уровень воды в морях поднялся и утонуло много людей. Мою историю постоянно пересказывали, и в конечном счете это и привело меня обратно в ваш мир.

Пол соскочил с дивана и глотнул еще вина.

— Нет, все это слишком странно, — пробормотал он. — Я никогда не верил во всю эту мистическую чушь. Наверно, у меня и вправду поехала крыша от напряжения.

Ной снова исчез. Пол завертел головой, но в комнате никого не было. На этот раз не осталось даже вмятины на диванной подушке, обитой коричневой ворсистой тканью.

— Что за...

— Все взаправду, Пол. Я все еще здесь. — Пол обернулся на звук голоса и увидел, что Ной стоит у кухонной двери. — Разумеется, я с таким же успехом мог бы сейчас оказаться в Гонконге. И даже не исчезая отсюда.

— Это невозможно.

— Разве ты не ходил в воскресную школу?

— Ходил, но...

Иисус сказал: «...дела которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит». Как ты думаешь, Он говорил правду? И в Ветхом, и в Новом Завете рассказывается о людях, которые делали то же, что делаю я. Такие же истории ты найдешь в Упанишадах, Ведах и Коране, в преданиях всех народов мира, в истории всего человечества. Думаешь, это — какие-то случайности или совпадения?

— Но если вы дух, или ангел, или...

— Это к делу не относится. Об этом мы поговорим позже. Я узнал Тайну и однажды спас мир — мой мир. Теперь тебе дается такая же возможность.

Пол грузно плюхнулся на диван и потер левую щеку — ту, которая не пострадала при падении.

— Мне? — переспросил он едва слышным, каким-тоне своим голосом. — Вы, должно быть, шутите.

— Нет, я говорю серьезно. Тебя зачислили в Школу Мудрости. На самом деле тебя внесли в списки еще до того, как ты родился. Именно поэтому ты выбрал эту судьбу, это тело, это время и место. Все вело к одному. Сегодня ты наконец меня позвал — и вот я здесь. И это — твой главный шанс.

— Но я — всего лишь репортер. Я вынюхиваю сенсации и предаю их огласке. Сомневаюсь, что это делает меня пригодным для спасения мира.

— В каждом человеке заложен свой потенциал. Я пришел для того, чтобы показать тебе твой потенциал, помочь его раскрыть. Разве всю свою жизнь ты не чувствовал в глубине души, что тебе предстоит исполнить великое предназначение?

Пол немного помедлил, а затем признал:

— Верно. Но я не придавал этому значения. Я считал это манией величия. Я просто хотел получить Пулитцеровскую премию.

— Именно поэтому ты занялся журналистикой. По той же причине и многие другие люди берутся за то или иное дело. Спасти мир может даже обычный клерк или строительный рабочий. Любому человеку это под силу. А ты избрал этот путь еще до рождения.

— Я сам выбрал свою судьбу?

Да, и не ты один. Однако твоя судьба — жить в этом мире и распространять благую весть, которая спасет мир.

— Но каким образом?

— Сначала ты должен узнать Главную Духовную Тайну Века. А затем ты должен возвестить о ней миру, прибегнув к мастерству, которое ты оттачивал всю свою жизнь. И тогда мир изменится. Можешь считать это главной сенсацией в своей карьере.

— Главная Духовная Тайна Века? — Пол невольно повысил голос. Вино успокаивало его, но он понимал, что должен сохранять ясность мысли, чем бы ни было все происходящее — галлюцинацией или истинной правдой. И он поставил стакан на кофейный столик перед диваном. — Вы хотите сказать, «самая великая тайна этого столетия»?

Ной вернулся к своему дивану и снова сел.

— Скорее уж — самая великая тайна всех времен. Но эта тайна — вовсе ни для кого не секрет. Ее может открыть тебе любой шаман. Ее объявляли все до единого пророки. Иисус рассказывал о ней людям. О ней каждый день кричат во всеуслышание те немногие племена, что еще сохранились в дождевых лесах, джунглях и на равнинах, пока люди твоей культуры разрушают их дома и истощают запасы кислорода на планете. Шесть, даже семь тысяч лет назад о ней писали основатели индуизма. Следующие два тысячелетия о ней говорили еврейские пророки, затем около трех тысяч лет тому назад ее объявил Будда, две тысячи лет назад — Иисус, а в прошлом тысячелетии — Мухаммед.

И вот теперь эту тайну можешь узнать и ты. Все повторяется. Через каждые несколько столетий все

та же весть нисходит к людям вновь и вновь, хотя и в разных обличьях. Различны только слова и метафоры, в которые она может быть облечена. Но, как ни странно, люди в большинстве своем не могут в нее поверить или просто не слышат ее. А официально признанные религии укрывают эту тайну под наслоениями всякого вздора.

Эти рассуждения напомнили Полу долгие беседы, которые он еще в колледже вел со своим другом, Томасом. В чем смысл жизни? В чем разница между духовностью и религией? Что такое вера? Кто сотворил этот мир, и для чего, и как? И почему мы здесь? В гонке за репортерской карьерой все эти вопросы както позабылись.

— Итак, — проговорил Пол профессиональным тоном интервьюера, — в чем же состоит Главная Духовная Тайна Века?

Ной улыбнулся.

— Если я просто сформулирую тебе ее в одном предложении — а для этого хватило бы всего четырех слов, — ты ее не поймешь, как не понимает ее вся твоя культура, да и весь этот мир. Я — первый из трех учителей Школы Мудрости, которые посланы научить тебя тому, без чего невозможно понять истинный смысл Тайны и в свою очередь стать учителем Школы Мудрости. — Он немного помедлил, а затем продолжал:

— Я покажу тебе прошлое, которое ты должен понять, чтобы познать настоящее и будущее. Учти, что некоторые из этих уроков будут очень и очень нелегкими. Так что ты в любой момент можешь просто сказать: «Не хочу», — и я уйду.

Пол обвел взглядом гостиную — коричневый ковер, фотографии друзей и родных, телевизор и проигрыватель, пять книжных полок...

— Должно быть, мне все это мерещится, — произнес он, но тут же опустил голову и смущенно принялся разглядывать свои джинсы и мокасины.

Ной встал и поднял левую руку, повернув ее ладонью вниз. Между его ладонью и полом замерцала призрачная дверь высотой футов в шесть. Пол завороженно уставился на нее. Ему стало страшно; сердце бешено застучало. За дверью расстилался незнакомый ландшафт: песок, чахлый кустарник, вдалеке — одинокая пальма. И небо — ярко-голубое небо, озаренное жарким, ослепительно пылающим солнцем.

Ной отступил на шаг, но картина не исчезла. Указав на дверь, он осведомился:

— Ну, что? Пойдешь со мной?

— Мне нужно искать работу, — брякнул Пол, тут же осознав, насколько глупо это прозвучало.

— Я и предлагаю тебе работу, — спокойно проговорил Ной, не опуская руку. — Этот мир стоит на грани катастрофы, и ему нужна твоя помощь.

— Я вернусь?

— Да, — ответил Ной. — Вернешься. Через несколько минут.

— Тогда зачем идти?

— Время относительно. Там мы проведем несколько часов.

Пол еще раз окинул взглядом комнату, пытаясь хоть как-то зацепиться за реальность, пока она окончательно не уплыла из-под ног. Он посмотрел за окно, на Восьмую авеню, где по-прежнему стояли дома и сновали автомобили, а нормальные люди торопились из одних нормальных мест в другие места совершенно нормального мира. Он взглянул на абсолютно нормальные часы на стене: те показывали нормальное послеобеденное время — двадцать пять минут шестого. И он перевел взгляд на волшебную дверь.

Глава 3. Рукотворные боги

Распахнутые врата в иной мир тихо мерцали, а призрак Ноя все так же стоял, удерживая их открытыми. Он смотрел на Пола не мигая, сдвинув брови, плотно сжав губы. Что выражалось в его взгляде — гнев, осуждение, надежда или какое-то иное чувство, непостижимое уму? Этого Пол понять не мог. Поэтому он снова уставился на дверь, на странный, чужой мир, раскрывшийся за нею и простирающийся в дальнюю даль — гораздо дальше, чем панорама зданий за окном гостиной.

— Пойдешь со мной? — снова спросил Ной. Тон его ясно давал понять, что, ответив на этот вопрос отказом, Пол совершит чудовищную ошибку.

— Ну, ладно, — наконец решился Пол. Какой-то частью сознания он страшился, что пожалеет об этом, но интуиция подсказывала, что он сделал правильный выбор. На худой конец, будет о чем вспомнить. Голова у него кружилась, но желудок успокоился, сердце билось ровно, а мышцы рук и плеч мгновенно расслабились, стоило ему принять решение. Он поднялся с дивана.

Ной прошел в призрачные врата, сделал несколько шагов по песку иного мира, остановился, обернулся и жестом пригласил Пола следовать за ним. Пол повиновался. Когда он перешагивал порог, уши его наполнились тихим звоном. Он ступил на песок и с удивлением обнаружил, что тот совершенно плотный и материальный. От горизонта до горизонта тянулась бескрайняя пустыня, а небо над ней было таким огром-

ным, просторным и синим, что, казалось, каждый звук должен отдаваться эхом в его бездонных глубинах.

Воздух со свежим, бодрящим металлическим привкусом чистого кислорода чуть отдавал запахами дальних костров и какой-то незнакомой Полу пряности. У Пола запершило в носу и в горле, и на мгновение глаза его заслезились от резкой перемены влажности и освещения. Солнце палило нещадно, и Пол подумал, что скоро обгорит, если не найдет какое-нибудь укрытие. Но вокруг не было ничего, кроме камня, песка, низкого кустарника да редких деревьев, похожих на мескитовые, которые ему когда-то довелось видеть в Аризоне.

И лишь далеко-далеко впереди выделялись на фоне неба крошечные силуэты людей и медленно ступающих под тяжестью груза верблюдов, а справа над горизонтом поднималась линия леса. Слева в отдалении поблескивала вода; внимательно приглядевшись, Пол различил оросительный канал с раскинувшимися по берегам зелеными полями, на которых копошились еще какие-то люди. Пол обернулся назад и увидел в проеме двери свою нью-йоркскую квартиру. Но тут прямо у него на глазах дверь потускнела и растаяла в воздухе. Сердце Пола тревожно сжалось.

— Как мы вернемся обратно? — поинтересовался он, стараясь подавить нарастающую панику.

— Когда нам понадобится дверь, я открою ее снова, — ответил Ной.

Пол успокоился: у него не было причин не верить своему спутнику.

— Где мы? — спросил он.

Позади того места, где прежде была дверь, Пол увидел обнесенный стеной город с постройками из дерева и камня. Судя по всему, жизнь здесь била ключом. В центре города возвышалась четырехугольная крепость: высокие деревянные сваи, увенчанные массивной каменной надстройкой. На городской стене стояли дозорные с луками за спиной и копьями в руках.

— Это город Ниппур, — сообщил Ной. — По другую его сторону проложен большой канал, по которому поступает вода из Евфрата. Сам Евфрат протекает к западу отсюда, а дальше к югу находится город Ур. На северо-западе — Вавилон. На востоке, близ Каспийского моря, лежит земля Нод, в которой Каин нашел себе жену, как сказано в Библии.

— Но это значит, что на земле уже были другие люди, кроме Адама и Евы, — заметил Пол.

— Конечно, были, — подтвердил Ной. — История Адама и Евы — это отнюдь не история сотворения всего человечества. Это история возникновения одного-единственного народа. У каждого народа, у каждого племени на земле есть своя история творения. И каждая из таких историй повествует о том, как появилось именно это конкретное племя, — не важно, спустилось ли оно на землю с солнца, произошло ли от какого-то божества или свалилось с дерева, как спелый плод.

— Это мне никогда не приходило в голову, — признался Пол. — Но звучит разумно. Ведь в Библии говорится, что Адам и Ева были сотворены лишь около шести тысяч лет назад, тогда как археологи утверждают, что люди населяют землю уже по меньшей мере двести тысяч лет. Должно быть, библейская история повествует о происхождении народа, который мы теперь называем евреями.

Ной пожал плечами, словно это было самоочевидно, и продолжал:

— Земля Нод лежит к востоку отсюда, а местность, которую некогда называли Эдемом, — к юго-западу. Мы с тобой находимся в Древней Месопотамии. Это часть Древнего Шумера, или, если угодно, часть современного тебе Ирака. Тысячу лет назад, считая от времени, в которое мы сейчас попали, наводнения вынудили здешний народ покинуть обжитые места у слияния Тигра и Евфрата и подняться вверх по течению рек. А пятьсот лет назад в эту область вторглись строители курганов.

— Строители курганов?

— Кочевой народ, обитавший к северу отсюда, в окрестностях Кавказа. Когда здесь начались наводнения, этих кочевников, напротив, постигла засуха. Под угрозой голода они взялись за мечи и выступили на поиски пропитания. Они проникли не только сюда, но и южнее, в Индию, на восток, вплоть до Китая, на запад и север, в Европу. И повсюду на своем пути они смешивались с местными племенами, ибо своего государства у них не было.

Они почти исчезли с лица земли уже сейчас, за пять тысяч лет до твоего рождения. Их уже не отличить от здешних народов, от народов Индии и других азиатских стран, от народов Европы. Смешалась не только кровь — смешались языки, обычаи и боги. Кочевники принесли с собой алфавит, и с появлением письменности культура преобразилась до неузнаваемости. Люди стали более жестокими и властными, мышление сделалось педантичным и абстрактным. Левое, мужское полушарие мозга, которое обрабатывает информацию при чтении, возобладало над правым.

— Значит, мы находимся в какой-то переломной точке истории? Где-то в прошлом?

— Да. Примерно за три тысячи лет до Рождества Христова... плюс-минус век. За пять тысяч лет до того момента, в который мы покинули твою квартиру.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил Пол.

— Здесь ты получишь первый урок мудрости. Урок, который подготовит тебя к восприятию Тайны.

Ной бодро зашагал в направлении города, и Пол, спотыкаясь, ускорил шаг, чтобы не отстать от сво-

его спутника.

Они шли молча; Пол интуитивно чувствовал, что говорить сейчас не стоит, а Ной не делал попыток завести беседу. Стояла жара, но воздух был настолько сухим, что Пол не потел. Он расстегнул белую рубашку, под которой была еще футболка с клинообразным вырезом, и опустил рукава, чтобы защитить руки от палящего солнца. Минут через пятнадцать они добрались до стены и вошли в город через широкий проем в каменной кладке. Стражники, охранявшие проход, играли в какую-то игру, подбрасывая белые камешки. Они взглянули на Ноя и Пола с любопытством, но ничего не сказали.

— Это Урские ворота, — сообщил Ной, когда Пол вслед за ним прошел между высокими кирпичными колоннами. Эта часть города была застроена невысокими домами из высушенного на солнце кирпича и дерева, очевидно, доставленного откуда-то издалека.

Люди бросали на Ноя и Пола удивленные взгляды, но никто ничего не говорил. Пол почувствовал, что в воздухе сгущается страх; один из стражников поднялся и побежал куда-то в город. Пол поймал его украдкой брошенный взгляд, и ему тоже стало не по себе. Страх оказался заразным. К тому же Пол подозревал, что стражник побежал сделать или сказать нечто такое, что может доставить им с Ноем неприятности. Может, ему заплатят за известие о странных чужеземцах. А может, он сделает круг и вернется, чтобы напасть на них и ограбить.

Но ничего поделать было нельзя, и Пол попытался выбросить из головы мысли о «соглядатае», как он про себя окрестил этого типа. Он шел вслед за Ноем по ведущей к центральной крепости пыльной улице. Воздух стал более влажным; над крепостью виднелись верхушки деревьев; и чем ближе к центру города, тем пышнее становилась растительность.

Оглядываясь вокруг, Пол рассматривал прохожих, идущих по своим делам. Время от времени среди них попадались длинноволосые, горделиво вышагивающие люди в красивых одеждах, но большинство составляли коротко стриженные бедняки в грязных отрепьях, тянущие за собой тележки или несущие разные грузы на голове, плечах или спине. Полу вспомнились римляне и другие, еще более древние рабовладельческие народы, метившие рабов короткой стрижкой.

Дети в оборванной одежде бегали и возились прямо в уличной грязи, хотя и под бдительным надзором взрослых; другие тащили вязанки хвороста и корзины с зерном, похожим на ячмень. Пол с удивлением подметил, что на улицах нет ни одной женщины — только мужчины.

Они обогнули какой-то пустующий дом и оказались перед открытой дверью. Ной молча вошел внутрь. Пол последовал за ним, радуясь возможности укрыться от солнца. Ной провел его через большую комнату и по коротенькому коридору, в конце которого оказалась комната поменьше, с открытым окном в одной из стен.

В другой внешней стене, чуть ниже уровня окна, Пол заметил маленькую нишу — квадратное углубление со сторонами около двух футов и глубиной дюймов в шесть. Эта ниша сразу же притягивала к себе внимание, так как помещалась прямо напротив двери и первой бросалась в глаза входящему. В углублении стояла вылепленная из красновато-коричневой глины статуэтка высотой примерно в пять дюймов: женщина с раздутым животом, широкими бедрами и огромными отвислыми грудями.

— Это — домашняя богиня, — пояснил Ной. — До нашествия кочевников местный народ поклонялся богиням — покровительницам жилищ, полей, храмов и лесов. Люди понимали, что именно женщина дарует жизнь, и считали, что верховные божества, посылающие урожай, дожди и все прочие блага на свете, обязательно должны быть женского пола.

Но у строителей курганов была иная вера. Они привыкли выживать в борьбе, истребляя, покоряя и ассимилируя другие народы, а потому чтили не подателей жизни, а богов, отнимающих жизнь. Воинственных богов. Богов-мужчин, которые даровали им победы над всеми мирными племенами, поклонявшимися богиням, — богов, в величии и мощи которых не было причин усомниться.

И в результате большинство народов, с которыми соприкоснулись эти кочевники, тоже стали поклоняться божествам мужского пола. Мужские божества вытеснили женских или, по меньшей мере, заняли верховные места в пантеоне. Как видишь, многие земледельцы в Ниппуре, Вавилоне, да и по всему миру, все еще почитают старых богинь, однако лет через четыреста эти культы исчезнут.

Пол поглядел на диковинную фигурку в нише и с сомнением промолвил:

— Но это всего-навсего статуэтка.

— Нет, это богиня, — возразил Ной. — Во всяком случае — для людей, живших в этом доме, и для доброй половины всех прочих жителей этого города.

— Божество-женщина?

— Да. Люди говорят с ней, приносят ей жертвы, молятся ей о ниспослании урожая и крепкого здоровья, просят у нее помощи для рожениц. Но они знают, что просить у нее военных побед бесполезно: ведь женщины даруют, а не отнимают жизнь. Со временем население города увеличится, и людям придется воевать с обитателями других мест за древесину, плодородные земли и пищу. И тогда они будут вынуждены обратиться к мужским богам, которые займут место женских.

— Но ведь это — всего лишь кусок глины! — воскликнул Пол, гадая про себя, не следует ли ему по-

клониться статуэтке, встать перед ней на колени или что-нибудь в этом роде.

— Нет, это богиня, — повторил Ной. — Не статуэтка богини, а богиня собственной персоной. Это Аруру, породившая от Энлиля первые семь пар смертных мужчин и женщин. Она сотворила Гильгамеша и даровала жизнь здешнему народу — племени шумеров. Каждая такая статуэтка в этом городе — сама Аруру. А до нашествия кочевников она стояла и в главном храме.

— Ничего не понимаю, — проговорил Пол, припомнив, что ответила одна его приятельница-католичка на расспросы о том, почему люди в католических храмах молятся перед статуями Девы Марии и другими изображениями и почему она носит крестик с золотой фигуркой Иисуса. — Наверное, это все-таки статуя, символизирующая нечто большее, чем просто статуя.

— Нет, — сказал Ной. — Это богиня. Здешние люди в этом совершенно уверены. Эта богиня обладает особыми силами и возможностями, и, когда люди молятся ей, они молятся именно этому... — Ной указал на статуэтку, — этому куску глины. Они молятся именно этому, — повторил он, — а не чему-то, как ты выражаешься, большему.

— Но ведь люди сами ее сделали! Ной слегка наклонил голову и спросил:

— А кто сделал людей?

На какое-то мгновение Пола охватил ужас. Реальность вздрогнула и зашаталась.

— Так, значит, она и вправду богиня? То есть именно она посылает дождь и все такое прочее?

— И да, и нет, — ответил Ной. — Для тебя и для меня она — всего лишь кусок глины. Но для местных жителей она — богиня. И то, и другое соответствует действительности.

Пол озадаченно кивнул, пытаясь осознать, что же все это значит. С каким-то смутным беспокойством он припомнил первую заповедь, подразумевавшую, что библейский бог ревнив: «Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим»[16]. Но каким образом у кого-то могут быть другие боги, если в той же Библии утверждается, что бог един?!

Почему библейский бог ревнует к другим богам, если их не существует?

— Это и есть Школа Мудрости?

— Школа Мудрости — это не какое-то определенное место, — сказал Ной. — Учение Школы Мудрости находится и вокруг тебя, и внутри тебя. Когда ты пройдешь обучение, уроки Школы Мудрости останутся в тебе навсегда. Где бы ты ни оказался, они всегда будут с тобой.

Внезапно снаружи донесся какой-то лязг. Пол обернулся и увидел на пороге четырех воинов: впереди — двое с короткими железными мечами, а чуть позади — еще двое с копьями. Все четверо были мускулисты и темноволосы; на всех были одинаковые юбки, сшитые из полосок кожи и украшенные бронзовыми медальонами и лоскутами красной ткани. Те двое, что вбежали в комнату первыми, угрожающе жестикулировали, глядя на Пола. Тот отступил на шаг и поднял руки.

— Стоп! Я всего лишь турист, — проговорил он, пытаясь придать своему лицу выражение полной искренности и дружелюбия.

Солдат, стоявший ближе к Ною, ткнул мечом в сторону Пола — не по-настоящему, а просто в знак угрозы — и разразился потоком неразборчивых гортанных звуков.

— Он говорит, что закон Энлиля воспрещает находиться в этом богохульном месте, — перевел Ной. — Люди, жившие в этом доме, отказались уничтожить свою богиню, и их убили. Если мы останемся, нас тоже убьют. — Он взмахнул рукой. — Теперь ты можешь говорить на их языке и понимать его. Для тебя их речь будет звучать точь-в-точь как английская, и сам ты будешь говорить по-английски, но они тебя поймут.

Солдат свирепо зыркнул на Ноя и прорычал:

— Приходить сюда поклоняться Аруру запрещено! Вы совершаете святотатство!

— Мы — сановники из далекой страны, — спокойно отвечал Ной. — Мы зашли сюда, потому что нас интересуют местные обычаи.

Воины с мечами возмущенно затрясли головами, а те двое, что стояли позади, только внимательно прислушивались к разговору. Очевидно, это были подчиненные. Солдат, заговоривший первым, — настоящий великан, каменная глыба мускулов, черноглазый, с курчавыми черными волосами и бородой, — снова впился в Ноя свирепым взглядом. Тот лишь улыбнулся в ответ. Тогда солдат заорал:

— Ты лжешь!

Ной подался вперед, поднял руку со сжатым кулаком и выкрикнул в ответ:

— Я говорю правду! — и, указав на Пола, добавил: — Этот человек — Нуску, известный также под именем Пол, в прошлом верховный служитель Энлиля, а ныне — верховный служитель Ану. Тебе, должно быть, известно, что Ану очень сердит на Энлиля. Вот он и послал Пола поговорить с Энлилем.

Солдаты отступили в коридор и стали совещаться вполголоса.

---

[16] Второзаконие, 5: 7.

— Кто такой Энлиль? — спросил Пол.

— Бог-творец, создатель людей и бурь, — ответил Ной. — На настоящий момент он возглавляет пантеон. Но через несколько десятков лет он уступит свое место Ану, отцу Энмешарры, которого убил Энлиль. Эти люди знают, что Ану очень зол на Энлиля, а вмешаться в дела Энлиля они не посмеют, потому что этот бог славится крутым нравом. Между прочим, местные жители верят, что однажды Энлиль наслал великий потоп, от которого спаслась в ковчеге только одна семья.

— Ноев ковчег?

— Нет, этот ковчег построил один праведник по имени Утнапиштим. Но история в общих чертах та же.

— Эти люди — евреи?

— Нет, мы находимся в стране, которую вы называете Древним Шумером. А эти люди — шумеры, предшественники вавилонян. Предки древних евреев живут в нескольких сотнях миль отсюда. Впрочем, этим двум народам предстоит столкнуться друг с другом много, много раз.

Командир отряда вернулся в комнату. На лице его была написана воинственность, мышцы нервно подергивались.

— Этот твой Пол не может быть вестником Ану. У него подрезаны волосы, как у раба. Видать, это твой раб.

— Такую прическу носят аристократы в земле Ану. Посмотри на его одеяния! Видишь, какая тонкая работа? И сам он — не простой смертный: в его жилах течет божественная кровь.

— А ты кто такой? — спросил солдат.

— Я — его слуга.

— Х-ха! — внезапно выкрикнул солдат и вонзил свой меч Ною в живот. Пол в ужасе уставился на эту сцену. Ной выпучил глаза и беззвучно разинул рот, по его тунике потекла красная струйка. Солдат отступил, вытаскивая меч из раны и всем своим видом выражая довольство. Второй воин приставил острие меча к животу Пола.

Пол задрожал: ему захотелось выйти из игры. Сердце вновь заколотилось от страха. В комнате словно бы стало светлее; Пол отчетливо слышал тяжелое дыхание двух солдат. Ной прижал руки к животу, словно пытаясь удержать внутренности на месте, и попятился; лицо его залила бледность. Он снова открыл рот, но тут же закрыл, как будто хотел что-то сказать, но передумал.

Второй солдат подтолкнул Пола мечом, оттесняя его к стене. Острие клинка по-прежнему упиралось ему в живот.

— А теперь говори правду, — велел воин. — Кто ты такой?

Ладони мгновенно вспотели, дыхание участилось. Бежать некуда. Из этой комнаты не выбраться. Четырех вооруженных солдат ему не одолеть.

— Ной! — негромко позвал Пол, пытаясь скрыть охватившую его панику. — Что происходит? — Сквозь рубашку он почувствовал, что кончик меча прижался к животу сильнее. Еще чуть-чуть — и острие вспорет кожу и мышцы.

Ной закашлялся, глубоко, шумно вдохнул и повалился на пол. Больше он не шевелился и не дышал, а земляной пол под ним медленно пропитывался кровью.

— Кто ты такой? — повторил солдат.

И тут Пол вспомнил те времена, когда он выдавал себя за помощника нью-йоркского сенатора, чтобы собрать те злосчастные материалы для «Трибьюн». «Войди в роль, — сказал он себе. — Стань тем, за кого себя выдаешь».

Он распрямил спину и развернул плечи.

— Я — Пол. Я пришел говорить с Энлилем. Ану поручил мне задать ему вопрос.

— Докажи, — потребовал солдат, заколовший Ноя. «Интересно, что бы сказал на моем месте настоящий вестник Ану?» — подумал Пол. И ответ тут же пришел.

— Я докажу это Энлилю. Вы и так уже навлекли на себя гнев Ану и Энлиля, убив моего спутника. — На мгновение голос его пресекся, но Пол взял себя в руки и продолжал: — Если вы убьете меня, то ярость богов обрушится на вас и на весь ваш город.

Солдат, прижавший Пола к стене, напрягся, изготовясь нанести смертельный удар. Но его командира, очевидно, проняло: поскольку именно он убил Ноя, угроза относилась к нему в первую очередь.

— Стой, — велел он. — Видишь, как он странно одет? И лицо у него безволосое. Он точно чужеземец. Отведем его к жрецам, и пусть Энлиль решит его судьбу.

Пол вздохнул с облегчением, но понимал, что расслабляться рано.

— А заодно и ваши судьбы, — добавил он, с удовлетворением отметив, что солдаты вздрогнули от его слов.

Приставив копья к спине Пола, солдаты повели его по кривым, узким улочкам. Встречные ребятишки хихикали, показывая на него пальцами: их смешили его одежда и прическа, его гладко выбритое лицо. Коротко остриженные взрослые просто отводили взгляды, а длинноволосые только приветствовали кивками солдат, не удостаивая вниманием пленника.

Наконец они подошли к воротам частокола, окружавшего центральную часть города. Командир отряда вполголоса перекинулся несколькими словами с копьеносцами, охранявшими ворота. Те почтительно отступили, отведя копья в стороны, и четверо солдат с пленником проследовали внутрь.

Пол шел с высоко поднятой головой, как и подобало вестнику бога. Солдаты подвели его к массивному каменному зданию с облицовкой из отполированного мрамора и гранита и отделкой из тщательно отесанных кедровых бревен. По сторонам от входа в здание сидели на разноцветных ковриках два жреца.

К ним медленным, но беспрерывным потоком текли длинноволосые — местная знать. Каждый оставлял на коврике подношение — либо пищу, либо резной камень или кусочек металла, — брал взамен маленький глиняный черепок, покрытый клинописными знаками (что-то вроде квитанции, подумалось Полу), кланялся и, пятясь, удалялся.

Солдаты и Пол направились прямо к двери. Жрецы, собиравшие подношения, проводили их возмущенными взглядами, и сидящий справа даже попытался протестовать, но один из солдат подбежал к нему и начал что-то втолковывать, бурно жестикулируя. Спустя несколько секунд жрец перестал таращиться на Пола и без лишних разговоров упал ниц. Солдат вернулся в строй.

Пройдя в дверь, Пол и его провожатые оказались в огромном зале, стены и потолок которого были отделаны золотом, полированным деревом и мозаичными узорами из разноцветных камней. Светло-серый гранитный пол был отшлифован до блеска и смазан маслом. Слышалось эхо какого-то тихого бормотания — звучали сразу несколько голосов.

Пол заметил еще одну дверь, ведущую во внутренние покои. На деревянной скамье у двери сидел мужчина в желтых одеждах, украшенных искусной красно-зеленой вышивкой. Командир отряда коротко переговорил с ним. За это время Пол успел рассмотреть стоящих по обе стороны скамьи каменных псов — изваяния высотой фута в три. Вдоль стен зала в разных местах тоже были расставлены резные фигурки собак помельче.

Мастера явно старались придать статуям подобие жизни: десны собак были красными, глаза — зелеными, а тела покрыты охряными, коричневыми, черными и соломенно-желтыми полосами и пятнами. Жрец внимательно оглядел Пола с головы до ног, содрогнулся и кивнул головой, что Пол истолковал как позволение войти. Двое солдат повели его в святилище, а двое остались со жрецом, сторожившим вход.

Потолок возвышался на сорок футов, а внутренние стены святилища оказались сложенными из крупных светло-коричневых камней. Их украшали изысканные фрески, рисунки, изображавшие быков и людей, рельефные металлические фигурки птиц и собак и чертежи, похожие на географические карты.

На одной из стен Пол заметил большую панель с иероглифами в верхней части; ниже располагались вертикальными рядами буквы алфавита, явно высеченные позже, чем иероглифы. В этом зале тоже стояло множество изваяний, глиняных и каменных, но, кроме собак, здесь были еще и статуи мужчин, застывших в странных позах («Как будто у них шея болит», — подумал Пол). В воздухе смешались запахи кедрового дыма, ладана и пота.

В центре святилища возвышалось пирамидальное сооружение из отполированного до блеска желтого камня высотой футов в двадцать. Припомнив выслушанные в колледже лекции по истории, Пол сообразил, что эта штуковина называется зиккуратом. От широкого основания к вершине уступами вели ступени высотой и шириной примерно в фут.

По устройству сооружение напоминало ту маленькую пирамиду к северу от Канкуна, которую Пол покорил как горную вершину, когда путешествовал по Мексике во время каникул. На верхней площадке — квадрате со стороной в три фута — возвышалась десятифутовая каменная статуя: крылатый мужчина, держащий в одной руке пурпурную мантию из настоящей ткани, а в другой — сверкающее золотое копье. Распростертые крылья выдавались в стороны фута на два. У ног изваяния были разложены свежие плоды и цветы.

Догадавшись по поведению своих провожатых, что эта статуя — не кто иной, как Энлиль, Пол кивнул ейл вложив в этот жест не только почтительность, но и изрядную долю фамильярности. Это была проверка. От того, как он будет действовать в следующие несколько минут, зависела сама его жизнь.

На циновках, в изысканном узоре которых переплелись красные, желтые и золотые нити, восседали лицом к статуе Энлиля двое мужчин в желтых мантиях. Перед ними лежали тонкие кисточки и развернутые свитки то ли из плотной бумаги, то ли из тонкой отбеленной кожи. Возле каждого свитка стояла плошка с черными чернилами.

У обоих жрецов были длинные черные волосы и черные бороды, что в сочетании со смуглой кожей и черными глазами говорило о ближневосточном происхождении. Ногти обоих были окрашены пурпуром, пальцы унизаны серебряными и золотыми кольцами. Один жрец был тучным и низеньким, второй — худощавым и производил впечатление эстета.

Одинаковым плавным движением оба поднялись и двинулись навстречу Полу и солдатам.

Худощавый жрец заговорил первым, обращаясь к командиру отряда:

— Кто этот человек, которого ты посмел привести в святилище?

— Он говорит, что его зовут Нуску, — отвечал командир. — Он назвался служителем Ану. Его спутник был слишком дерзок, и я убил его. Но этот человек воззвал к имени Энлиля, чтобы тот решил его судьбу. Вот мы и привели его сюда.

Жрец кивнул.

— Мудрое решение. Он и впрямь выглядит необычно. И одежда на нем странная.

— Вот и я так думаю, — подхватил солдат. — Времена сейчас опасные. Может, он и тот, за кого себя выдает. А может — лазутчик.

Толстый жрец подошел к Полу почти вплотную; изо рта у него сильно несло чесноком.

— Ну, так кем ты там назвался? — переспросил он голосом, исполненным презрения.

— Я — Пол, именуемый также Нуску. Я пришел задать Энлилю вопрос от имени Ану.

— Нам не было ни знамений на этот счет, ни пророчеств. Энлиль не предупреждал нас о твоем приходе.

Пол пожал плечами.

— Но я здесь. Разве этого мало? Худощавый жрец шагнул вперед.

— Нет, ты лазутчик.

Солдаты тоже шагнули вперед, и Пол почувствовал, как острие копья уперлось ему в левую почку, а меч коснулся шеи. Вспомнив, что размахивать кулаками не следует, — Ной уже попробовал, — Пол торопливо засунул руки в карманы джинсов. В левом кармане оказалось что-то твердое... «Биковская» зажигалка, которую всучил ему Мак!

— Нет, я представитель бога, облеченный всеми надлежащими полномочиями, — проговорил Пол, медленно вынимая руки из карманов. Зажигалку он зажал в левом кулаке, чтобы ее не заметили раньше времени. — Мне дана власть над силами стихий.

Солдаты расхохотались, а жрецы озадаченно уставились на него.

— Вы только скажите, и мы выведем его отсюда и прикончим, — предложил командир.

— Или убьем его прямо здесь, если это угодно Энлилю, — добавил второй солдат, чье копье упиралось в спину Пола.

— Позвольте вам показать, — обратился Пол к тощему жрецу, сочтя, что из всех присутствующих он наделен наивысшей властью.

— Что показать? — осведомился жрец, изогнув бровь дугой.

— Если на то будет ваша воля, я просвещу этого неразумного воина, — промолвил Пол.

Жрец взглянул на старшего солдата, а тот проворчал:

— Я ему не доверяю.

— Что ты хочешь показать? — повторил жрец.

— Ничего особенного. Все очень просто, — ответил Пол и, медленно подняв левую руку, поднес зажигалку к бороде командира. Один щелчок — и борода вспыхнула.

Старший солдат взвизгнул и с грохотом уронил меч. Схватившись за пылающую бороду, он запрыгал по комнате, пытаясь сбить огонь и сердито подвывая, словно раненый зверь.

Его подчиненный попятился к двери, обеими руками вцепившись в копье и вытаращив глаза. Жрецы отступили от Пола на несколько шагов, но не сводили с него настороженных взглядов. Оба дрожали от любопытства, смешанного с благоговением.

— Ты носишь в руке огонь? — поинтересовался главный жрец, когда подпаленный командир наконец подобрал свой меч с пола.

— Я его убью! — воскликнул командир, но уже далеко не так уверенно. В глазах его застыл ужас.

— Это всего лишь магический талисман, который вручил мне Ану, — ответил Пол жрецу, показывая красную зажигалку. — С его помощью я могу повелевать силами разных стихий. Если тебе мало доказательств, я могу вызвать землетрясение, или свирепую бурю с молниями, разящими насмерть, или...

— В этом нет необходимости, — прервал его главный жрец. Второй служитель Энлиля торопливо кивнул в знак подтверждения. Главный жрец повернулся к солдату: — Можешь идти, и прихвати с собой своего товарища.

— Но они убили моего друга! — заявил Пол.

Как только опасность миновала, его внезапно охватил гнев на солдат, так небрежно убивших Ноя. А к гневу примешивался страх, что теперь ему никогда не вернуться в свое время.

— Сколько стоил твой слуга? — спросил младший жрец. — Мы возместим тебе ущерб.

Пол ткнул зажигалкой в сторону солдат, от чего те вздрогнули и съежились.

— Никто не сможет возместить мне потерю друга, так что я проклинаю этих людей. Очень скоро их постигнет заслуженная кара.

Солдаты выкатили глаза и побледнели, а затем дружно развернулись и выбежали за дверь с такой скоростью, как будто им на пятки наступал голодный лев.

— Итак, — проговорил старший жрец, смерив Пола взглядом собственника, — что тебе поручено передать Энлилю?

— Я должен задать вопрос.

— И какой же это вопрос? — Оба жреца взирали на Пола с нескрываемым любопытством. Тот украдкой посмотрел на свои синие джинсы, на белую хлопчатобумажную рубашку и дешевые мокасины. До него вдруг дошло, что во всем городе ему не встретилось ни единого человека в штанах или ботинках. Пол сделал глубокий вдох.

— Если человек отправился в путешествие во времени, то как ему вернуться в свое время?

— Путешествие во времени? — переспросил старший жрец. — Как если бы старик снова стал молодым?

— Нет, — сказал Пол. — Я имею в виду вот что. Если бы я перенесся из этого мгновения в те времена, когда только родились на свет отцы ваших отцов, то каким образом я смог бы вернуться обратно, в «здесь и сейчас»?

— Такие путешествия невозможны, — заявил толстый жрец. — Ни один конь не смог бы перенести тебя в прошлое.

— Быть может, существуют врата, через которые можно попасть в другое время? — намекнул Пол.

— Тогда пройди через эти врата обратно,— посоветовал старший жрец.

— Но они закрылись, — сказал Пол.

— А их создал или открыл Ану? — спросил старший жрец. — Разве ему нужна помощь, чтобы снова отыскать их?

— Быть может, их создал человек, — сказал Пол. — Ану точно не знает.

— Итак, — подытожил младший жрец, — вопрос в том, как путешествовать по разным временам. И в том, кто сотворил эти врата, о которых ты говоришь, — люди или боги. И где и как отыскать их. Верно?

— Верно, — подтвердил Пол.

— Мы посоветуемся с Энлилем, — сказал старший жрец. — Только не показывай больше, на что способен твой талисман.

— Не буду, — пообещал Пол, засовывая зажигалку в карман. — Благодарю вас.

Жрецы вернулись к своим коврикам, открыли маленькие деревянные коробочки и извлекли оттуда по щепотке сушеной травы, похожей на орегано. Положив траву за щеки, оба немного постояли, старательно размачивая ее слюной. Затем тощий жрец взял кусочки какого-то вещества, похожего на янтарь, и подошел к квадратному кирпичному выступу в дальней стене.

Внимательно присмотревшись, Пол заметил, что над выступом поднимаются струи горячего воздуха, и понял, что именно оттуда исходит кедровый запах. Жрец бросил кусочки камеди на угли, и по комнате разлился аромат ладана. Оба жреца склонились над жаровней и несколько раз глубоко втянули дым носом.

Затем они медленно, словно в трансе, приблизились к подножию зиккурата и встали на расстоянии футов в пять друг от друга. Так же медленно они начали подниматься вверх по ступеням, подчиняясь какому-то неслышимому ритму. Ноги их отрывались от одной ступени и опускались на следующую абсолютно синхронно, как будто телами жрецов управляла единая нервная система.

Добравшись таким манером до верхней площадки, они предстали перед Энлилем и взялись за руки. Тощий жрец что-то запел, затем умолк, но мелодию тотчас же подхватил его напарник. Так они поочередно распевали минуты три-четыре, после чего согнулись в низком поклоне. Затем тощий жрец обратился прямо к статуе и произнес какую-то фразу с вопросительной интонацией.

Несколько долгих минут жрецы стояли, не шевелясь. В святилище стало так тихо, что Пол отчетливо слышал звуки, долетающие снаружи, из-за стен: голоса людей, лай собак, детский плач. Угли в жаровне негромко потрескивали. Запах ладана щекотал ноздри и оседал в горле густым, горьковатым вкусом.

Внезапно один из жрецов принялся энергично кивать, посапывая носом, — видимо, в знак согласия с тем, что поведало ему божество. Второй тоже закивал и захрюкал. Оба подняли руки, по-прежнему держась друг за друга, пропели какой-то короткий мотив, поклонились и медленно, церемонно пустились в обратный путь, пятясь задом по ступенькам.

Затем оба приблизились к Полу. Не разжимая губ, тощий жрец промурлыкал еще какой-то мотивчик. Из уголка его рта стекала на бороду струйка зеленоватой слюны.

Пол промурлыкал в ответ первые несколько тактов из «Row, row, row your boat»[17].

Жрецы дружно кивнули, как будто Пол изрек нечто премудрое. Движения их все еще были странно замедленными. «Наверное, эта трава — какой-то наркотик», — подумал Пол. Кроме того, приятели из католической школы когда-то говорили ему, что ладан тоже может оказывать легкое наркотическое действие, если надышаться им как следует.

— Вы слышали голос Энлиля? — спросил Пол.

— Да.

— И что он сказал?

Тихий голос старшего жреца исполнился благоговейного трепета:

— Энлиль сказал: «Создатель Вселенной сотворил людей, чтобы люди могли сотворить богов».

— И это все?

Это потрясающе! — воскликнул младший жрец. — Это обязательно надо записать.

— Здесь заключена глубочайшая мудрость, недоступная разумению, — проговорил старший. — Поистине, это — новое откровение. И таков ответ на твой вопрос. Это — слово Энлиля.

Глава 4. Вкус соли

Пол сидел на берегу канала шириной в сотню ярдов, неторопливо несущего воды из Евфрата в Ниппур и на окрестные поля. От канала тянуло запахом гнили и отбросов: поверхность воды была затянута плотным ковром бурых нечистот и зеленых водорослей, на котором резвились голубые и рыжие водомерки. В редких просветах плавали черные жуки, загребая, как веслами, длинными суставчатыми задними лапками.

От земли повеяло холодом: солнце клонилось к закату. При виде древнего багрового диска и наползающей с востока иссиня-черной тьмы Полу стало как-то зябко. Город у него за спиной готовился встретить новую ночь, и над безветренными равнинами тихо плыл запах костров.

Пол задумчиво сидел, вспоминая аудиенцию у Энлиля и его служителей. Покинув святилище, он отправился на то место, где недавно растаяла в воздухе дверь, которая могла бы вернуть его в Нью-Йорк двадцать первого века. А после бесплодных поисков пришел сюда, к каналу.

Пока он брел по улицам, все солдаты и жители Ниппура торопливо уступали ему дорогу: очевидно, молва здесь распространялась быстро. Пол заглянул в пустой дом со статуей Аруру, но тела Ноя там уже не было. Остались только пятна крови на полу.

Пол все пытался найти какой-то смысл в словах Энлиля. Чтобы ничего не забыть, он достал из нагрудного кармана блокнот на пружинках и записал: «*Создатель Вселенной сотворил людей, чтобы люди могли сотворить богов*». Он не переставая ломал голову над тем, что бы это значило. Едва ли ответ божества следовало понимать буквально; несомненно, это было какое-то иносказание.

Но еще больше Пола интересовало, почему для жрецов эти слова оказались «откровением». Они отреагировали так, будто статуя действительно сообщила им нечто принципиально новое и, можно даже сказать, революционное, нечто такое, что никогда прежде не приходило им в голову.

Для жрецов эта фраза оказалась какой-то глубокой истиной или непостижимым парадоксом. Может, они испытали коллективную галлюцинацию? Или всего-навсего уделили Полу крупицу старого, давно привычного учения, а все их изумление было лишь частью игры? И, в любом случае, как это поможет ему вернуться домой?

А еще Пол думал о Нью-Йорке — о том, как далеко он сейчас и во времени, и в пространстве. В каком-то смысле, Нью-Йорка еще просто не существует; но с другой стороны, на бредовый сон похоже все окружающее. Примерно в футе над водой висела целая туча мошкары — слоем толщиной около метра.

В этом яйцевидном рое сосредоточились тысячи насекомых, каждое из которых двигалось вроде бы по случайной траектории, но никогда не вылетало за границы облака. Каждое насекомое было отдельным, самостоятельным существом, но все вместе они составляли единый организм.

«...чтобы люди могли сотворить богов...», — подумал Пол, припомнив рукотворных богов — глиняные и каменные статуи. А еще Ной говорил, что грек или римлянин назвал бы его богом. «Может быть?..»

Пол поднялся и повернулся лицом туда, где еще несколько часов назад стояли волшебные врата.

— Ной! — прокричал он. — Я тебя творю! Ничего не случилось.

— Я приказываю, чтобы врата открылись!

Снова ничего — только вдалеке по-прежнему брел по песку одинокий верблюд со всадником на спине.

— Ну же! — завопил Пол. — Ну, пожалуйста!

---

[17] Популярная в США песня. Текст первого куплета иронически перекликается с состоянием Пола Эйблера: «Правь, правь, лодочкой // По теченью вниз. // Веселей, веселей, // веселей, веселей! // Жизнь — всего лишь сон».

— К чему столько шума? — раздался голос у него за спиной.

Пол резко развернулся. На берегу канала сидел Ной — рядом с тем местом, откуда Пол только что поднялся.

— Ной! Ты вернулся!

Я и не исчезал, — сказал Ной, жестом приглашая Пола садиться.

— Но я все-таки сотворил тебя, — заявил Пол, усаживаясь по-турецки рядом с Ноем. — Только что. Я пожелал, чтобы ты возник, как мне посоветовал Энлиль.

Ной хихикнул.

— Извини, Пол, но это не так просто. Тебе еще многому надо научиться.

— Но ведь ты же — здесь!

— Я все время был здесь. Просто ты меня не видел. — Но ты же умер! Там, на полу...

— Ничего подобного. Хорошо я всех разыграл, правда? — Лицо его расплылось в широкой улыбке. — Эти ребята до сих пор ищут мое тело, чтобы предать его земле со всеми почестями. Они надеются, что если положат в мой гроб побольше всякого добра, то отведут от себя проклятие твоей зажигалки. — Он снова фыркнул от смеха. — Через пять тысяч лет кто-нибудь найдет запись об этом происшествии. И археологи двадцать первого века сломают себе головы.

— Ты хочешь сказать, что Энлиль сказал неправду? — поинтересовался Пол.

— Нет, однако и чистой правдой это не назовешь. Правильная мысль выражена не совсем правильным способом. Ведь только так ее могут понять люди этой эпохи.

— Но я-то опережаю местных жителей в развитии на пять тысяч лет. Однако и моему пониманию это недоступно. Объясни мне наконец, что это значит?

Ной задумчиво поскреб бороду левой рукой; кожа на руках у него успела огрубеть и потрескаться. Затем он указал на канал.

— Откуда берется эта вода?

— Из Евфрата. Ты сам сказал...

— А откуда берется вода в Евфрате?

Пол на мгновение задумался, после чего предположил:

— Стекает после дождя ручейками и притоками?

— А откуда берется вода в притоках?

— С неба. Из дождевых облаков.

— А там она откуда берется?

— Накапливается при парообразовании.

— А из чего образуется пар?

— Н-ну... Четыре пятых поверхности Земли покрыто океанами, так что они и дают большую часть испарений. Хотя кое-что испаряется и с суши...

— Итак, — перебил его Ной, наставительно подняв палец, — можно сказать, что вода в этом канале взялась из океана. Верно?

— Разумеется, — согласился Пол. — А потом в конце концов она опять вернется в океан.

Ной кивнул.

— А если я наберу в чашку воды из этого канала или откуда-нибудь еще и заявлю, что это и есть океан, что ты тогда скажешь?

Пол рассмеялся.

— Скажу, что ты ошибаешься.

— Но ведь эта вода — часть океана.

— Да, но не сам океан!

Ной снова кивнул и, огладив бороду правой рукой, собрал ее в кулак, как будто бы для кивка ему нужно было дернуть голову вниз.

— Верно.

— Ты хочешь сказать, что все эти божества — только частицы какого-то более важного бога? Подобно тому, как эта вода — часть большого океана?

— Нет! — решительно возразил Ной. — Я говорю о том, как люди называют вещи, а не о том, чем эти вещи являются.

— Я запутался, — пожаловался Пол.

— Я могу назвать свою чашку воды океаном. И, возможно, мне даже удастся убедить некоторых лю-

дей, что так оно и есть. В особенности тех, кто никогда не видел настоящего океана. Правильно?

— Наверное...

— Но на самом деле это не океан.

— Угу. Не океан.

— Однако каждый народ указывает на своих богов и утверждает: «Это — океан!» Или, еще того хуже: «Это и только это — океан, и никаких других океанов не существует».

— Но ведь Бог действительно един, — заметил Пол. Ной кивнул, сдвинув брови; ноздри его на мгновение раздулись.

— Расскажи мне об этом Едином Боге.

Пол посмотрел на воду, сорвал лист какого-то растения и сосредоточенно принялся раздирать его на тоненькие полоски.

— Это ревнивый бог.

— И как же его зовут?

— Яхве, наверное...

— Но в Библии сказано, что Имя Бога не может быть произнесено. В этом Имени только четыре согласных, но ни одной гласной. Никто не знает, как оно произносится правильно.

— Ну и ладно. Значит, нам не известно, как Его зовут, — уступил Пол, почесывая заработанную еще на нью-йоркском перекрестке ссадину на руке.

— Помнишь, что ответил этот Единый Бог Моисею, когда тот спросил: «Кто ты?»?

— Что-то вроде «Я — это я»?

— Он сказал: «Я семь Сущий»[18]. Иными словами: «Тебе не дано узнать, кто я».

— Почему не дано?

— А разве чашка может вместить океан? Разве она может понять его?

Пол посмотрел на солнце, окрасившееся в темный пурпур. Оно уже наполовину скрылось за горизонтом, а по земле протянулись длинные тени.

— Ясно, — проговорил он, впервые за много лет ощутив, что Бог его детства, библейский Бог, стал ему понятнее и ближе.

— Продолжим, — сказал Ной. — Опиши мне, как Он выглядит.

Пол скатал в шарик одну из полосок, оторванных от зеленого листа, и, щелкнув по нему ногтем, запустил в полет.

— Как горящий куст?

— Ну, уж нет. На самом деле Моисею было сказано, что нельзя увидеть Бога и остаться в живых.

— Звучит ужасно.

— Если понимать буквально — да. Но, по-моему, имелось в виду вот что: «Ты не можешь ни воспринять Меня во всей полноте своими органами чувств, ни описать Меня в словах, так что даже и не пытайся».

— Это как радиоволны, — произнес Пол. Озарения громоздились друг на друга; сердце бешено колотилось. Все становилось таким простым и понятным, таким реальным! Он словно прозрел.

— При чем тут радиоволны? — осведомился Ной.

— Ну, радиоволны существовали в природе всегда. Например, их испускают нейтронные звезды. Но у нас нет органов чувств, способных воспринимать их, поэтому мы не подозревали об их существовании. Если ты попытаешься сказать жителям Ниппура, что с помощью коробочки размером с ладонь можно уловить из воздуха голос человека, находящегося за тысячи миль отсюда, они решат, что ты сошел с ума.

А если ты проделаешь это у них на глазах, они объявят тебя богом или чародеем. Пока мы не изобрели радиоприемник, мы не знали, что радиоволны существуют. Теперь приемник для радиоволн у нас есть. А приемника для Бога — нет.

Ной дернул себя за прядь волос, спадающую на левое плечо.

— Я бы не стал торопиться с выводами. Что изобрели сначала — радиоприемник или радиопередатчик?

— Ох! Понятия не имею, — признался Пол. — Ты имеешь в виду передатчик, созданный руками человека? Интересный вопрос...

— Ладно, подведем итоги. Что теперь ты знаешь и понимаешь? — спросил Ной.

Пол задумался. Он снова вспомнил Энлиля и богиню Аруру, вспомнил Библию и свой личный опыт познания Бога — опыт, не подлежащий сомнению, но совершенно неописуемый в словах.

---

[18] Исход, 3: 14.

— Думаю, можно сказать так: «Сколько бы ты ни пытался описать Бога, ты все равно опишешь Его неправильно».

— Его?

— А что — Ее?

— По правде сказать, и то, и другое — «описания».

— Ах, ну да! — Пол вытащил из кармана блокнот и ручку. — Но в большинстве языков местоимения имеют категорию рода. А описание Бога, которым мы обычно пользуемся, зародилось в культуре, где господствующую роль играли мужчины.

— И что из этого следует? Бог — мужчина или женщина? — спросил Ной.

— Думаю, ни то, ни другое. Бог превыше пола. Или все-таки у богов есть пол?

— Только у таких богов, как Энлиль, — сказал Ной. — А остальные... «Я есмь Сущий» — помнишь? Так что смело можешь утверждать: «Любой бог, которого можно описать, — это не Создатель Вселенной, потому что Создатель Вселенной больше и глубже всего того, что в состоянии описать человек».

Пол кивнул и нацарапал в своем блокноте: «*Любой бог, которого можно описать, — это не Создатель Вселенной, потому что Создатель Вселенной больше и глубже всего того, что в состоянии описать человек*».

Ной хлопнул в ладоши — и уже в следующее мгновение оба они сидели на диванах в гостиной Пола, в его нью-йоркской квартире.

Глава 5. Что, и даже собаки?!

— Ого! Как ты это сделал? — требовательно спросил Пол, схватив с кофейного столика стакан с остатками вина. Он отхлебнул глоток, и от знакомого резкого вкуса рот наполнился слюной. Как приятно было утолить жажду, промучившую его в пустыне несколько часов!

Где-то за крышами манхэттенских небоскребов садилось знакомое, привычное солнце, а привычные, знакомые часы показывали тридцать шесть минут шестого. Если верить им, путешествие заняло одиннадцать минут. Пол вдруг осознал, насколько дорого ему все знакомое, привычное и нормальное.

— Что ты имеешь в виду? Хлопок в ладоши? — уточнил Ной.

— Ну, м-м-м... Что случилось с той дверью? Ной встал и отряхнул свое одеяние.

— Это просто старый трюк. Держу его в запасе для людей твоего поколения.

— Старый трюк?!

— Ага. Разве ты не рассчитывал увидеть «врата в иные миры» или что-то в этом роде? Вот ты их и получил. Кроме того, я хотел дать тебе возможность выбора, чтобы ты сам решил, идти со мной или нет. А когда видишь перед собой дверь, выбирать легче.

— Значит, на самом деле никакие врата тебе не нужны?

Ной прошел на кухню и снова исчез из виду, но на этот раз — самым обычным образом: просто скрылся за стеной.

— Мне не нужно даже это тело, — донесся до Пола его голос одновременно со скрипом открывающейся дверцы холодильника. Ной вернулся со стаканом молока.

— Если бы ты был апачи, я пришел бы к тебе в другом облике. — Он поставил молоко на столик, а уже в следующее мгновение на месте бородатого пожилого джентльмена стоял большой желтовато-бурый пес.

Превращение совершилось так быстро, что Пол не заметил никакого перехода. — Это — койот, — пояснил пес и, вытянув морду, принялся шумно лакать молоко из стакана длинным, красным языком. На стеклянную крышку стола полетели брызги. — Хоп! — добавил он, заметив свою оплошность, и слизал молоко со стола.

И в этот самый момент кто-то громко забарабанил во входную дверь. Пол вскинулся от неожиданности, но к двери не пошел. Стук повторился. На сей раз Пол распознал «почерк» Рича. Он посмотрел на койота, перевел взгляд на дверь, затем — снова на койота. Койот чихнул и исчез, не успев закрыть пасть. На его месте снова появился Ной.

Только теперь на нем был коричневый твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, широкие темно-коричневые шерстяные брюки и туфли марки «Хаш паппиз»[19]. В правой руке он держал пенковую трубку. Волосы и борода были аккуратно причесаны, и выглядел он тютелька в тютельку как профессор девятнадцатого века.

Пол непроизвольно напрягся: в памяти всплыл образ уличного проповедника, пригрозившего ему геенной огненной.

[19] «Хаш паппиз» — товарный знак обувной фирмы «Вулверин», изображение сидящей охотничьей собаки.

— Черт знает что, — пробормотал он. — Ты что — демон?

— Смотря как посмотреть, — пожал плечами Ной, не обращая внимания на выданную Ричем очередную порцию барабанной дроби. — Все дело в определениях. Можешь себе представить, как отреагирует ваш христианский, мусульманский или еврейский священник, если я появлюсь перед ним в виде говорящего койота?

Что бы я ни сказал и что бы я ни сделал, я буду для него злым или «неправильным» божеством. Все они убеждены, что «настоящий» бог должен походить на человека, равно как и все его подручные. А еще они твердо знают, что с появлением официальной церкви эпоха сверхъестественных явлений завершилась.

— Глядя на тебя, этого не скажешь, — заметил Пол, отступая к двери.

— Это точно. Попытавшись описать Создателя Вселенной, ты неминуемо ошибешься. Это невозможно — как невозможно поймать радиоволны руками. Когда меня увидел святой Франциск, он не усомнился, что я — его друг, что я тружусь на стороне Создателя Вселенной и на благо человечества. Так же было и с братом Лаврентием[20], и с Мейстером Экхартом, и с Хуаном де ла Крусом.

Ну, а какой-нибудь телепроповедник одобрит мое существование только при условии, что я как следует раскошелюсь. — Ной с интересом посмотрел на свою трубку, как будто только что заметил ее, и рассмеялся. — Открой дверь. Теперь меня можно показывать гостям.

А Пол все стоял, не в силах справиться с бушевавшей в его душе бурей противоречивых чувств. Зрелище говорящего койота потрясло его до такой степени, что он всерьез задумался: может, перехватить Рича у двери и унести ноги, пока не поздно? К счастью, Ной заметил, что с Полом творится неладное, и подружески улыбнулся уже знакомой ободряющей улыбкой.

Пол вышел в прихожую и открыл дверь. Рич уже успел переодеться в черные слаксы и дорогую рубашку из желтого шелка.

— Я только что поговорил с Бобом... — начал было он, но умолк на полуслове, заметив, что за спиной Пола маячит кто-то незнакомый. — Что это за старикан?

— Так, один приятель, — отмахнулся Пол, стоя в дверях, чтобы Рич не прошел в квартиру со своей обычной бесцеремонностью. Рич всегда заставлял своего соседа дожидаться приглашения, но сам входил к Полу запросто, как к себе домой.

— Привет! — громко крикнул Ной из гостиной. Рич протиснулся мимо Пола и направился прямиком к Ною, протянув руку для рукопожатия. Пол запер дверь, возмущаясь про себя тем, что в каждом встречном Рич видит потенциального клиента, которому в один прекрасный день может понадобиться адвокат.

— Приятно познакомиться, — обратился Рич к Ною, не опуская руки. — Я Рич Уайтхед, адвокат. Зашел предложить Полу кое-какую работенку.

— Приятно познакомиться, — отозвался Ной.

— А вы? — поинтересовался Рич, пропустив его слова мимо ушей.

— Можете называть меня профессором.

— Профессором? Профессором чего? А ваша фамилия?..

Ной посмотрел в окно, словно пытаясь подобрать ответ.

— Фауст. Этика, — наконец проговорил он. Рич рассмеялся.

— Недурно! — воскликнул он, но тут же осекся, заметив, что Ной не смеется. — Вы что, серьезно?..

— Вы — адвокат, — степенно и совершенно серьезно ответил Ной. — Неужели вы ничего не слышали обо мне, когда учились в своем колледже?

— А-а-а, понятно, — улыбнулся Рич. — Пол вам сказал, что я адвокат...

— Нет, это вы сказали. Вы пришли продать душу? Тогда мне придется пригласить кое-кого другого. У меня, видите ли, несколько другая специальность.

Рич повернулся к Полу, ткнув большим пальцем в сторону Ноя:

— Знаешь, он великолепен! Ей-богу, замечательно!

— Да, здорово, — вяло откликнулся Пол, пытаясь представить, как бы отреагировал Рич на койота и что бы он сказал, попытайся Пол поведать ему о событиях последних нескольких часов... или минут, если считать по местному времени.

— Послушай, — проговорил Рич, — нам с Черил уже пора идти, а потом мне надо будет вернуться в контору. Но я сейчас позвонил Бобу Харрелу, моему боссу, и он сказал, что хороший писатель им не помешает, если ты согласен на внештатную работу. Часов двадцать-тридцать в неделю, и платить будут всего сорок долларов в час. Но это только начало.

Пол чуть не задохнулся от восторга и облегчения.

— Сорок долларов в час?! Да это больше, чем я зарабатывал в «Трибьюн»!

---

[20] Брат Лаврентий — французский мистик XVII в., автор трактата «Опыт Божественного присутствия».

— Ну вот, теперь ты знаешь, где водятся приличные бабки, — сказал Рич таким тоном, как будто бросил кость дворняжке. Порывшись в заднем кармане брюк, он вытащил визитку и протянул ее Ною со словами: — Если у вас когда-нибудь возникнет необходимость в хорошей юридической фирме, мы к вашим услугам.

Ной взял визитку правой рукой, в которой все еще держал трубку, и внимательно посмотрел на нее. Левой рукой он, в свою очередь, извлек визитку из кармана своей белой рубашки и вручил ее Ричу.

— А вы позвоните мне, если когда-нибудь решите отречься от зла и перейти на сторону добра.

Рич смерил его самодовольным взглядом, принимая карточку. Но стоило ему прикоснулся к ней, как визитка вспыхнула синим пламенем.

— Эй! — завопил Рич, отдернув руку. Карточка рассыпалась черным пеплом.

— По-видимому, вы недостаточно чисты. Моя визитка вас не стерпела, — сухо пояснил Ной.

— Это уже не смешно! Вы чуть не обожгли меня! Ной кивнул.

— И у вас чуть не появился повод подать на меня в суд.

Рич прищурился.

— Чертовски верно.

— Американцы молятся своим врачам: «Спасите мне жизнь, добрый доктор!» Врачи для них — верховные жрецы. А вот адвокатов они боятся, как демонов. «Пожалуйста, не губите меня, мистер! Не отнимайте у меня дом!» И вы — один из этих современных демонов.

— Полегче! — возмутился Рич. — Юрист — уважаемая профессия.

— Вы в своей жизни хоть раз помогли бедняку? — поинтересовался Ной.

Пол затаил дыхание, уловив в его голосе характерные нотки праведного гнева.

— Нет, — презрительно усмехнулся Рич. — Если им нужна помощь, пусть поступают в юридическую школу, как это сделал я.

— Считаете, у вас все схвачено? — уточнил Ной.

— На что вы намекаете?

— Сэр, — шепотом вопросил Ной, — вы мечтаете о деньгах и власти?

Рич бросил на Пола вопросительный взгляд: не насмехаются ли над ним снова? Пол перевел дух и пожал плечами. Ему сейчас хотелось только одного: чтобы Рич прекратил эту перепалку и убрался восвояси.

— Да, разумеется, — проговорил Рич профессиональным тоном, в котором собеседник обязан был услышать «да как вы смеете?!». — А кто не мечтает?

— Тогда вам следует кое с кем побеседовать, — сказал Ной. И, не добавив больше ни слова, он сунул визитку Рича себе в карман, а трубку — в рот, отвернулся и уставился в окно.

На какое-то мгновение Рич застыл, ошеломленный таким пренебрежением, но затем тоже развернулся и направился к двери.

— Ну и чудные у тебя приятели, — проворчал он Полу на прощание, уже переступив порог и прикрывая за собой дверь.

Пол повернулся и обнаружил, что Ной сидит на диване в своем прежнем обличье: длинные волосы, длинная борода, белая туника.

— Ну, не знаю, что и сказать... — пробормотал Пол.

— Наверно, мне не следовало превращаться в койота, — признал Ной. — Я не хотел тебя пугать. Прими мои извинения за то, что я не удержался в рамках твоей картины мира.

— Это было черт знает что! — сказал Пол, отчасти снова взяв себя в руки.

— Но, если бы ты и вправду был апачи, мое превращение убедило бы тебя окончательно, что я — «настоящий дух». Правда, у койотов не самая лучшая репутация... впрочем, как и у профессоров. — Ной весело хихикнул. — Наверно, надо было стать медведем...

— Не надо, — поспешно возразил Пол.

— Да это я так... просто к слову пришлось, — успокоил его Ной. — Важно не это. Важно, что все эти превращения наглядно иллюстрируют последний из уроков Школы Мудрости, которые я собираюсь тебе преподать.

— Какой урок?

— У тебя есть пульт дистанционного управления этим телевизором? — спросил Ной.

— Не понимаю, при чем тут твой «урок», — заметил Пол, взглядом указывая Ною на пульт, лежащий на столике у стенного шкафа.

Ной кивнул:

— Дай-ка его сюда.

Пол потянулся к пульту, взял его со стола и вручил Ною. Тот нацелил пульт на экран телевизора и нажал кнопку. На экране появилась картинка: две пышноволосые девицы свирепо молотили друг друга кулаками, а вокруг бегал какой-то парень и лупил обеих по голове складным стулом.

— В настоящий момент для тех, кто смотрит данный конкретный телевизор, во всей вселенной существует только одна программа — вот это шоу. Верно?

— Ну, можно сказать и так, — согласился Пол.

— А разве ты видишь еще что-то?

— Нет, но ведь пульт-то у тебя. А есть такие телевизоры, которые позволяют свернуть любую программу в маленькое окошко в углу экрана. Тогда можно одновременно смотреть несколько передач.

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду! Мы настроились на эту частоту — и нам кажется, что кроме этой программы ничего больше не существует. Если бы ты подарил этот телевизор каким-нибудь аборигенам острова Борнео, но не дал бы им пульта, да еще бы выдернул из телевизора переключатель каналов, то они бы так и считали, что существует только одна программа. Понимаешь?

— Да, — сказал Пол, потягивая вино и гадая, как далеко зайдет Ной с этой телевизионной метафорой.

— Так из чего же Создатель Вселенной сотворил мир?

— Из водорода?.. — озадаченно предположил Пол. Внезапная перемена темы сбила его с толку.

— Действительно, водород — это первый элемент периодической таблицы. У него самый легкий атом. Но из чего он состоит?

— Из электронов, нейтронов и протонов.

— А они из чего состоят?

— Откуда мне знать? Из каких-то там субатомных частиц. Кварков, мезонов и прочей мелюзги.

— А они — из чего?

— Я никогда не интересовался физикой, — проворчал Пол. — Я — журналист.

Ной кивнул.

— И это — одна из причин, по которым я нахожусь здесь. Тебе ведь предстоит кое-что написать, помнишь? Но вернемся к нашему вопросу. Самые мелкие из известных нам частиц сочетают в себе свойства материи и энергии. Иными словами, вся материя состоит из энергии. Количество энергии, необходимой для создания, скажем, этого пульта, равняется массе этого пульта, помноженной примерно на тридцать пять миллиардов, то есть на скорость света в квадрате: $E=mc^2$.

А если превратить материю, из которой состоит этот пульт, обратно в энергию, то количество этой энергии превысит массу пульта в те же тридцать пять миллиардов раз. Короче, это как с атомными бомбами.

— А-а-а, теперь припоминаю. Мы проходили это в школе, — перебил Пол. — Ну не странно ли, что Ной читает мне лекцию по физике!

Ной фыркнул.

— Кораблестроители испокон веков находились на передних рубежах науки. Это — историческая традиция, вызванная суровой необходимостью. Между прочим, я знал геометрию и тригонометрию еще до того, как они получили свои названия.

— А теперь, выходит, ты и физику знаешь?

— Вообще-то, я могу узнать все, что доступно познанию. И ты можешь.

— Еще чего! — недоверчиво буркнул Пол.

— Просто поверь мне на слово. В один прекрасный день ты поймешь, что я был прав. — Ной поднялся и подошел к телевизору. — Ну, ладно. Вернемся к телевидению и физике. Вселенная состоит из непрерывного диапазона энергетических волн — от тончайших до самых грубых, и из материи, плавающей в океане этой энергии, подобно кубикам льда в ведре с водой. Улавливаешь?

— А как же.

Под эту тираду Пол успел сходить на кухню и налить себе еще стакан шардоне.

— Может, не стоит тебе так налегать на это вино? — заметил Ной. — Я, конечно, помню, что Павел советовал Тимофею перейти с воды на вино[21], но обычно этот совет не так уж и хорош. Особенно если ты пытаешься научиться чему-то, что поможет тебе спасти мир.

Пол поставил стакан на столик, подумав, что не стоит перечить существу, способному путешествовать во времени и превращаться в койота.

---

[21] Имеются в виду слова святого Павла из 1-го Послания к Тимофею, 5: 23: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов». «Павел» по-английски — «Пол» (Paul).

— Как скажешь.

Ной приподнял бровь и пристально посмотрел на Пола, как будто хотел что-то добавить, но передумал и снова повернулся к телевизору.

— Итак, перед нами — дерущиеся девицы. Нет, теперь — девица и какой-то парень в женском платье. Ну, неважно. Главное — телевизор настроен на данную ретрансляционную станцию. Ты следишь за моей мыслью?

— Угу.

— Допустим, что эта станция соответствует какой-то части энергетического диапазона.

— Ладно.

— На самом деле так оно и есть. Она работает на определенной частоте — скажем, 174 мегагерца. Каждая ретрансляционная станция работает на своем канале, то есть на своей частоте. Каждой станции соответствует определенная частота колебаний. Определенный участок энергетического диапазона.

— Верно.

— Точно так же и наши органы чувств воспринимают колебания определенной частоты. Мы видим свет, чувствуем тепло и слышим вибрации воздуха в диапазоне примерно от 40 до 17 000 колебаний в секунду — так называемые звуковые волны. Как ты думаешь, это — все?

Пол на мгновение задумался.

— А вкус и обоняние?

— Эти чувства основаны на анализе молекулярного строения вещества. Твои вкусовые луковицы и нос — не что иное, как маленькие химические анализаторы.

— Тогда что же остается? Зрение, слух и осязание. Ты их уже назвал. У человека всего пять чувств.

— Нет, есть и еще одно. Между прочим, оно известно каждому врачу, хотя большинство людей о нем забывают. Я имею в виду внутреннее ухо, выполняющее функции гравиметра. Оно воспринимает и оценивает еще одну форму энергии — гравитацию.

— Ты имеешь в виду чувство равновесия?

— Совершенно верно. Благодаря ему ты можешь сейчас сидеть прямо и не падать. Если только ты не перебрал вина. — Ной улыбнулся собственной шутке.

— А я не перебрал, — заверил его Пол, подумав про себя, что этот субъект определенно ему симпатичен. Ведь Ной спас ему жизнь и показал прошлое, а теперь пытается втолковать ему что-то, на первый взгляд очень странное, но, видимо, чрезвычайно важное, — если допустить, что эта информация необходима для спасения мира.

— Итак, ты можешь настраиваться на несколько каналов. Скажем, удобства ради, на четыре. Свет, температура, звук и гравитация. Это всем известно, и все с этим согласятся. Следовательно, можно сравнить тебя с телевизором, переключатель которого рассчитан только на четыре программы, хотя кабель может транслировать пару сотен каналов.

Перед мысленным взором Пола внезапно всплыл образ койота, говорящего все эти слова. Он торопливо отогнал видение, чтобы не рассмеяться.

— Ладно, давай дальше, — проговорил он. Ной склонил голову набок.

— Ты в порядке?

— Да. Я слушаю.

— Ладно. — Ной взмахнул телевизионным пультом, словно волшебной палочкой. — Итак, ты можешь принимать лишь несколько каналов, но в действительности каналов существует великое множество: как нам известно, диапазон энергий непрерывен. Так что тебе известна лишь крошечная частица реальности. Между прочим, тебе известно, что собаки на самом деле видят запахи?

— Нет, — сказал Пол, от души надеясь, что Ной все же воздержится от очередного превращения.

— Я серьезно, — заверил его Ной. — С людьми такое тоже бывает: некоторые люди чувствуют звук или запах цвета. Но у людей это явление называется синестезией и считается расстройством мозговой деятельности. А вот у собак обработкой информации, поступающей от обонятельных рецепторов, занимается в основном часть мозга, ответственная за зрение. Так что собаки действительно видят запахи. Поэтому даже слепая собака может ориентироваться в пространстве почти не хуже зрячей.

— Еще один канал?

— Более или менее. Извини, я кажется отклонился от темы. Просто я очень люблю собак.

— Понимаю.

Ной кивнул, словно в беседах о том, каково быть собакой и как устроена реальность, не было ничего необычного, и продолжал:

— В итоге мы получаем два факта. Во-первых, все в мире состоит из энергии. Вначале существовала лишь одна-единственная, тончайшая форма энергии. Становясь постепенно все более и более грубой, энер-

гия разнообразилась. Появились новые формы энергии — рентгеновские лучи, свет, гравитация, звук и так далее.

Затем энергия сгустилась в материю, и — бабах! — возникла физическая вселенная. Это история сотворения мира в представлении физиков. Но ее же излагают на своем языке Книга Бытия и апостол Иоанн. Вначале был Бог, затем Бог сотворил свет. Или — «В начале было Слово...» Понимаешь?

— Кажется, да, — кивнул Пол. — Вначале существовала только самая тонкая, самая чистая энергия. Постепенно она замедлялась и становилась все грубее и грубее. Так возникли все те формы энергии, которые мы способны воспринимать и регистрировать.

Потом некоторые из них замедлились еще больше — вроде того, как вода при охлаждении, то есть при замедлении скорости движения молекул, становится льдом. Таким образом, энергия превратилась в материю. А энергия и материя вместе составляют то, что мы называем физической вселенной.

— Верно, — подтвердил Ной. — Совершенно верно. И это наводит на два вопроса. Первый — что представляла собой эта Первозданная Энергия, из которой возникло все остальное. А второй — способна ли нервная система человека воспринять эту Первозданную Энергию?

Входит ли эта энергия в число «каналов», на которые мы можем настроиться? — Он нажал кнопку на пульте, и телеэкран погас. Пульт обратился в сторону Пола, как будто Ной хотел таким образом извлечь из него ответ.

Пол уставился на пульт. В голове у него все перепуталось. Что же такое эта первозданная энергия? Рентгеновские лучи? Гамма-лучи? Нет, все эти формы излучения без труда регистрируются приборами... Они не могут быть той тончайшей энергией, из которой возникла Вселенная...

— Даю тебе подсказку, — сжалился Ной. — Если ты сможешь воспринять Первозданную Энергию, то обнаружишь, что на этом уровне вся физическая вселенная однородна и непрерывна. Вся она состоит из этой энергии, включая и мнимо пустые промежутки между предметами, потому что пустое пространство — это тоже часть мироздания.

Пол чуть не подпрыгнул.

— Да это же Бог!

— Верно! — воскликнул Ной. — Точнее говоря, это — Создатель Вселенной. Вы, ребята, устроили такую путаницу со словом «Бог»! А все эти ваши телепроповедники... Ну да ладно. Главное, нужно хорошенько отличать Все Сущее от бородатого старикана, что гоняется с большой колотушкой за беднягами, вступившими не в ту церковь или поскупившимися на пожертвования.

— А как насчет тех, кто представляет себе Бога в виде старика, сидящего на небесном троне? Они ошибаются? Или этот Бог тоже реален?

— Конечно, реален, если они в него верят, — пожал плечами Ной. — И подобные верования могут обладать великой силой, если их разделяют множество людей. Хотя бездумная вера порой вызывает затруднения — например, ведет к религиозным войнам. Подробнее тебе об этом расскажет твой следующий учитель.

— О-хо-хо, — вздохнул Пол. На него внезапно нахлынули чувства, которые он испытал когда-то в детстве, когда пошел с другом на всенощную и услышал «Мессию» Генделя[22]. Он огляделся по сторонам и подумал: «Все что я сейчас вижу, сотворено Богом, и Бог сотворил все это из Себя».

— Как ты считаешь, способна ли твоя человеческая нервная система — или, скажем, нервная система млекопитающего — воспринять эту тончайшую из всех форм энергии?

— Я не знаю, — сказал Пол. Но в тот самый момент, когда эти слова уже сорвались у него с губ, он вдруг почувствовал, что на самом деле способен воспринять присутствие Бога. Ему это уже удавалось — он точно знал! Например, на той всенощной... И когда он в первый раз летел на самолете и посмотрел из окна... И еще — когда он влюбился в Венди... ему тогда было шестнадцать лет...

— Любовь! — выкрикнул он, прерывая захлестнувший его поток воспоминаний.

— Замечательно! — похвалил его Ной, бросив пульт рядом с собой на диван. — Теперь ты сам видишь, слышишь и чувствуешь, что в истинах, которые помогут тебе постичь Тайну, действительно нет ничего тайного. Люди повторяют эти истины снова и снова, хотя и не понимают их, не могут познать их на собственном опыте.

Истина, которую ты сам сейчас произнес, дословно сформулирована в Новом Завете, в конце 4-й главы Первого послания Иоанна. Ты найдешь ее и в сотнях других мест — и в шестой главе Второзакония, и в начале Евангелия от Иоанна, и в священных писаниях практически всех мировых религий. — Ной наставил на Пола указательный палец.

— Итак, ты приступил к работе — работе по спасению мира. И повернуть назад ты уже не сможешь.

— Теперь я это понимаю, — проговорил Пол.

— А это означает, что нам пора прощаться. Дальше тебя будут учить другие учителя. А меня в это

[22] «Мессия» — оратория немецкого композитора Г.Ф. Генделя (1685— 1759). Монументальное произведение на библейский сюжет, признанное одним из самых впечатляющих памятников музыки барокко.

трудное для нашей планеты время ждет еще много работы в других местах.

— Нет! Подожди...

— Я должен идти, — повторил Ной, широко, ласково улыбнувшись. — Но, надеюсь, со мной ты не скучал.

И с этими словами Ной исчез.

Пол вздрогнул, ожидая очередных чудес — койота, выбегающего из кухни, или голос, звучащий откуда-то с потолка. Но ничего не случилось. Комната была пуста, и на сей раз Пол каким-то образом почувствовал, что Ной действительно ушел.

— Ау?.. — позвал он на всякий случай, но в ответ послышался лишь гудок автомобильной сирены с Восьмой авеню. — Ной? — Тишина.

Пол встал и прошелся по квартире. Он заглянул на кухню, в ванную, в спальню — но нигде никого не было. Пол отворил дверь на лестничную площадку, но и там не было ничего, кроме голубого линолеума, желтоватых стен да лампы дневного света под потолком.

Пол закрыл дверь и, подойдя к шкафу, пробежал взглядом по корешкам книг. В предчувствии новых открытий его охватило возбуждение. Эта книга со всей заключенной в ней мудростью всю жизнь была у него под руками — а он ее не понимал!

Он достал с верхней полки Библию, доставшуюся в подарок от матери, и вновь подумал о любви. Открыв Второзаконие, где перечислялись десять заповедей, он прочел: «*Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими*».

Перелистнув страницы, Пол отыскал начало Евангелия от Иоанна: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*».

«Как же так? — изумился Пол. — Столько лет я знал эти слова — и не мог понять! Значит, Вселенная сотворена некоей энергией, которую люди когда-то стали называть «Богом»? Значит, все на свете, от звезд до автомобилей и уличных собак, состоит из одного и того же?

И то, из чего все состоит, мы обозначаем словом «энергия» — тем же словом, что и так называемый «звук» — колебания с частотой в тысячу циклов в секунду, или «свет» — с частотой в несколько триллионов циклов в секунду? Но когда мы ощущаем эту энергию, это присутствие Того, Кто создал нас, в своей обычной жизни, мы называем ее «любовью»? И, значит, в нашу нервную систему заложена способность воспринимать и чувствовать ее?»

Дрожащими руками Пол перевернул еще несколько страниц и открыл четвертую главу Первого послания Иоанна. «*Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь*», — прочел он.

Затем он еще раз перечитал эти слова и тихо прошептал: «Значит, это правда. Подумать только: две тысячи лет это пытались донести до людей!» Пол медленно отложил Библию, подошел к дивану и сел. Согнувшись и спрятав лицо в ладонях, на несколько секунд он отдался сожалению обо всем, чего он и другие люди были лишены столько долгих, пустых лет, прожитых в страхе и отчаянии.

«И все это время мы заблуждались», — проговорил он вслух, понимая, что переживает настоящий переворот в своей жизни. Его жизнь полностью преобразилась, его картина мира изменилась до неузнаваемости.

Он достал блокнот и записал: «*Энергия, которую мы называем любовью, — это самый чистый, самый утонченный и самый мощный из всех доступных нашей нервной системе, нашему разуму путей, позволяющих соприкоснуться с разумом Бога. Это наш путь познания Бога, потому что Бог есть любовь*». Этим откровением необходимо поделиться с людьми! Оно и вправду сможет перевернуть мир!

И при этом Пол сознавал, что его обучение в Школе Мудрости еще только начинается.

Глава 6. Яйца с перцем

Проснувшись на следующее утро, Пол Эйблер долго не мог унять бешено вертящийся в голове калейдоскоп из обрывков сновидений. По большей части ему снились разные древние эпохи и далекие места: Шумер и Палестина, Ниппур и Иерусалим, жрецы Энлиля и Христос, скитающийся с кучкой учеников по Безлюдным галилейским пустошам.

И в каждом из этих мест Полу открывалась некая великая истина, некое великое знание, которое ему предстояло передать людям двадцать первого века, чтобы человечество не навлекло на себя какую-то грандиозную катастрофу. Но по пробуждении ему не удалось припомнить ни одну из этих Истин, за исключением той, что ему накануне поведал Ной, — ее он успел записать в блокнот.

Тусклый утренний свет заливал спальню, выхватывая из полутьмы гору книг, которые Пол притащил домой минувшим вечером. За этот вечер он посетил четыре книжных магазина и скупил все, что ему удалось найти по исламу, индуизму, буддизму, иудаизму и христианству, а в придачу — еще кое-что об обо-

ротнях, ангелах и Ное.

Он заснул около двух часов ночи, прижимая к груди «Опыт Божественного присутствия» — трактат брата Лаврентия, кармелитского монаха, жившего в семнадцатом веке. Только предельная усталость заставила его оторваться от чтения и погрузиться в мир грез.

Часы на тумбочке показывали двадцать пять минут седьмого, а солнце светило все ярче и ярче, из чего Пол заключил, что студеные серые тучи наконец рассеялись и наступает ясное февральское утро. Он выбрался из кровати и направился в ванную в одних трусах. Но тут зазвонил телефон.

Пол свернул в кухню и снял с настенного рычага телефон-трубку.

— Алло?

— Пол! Какого черта вы двое от меня добиваетесь?! — провизжал смутно знакомый голос.

— Что? — переспросил Пол. — Кто...

— Это Рич! Черт побери, сколько можно?! Уже три раза! Вчера вечером я два раза оставался с ним один на один, когда ехал в лифте, и сегодня — третий раз, в ванной. Отзови его, если не хочешь завтра проснуться в кутузке!

— О чем ты говоришь?

— О дьяволе!

— Что?!

— Как будто ты не знаешь! — взвизгнул Рич. — Красный плащ, красная кожа, козлиная борода, копыта, трезубец и серная вонь. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю!

— Ты что, видел дьявола?

— Видел? Видел?! Да он уже три раза предлагал мне подписать договор!

— Какой еще договор?

— Не морочь мне голову. Это слишком далеко зашло! В первый раз, допустим, это еще было забавно. Но три раза — это слишком! Ты его на меня напустил — ты и помоги мне! А не то я превращу твою жизнь в ад! Ты играешь с огнем, Пол! Ты больше никогда не найдешь работу! Тебе никто никогда не даст в долг! Ни один домовладелец к востоку от Китая не сдаст тебе квартиру ни за какие коврижки! Ты меня слышишь?

— Рич, успокойся...

— Какого черта — успокойся?! Сначала я встречаю у тебя какого-то несуразного типа, который лезет ко мне со своими салонными трюками и дурацкими поучениями, а теперь он взялся насылать на меня какие-то голограммы или иллюзии. — Рич на мгновение замолк, как будто его осенило, а затем продолжал:

— А может, он меня чем-то одурманил. Точно, держу пари! Держу пари, что все дело в той визитке, которую он мне пытался всучить! Когда та карточка сгорела, я вдохнул дым — и вот, пожалуйста!.. А может, сама бумага была пропитана каким-то наркотиком, а сжег он ее, чтобы уничтожить улику. И он наверняка знал, как действует этот наркотик, потому что намекнул мне, какого рода галлюцинации у меня будут! Ну, парень, я этого не забуду до конца своих дней! Но и ты тоже, попомнишь мое слово!

— Послушай, Рич, я в самом деле не понимаю, о чем ты говоришь...

— Ври больше! — фыркнул Рич. — Тебе, наверно, кажется, что это забавно: старина Рич, солидный адвокат, трясется, как овечий хвост! Уж не собираешься ли ты об этом написать? Думаешь, это поможет тебе стать знаменитым репортером? Ну да ладно, я покажу тебе, кто здесь овечий хвост! Я иду в домоуправление, слышишь? Ты отсюда вылетишь в два счета! Понял? В два счета!

С этим возгласом Рич резко бросил трубку, и Пол услышал длинный гудок. Пробормотав себе под нос: «Два раза за два дня», — он, в свою очередь, повесил телефон на рычаг, добрался до ванной и принял душ в надежде ощутить наконец, что началась новая жизнь.

Проходя через гостиную, он невольно бросил взгляд на диван, где вчера сидел Ной, и попытался представить себе, на что будет похож следующий ангел (Пол все же предпочитал думать о них как об ангелах — «духи» и «призраки» нравились ему куда меньше). Как он будет выглядеть? Что будет делать и говорить? И появится ли он вообще?

Час спустя, в половине восьмого, Пол уже входил в «Модное кафе» на углу Восьмой авеню и 27-й улицы. Это был типичный нью-йоркский ресторанчик: столы, покрытые жаростойким пластиком, металлические и пластиковые стулья, вкусная еда и работники, которые трудятся так бодро и споро, что уже это одно, не говоря о сильном акценте, выдает в них иммигрантов, силящихся свести концы с концами в большом городе.

Сегодня столики обслуживала Мэри. Полу приятно было увидеть знакомое лицо. Этой девушке исполнился двадцать один год, она училась на отделении психологии в Хантер-Колледж[23] в манхэттенском Ист-сайде[24] и подрабатывала в кафе. Обычно ее утренние смены совпадали с завтраками, которыми в по-

---

[23] Хантер-Колледж — филиал Городского университета г. Нью-Йорка.

[24] Ист-сайд —часть Манхэттена к востоку от Пятой авеню. Район, уклад жизни в котором рассчитан на представителей верхнего среднего

следние полгода Пол баловал себя раз в неделю.

По крупицам Пол собрал о ней кое-какие сведения. Родители снимали ей небольшую квартирку в нескольких кварталах от Центрального парка. Учебу в колледже ей тоже оплачивали, а в кафе она зарабатывала деньги только на текущие расходы. С мужчинами Мэри не встречалась.

Отчасти это объяснялось тем, что молодые люди, пытавшиеся назначить ей свидание, обычно не разделяли ее представлений о целомудрии, а отчасти — нежеланием «строить серьезные планы» до окончания колледжа.

Задержавшись на пороге, Пол смерил взглядом ее фигурку — хорошенькую, хоть и почти мальчишескую. По спине ее струились пышные каштановые волосы, прихваченные розовой заколкой в «конский хвост».

Иногда Пол рассказывал ей о себе и своих репортерских планах, и она внимательно слушала, а взгляд ее серо-голубых глаз, казалось, проникал в самые потаенные уголки его сердца. В последние несколько месяцев между ними сложились дружеские отношения, и Пол не прочь был пофлиртовать с ней, хотя всегда проявлял сдержанность, чувствуя определенные обязательства перед Сьюзен.

— Как поживаешь, Пол? — приветствовала его Мэри.

— Превосходно, — ответил Пол, направляясь к своему любимому столику у витрины. — А ты?

Она прошла мимо него, овеяв Пола легким цветочно-мускусным ароматом духов.

— Лучше некуда, но будет еще лучше. — Подмигнув и улыбнувшись, Мэри двинулась дальше, к кофеварке.

Пол уселся за столик, греясь в лучах душевного тепла, которое неизменно излучала его приятельница. Мэри поставила перед ним чашку черного кофе и лукаво заметила:

— Пора тебе арендовать этот столик. Так, попробуем угадать. Омлет по-гречески, пшеничный тост, картофель по-домашнему с луком и «табаско»?

Пол улыбнулся, а в серо-голубых глазах Мэри сверкнули искорки веселья.

— Совершенно верно.

— Несмотря на то что вчера ты заказывал то же самое? — Внезапно Мэри нахмурилась, словно только что обратила внимание на нечто важное. — Впервые за полгода ты пришел сюда второй раз за неделю. Обычно ты приходишь завтракать каждый четверг, как часы, но сегодня — пятница, а ты снова здесь.

— Я решил побаловать себя дважды, — сказал Пол. — Не утерпел. Хотелось поскорей увидеть твою улыбку.

Мэри просияла, картинно развернулась на каблуках, словно балерина, и направилась обратно на кухню, вполголоса напевая под музыку, которую повара слушали по радио.

Пол развернул первую из двух газет, купленных по дороге, и сразу же отыскал раздел объявлений с предложениями работы. Потягивая кофе, он просмотрел колонки на четырех страницах. Обнаружилось несколько вакансий рекламных агентов, книжных редакторов и авторов информационных бюллетеней, но ничего похожего на настоящую репортерскую работу.

Пол раскрыл вторую газету, надеясь, что на сей раз ему повезет больше. Это была «Нью-Йорк дейли трибьюн», и Пол поморщился: не очень-то приятно было искать новую работу в издании прежнего работодателя.

Мэри принесла столовые приборы, завернутые в бумажную салфетку, и тарелку с тостом. Сегодня на ней были синие джинсы и белая футболка, украшенная картинкой — пестрым букетом цветов, изображенных в импрессионистской манере, — и надписью: «Взращивай сад души». Пол приподнял газеты, и Мэри накрыла на стол, а затем уперла правую руку в бок и, слегка покачивая бедром, проговорила как будто в шутку:

— Читаешь объявления?

Пол почувствовал, как у него запылали уши.

— Да. Вчера меня уволили.

— Не может быть! — В голосе ее послышалось беспокойство. — Ты же репортер! Репортеров не увольняют.

— Уволить могут кого угодно.

Мэри улыбнулась и вздернула подбородок с шутливым самодовольством.

— Только не официанток. Чем ниже стоишь в пищевой цепи, тем ты незаменимее.

Пол рассмеялся.

— Тебя этому научили на лекциях по психологии? Или ты слушаешь еще и спецкурс по бизнесу?

— Этому меня научили нелегкие удары судьбы, — проговорила Мэри и, стараясь не рассмеяться,

---

класса.

хмыкнула с аристократическим видом и снова отправилась на кухню.

Через несколько секунд она вернулась и поставила перед Полом омлет, а рядом положила пакетик с перечным соусом. Пол отодвинул газеты на край стола, чтобы продолжить чтение за едой.

— Bon apetit, — сказала Мэри с хорошим французским произношением и, прежде чем Пол успел ответить, двинулась навстречу двум пожилым дамам, только что вошедшим в кафе.

Пол полил омлет соусом и попробовал кусочек. Уксус и перец превосходно сочетались со вкусом соленого сыра, лука и помидоров, которые добавляли здесь в омлет, Свободной левой рукой Пол перевернул страницу газеты, пробежал глазами раздел комиксов и сосредоточился на картинках в нижнем левом углу. Последние несколько недель он следил за приключениями Дунсбери[25]. И сейчас настолько погрузился в разглядывание веселых карикатур, что вошедшего в кафе нового посетителя заметил лишь тогда, когда тот подошел к его столику и уселся прямо напротив.

— Как дела? — сказал незнакомец. Голос его звучал так, будто горло было забито крупным песком. На вид ему было под пятьдесят, и он сильно смахивал на бездомного. Пол с интересом всмотрелся в его лицо — широкое, изрезанное морщинами, с явными признаками ирландской крови и многолетнего пьянства.

Нос и щеки, покрытые сетью красных прожилок; грязные, покрытые трещинами пальцы, похожие на кожаные перчатки, много лет провалявшиеся под дождем; желтые ногти с бороздками...

Поверх красной фуфайки с капюшоном незнакомец натянул на себя еще одну — точно такую же, только серую. Из-под вязаного колпака с помпоном выбивались растрепанные, засаленные пряди седых волос. Усаживаясь за стол, незнакомец пошатнулся, и колпак удержался у него на голове только чудом. Краем глаза Пол заметил, что вместо нормальных брюк его незваный сосед по столику носит армейские камуфляжные штаны.

Бродягу окутывало плотное облако запахов — смесь пота, мочи и горелого дерева.

— Нормально, — ответил Пол, пытаясь понять, что же происходит. После Ноя он уже ничему не удивлялся.

— Как яичница? — поинтересовался бродяга. — Тебе, кажись, нравится острый соус?

— Вкусно, — подтвердил Пол. — Хочешь попробовать?

— Не-а, — отказался незнакомец. — Я уже пару часов как позавтракал. Сварил себе овсянки с сыром, добавил пару яиц-пашот... Вообще, их неплохо и с острым соусом, но «табаско» не очень-то... Лучше что-нибудь попикантней. Лично мне нравится, как готовят в «Чилипайе Джо Би». Еще классный чесночный соус делают в «Пиршестве Одина».

Пол кивнул, пытаясь переварить идею, что на свете бывают бездомные гурманы.

— Кофе?

— Хорошая мысль, — сказал бродяга и, порывшись в карманах штанов, извлек четыре долларовые бумажки, тщательно разгладил их и выложил на стол. — Я сам плачу. Мусорные баки вчера не подкачали.

Пол снова кивнул и, помахав рукой Мэри, указал сначала на свою кофейную чашку, а затем — на сидящего напротив человека. Мэри тоже кивнула и направилась к кофеварке.

— Меня зовут Джим, — сообщил бродяга.

Пол пожал протянутую ему руку — на удивление холодную и твердую.

— Пол, — представился он.

Мэри поставила перед Джимом кофейную чашку, положила салфетку и ложечку. На лице ее явственно читалось неодобрение.

— Все в порядке? — обратилась она к Полу, стараясь не встретиться глазами с его собеседником.

— Еще чего-нибудь хочешь, Джим? — Вопрос Мэри Пол сознательно оставил без внимания. Он знал, что ей не положено пускать в зал бездомных. Мэри терпеть не могла эту свою обязанность, но должна была исполнять ее, если не хотела потерять работу. Привязывая Джима к себе, Пол придавал ему толику респектабельности, избавляя Мэри от неприятной задачи выставлять его вон.

Джим покачал головой.

— Хватит и кофе, мэм, — ответил он, обращаясь к Мэри, хотя та даже не повернула к нему головы. Она посмотрела на Пола и вопросительно приподняла бровь, словно желая сказать: «Зачем ты в это ввязываешься?» Поэтому Полу пришлось добавить:

— Мне тоже, Мэри.

— Очень приятно, — проговорила она строгим, равнодушным тоном, не желая поощрять Джима к дальнейшим визитам, и отошла.

Несколько секунд Джим смотрел ей в спину, а затем заявил:

[25] Дунсбери — персонаж одноименной серии сатирических комиксов художника Г. Трюдо, студент-троечник и вечный неудачник. В комиксах «Дунсбери» высмеиваются текущие политические события.

— Не оставлю ей чаевых Куда подевалась нормальная людская вежливость? Я служил своей стране во Вьетнаме; я исправно платил налоги лет двадцать с гаком; я, в конце концов, родился в Америке, чем не может похвастаться и половина народу в этом городе! Видишь — к беднякам нигде нет уважения.

— Может, у нее сегодня тяжелый день, — попытался успокоить его Пол, стараясь оградить Мэри от возможных неприятностей.

Джим подался вперед, словно намереваясь открыть своему собеседнику какой-то важный секрет.

— На самом деле, Пол, она просто боится. Больше всего на свете она боится, что в один прекрасный день скатится на дно, так же как я. И, по правде сказать, она гораздо ближе к этому, чем может себе представить. — Приподняв кофейную чашку, Джим уставился на клубящийся над нею белый пар. — Впрочем, как и все мы.

— Ты — ангел? — спросил Пол, решившись взять быка за рога. Если окажется, что он сглупил, то по крайней мере это случится не на собеседовании для приема на работу и не перед кем-то из знакомых.

Джим вытащил из вазы, стоящей на столе, два пакетика с сахаром, разорвал сразу оба и высыпал сахар в чашку. Помешивая кофе, он взглянул на Пола.

— Нет. Я обычный человек, вроде тебя.

— Почему ты сел за мой столик?

Джим отряхнул ложку, постучав ею о край чашки из толстого белого фарфора. Затем он аккуратно положил ложку на салфетку, поднял чашку и подул на кофе — сбоку, чтобы не расплескать.

— Ты выглядел так, будто компания тебе не помешает.

— Серьезно? — Пол положил в рот еще кусок омлета. Запахи рассольного сыра и лука перебивали вонь, идущую от одежды Джима.

— На самом деле Джошуа сказал, что я найду тебя здесь.

Имя прозвучало со странным акцентом, почти как «Иешуа».

Пол проглотил кусок яичницы.

— Джошуа?

— Ну, один парень. Живет от меня по соседству. Пока еще. Мэр[26] то и дело науськивает на нас копов.

— А зачем я ему понадобился?

— Он хочет сказать тебе кое-что.

— И что же?

Джим поставил чашку на стол и развел руками.

— Он говорит, что ты поможешь нам спасти мир. Пол вздрогнул: услышать от Джима те же слова, что накануне от Ноя, было по меньшей мере странно.

— А как ты меня узнал?

— Джошуа велел искать белого паренька. Сказал, что ты будешь есть омлет с острым соусом в «Модном кафе», за углом от Института моды. И вот ты здесь.

— Он знает, как меня зовут? Джим пожал плечами.

— Понятия не имею. Если даже и знает, то мне не сказал. Он сказал только «найди этого белого паренька и приведи его ко мне». И вот я здесь.

— Ты собираешься отвести меня к нему?

Джим усмехнулся, и лицо его собралось в складки, как у тряпичной куклы.

— Ага. А ты разве этого не хочешь?

— Ты состоишь в Школе Мудрости? Джим снова улыбнулся.

— Вся наша жизнь — школа мудрости. Разве нет?

— А Джошуа — ангел?

Джим опустил глаза, неторопливо отхлебнул кофе и поставил чашку так бережно, словно она могла рассыпаться на куски от малейшего неосторожного движения.

— Это тебе лучше спросить прямо у него. А то одни говорят так, другие — эдак...

— Можно, я сначала доем?

— Конечно. Кофе здесь доливают бесплатно, так что я деньги зря не потратил. Чашечку-другую еще успею.

Глава 7. Под землёй

Пол и Джим миновали Девятую и Десятую авеню и двигались дальше на запад по 27-й улице. Воздух

[26] Здесь и далее имеется в виду Рудольф Джулиани, мэр Нью-Йорка в 1993—1997 и 1997 —2001 гг. *Подробнее см. в послесловии автора.*

был холодный и резкий; прямо в лицо дул ветер, в котором выхлопные газы смешались с вонью Гудзона.

Между крышами домов проглядывало ярко-голубое небо, но солнце было еще слишком низко, и от зданий, оставшихся позади и выстроившихся по левую сторону улицы, тянулись длинные тени. Впрочем, Пол и Джим шли по правой стороне и время от времени попадали на освещенные участки, где было теплее.

Выходя из дому, Пол накинул летнюю куртку из коричневой кожи поверх простой голубой рубашки и белого хлопчатобумажного свитера. На нем были голубые «вареные» джинсы и старые теннисные туфли.

Морозный воздух пощипывал уши. Руки Пол держал в карманах куртки, спасаясь от холода. Проезжая часть была, как обычно, забита автомобилями, фургонами и такси, но пешеходов было не так уж много, и все они с угрюмой решительностью шагали в направлении деловых районов.

Джим то целеустремленно топал вперед, не говоря ни слова, то принимался вовсю молоть языком, замедляя при этом шаг до прогулочного, как будто быстро идти и одновременно разговаривать было невозможно.

— Куда мы идем? — спросил наконец Пол.

— В туннели.

— Что — в канализацию?!

— Не-е-е, — протянул Джим. — Когда-то, еще во времена Гражданской войны[27], по западному краю Манхэттена, вдоль Гудзона, шла железная дорога. В центре были скотобойни, в Мидтауне[28] — свалки, от центра к окраине тянулись склады и пакгаузы, а железная дорога связывала все это в одну здоровенную паутину. Почти все товары доставляли в город по железной дороге — никаких тебе автофургонов и всего-то парочка мостов. Вдоль железнодорожных путей понастроили хибар. Люди подбирали уголь за поездами, работали на железной дороге, на свалках и вообще где придется.

Сразу за Одиннадцатой авеню Джим широким жестом указал на окрестные улицы и дома.

— Во время Гражданской войны, — продолжал он, — а потом снова, в тридцатые, когда экономика рухнула к чертям, все это место было сплошь застроено бараками. Они тянулись на целые мили, вверх и вниз вдоль Гудзона, а железнодорожные пути... — Джим махнул рукой в сторону центра... — прорезали эти трущобы насквозь.

Где-то в середине тридцатых старина Боб Мозес[29] вздумал заасфальтировать всю эту грязь, а то, понимаешь, богатеям приходилось любоваться из окон на железную дорогу и толевые крыши. И вот здесь построили набережную, проложили бульвар до самой воды, а железную дорогу убрали с глаз долой. Она никуда не делась — просто ее упрятали под навес из металлических балок и бетона. Потом появились улицы, дома и прочая всячина. С годами город расползся, и в конце концов железнодорожные пути скрылись под землей.

— Ты, часом, не о подземке толкуешь?

— Нет, это другое. Это была настоящая железная дорога. Я так думаю, большая часть ее акций сейчас принадлежит «Амтраку»[30], потому что это их копы пытаются нас оттуда вытряхнуть. Они да городские фараоны... Все они теперь пляшут под мэрову дудку, — добавил он с нескрываемым сарказмом.

— А что же случилось с теми людьми?

— Ну, большинство разбежалось кто куда, еще в тридцатые. А остальные... Знаешь, железнодорожные пути проходят по таким огромным подземным туннелям. Ближе к окраинам в эти туннели даже встроили бетонные бункеры... ну, в общем, каморки для людей, которые работали на железной дороге. Для совсем бедных, понимаешь, которые сгребали уголь и все такое прочее. А потом появились автофургоны, и железные дороги разорились.

Это случилось всего лет пятьдесят назад. Но уже сменилось два поколения, и о туннелях все забыли. Железнодорожные компании, которые их построили, давно приказали долго жить, так что теперь о них почитай никто не знает. — Джим остановился у проулка между двумя большими кирпичными домами, немного не доходя до Двенадцатой авеню, за которой уже виднелась река. — Кроме нас, конечно, — добавил он, широко ухмыльнувшись.

— Вы живете в железнодорожных туннелях? Внезапно Джим приосанился и развернул плечи.

— Сейчас ты, небось, скажешь: «Что, дружище, круг твоей жизни замкнулся? Вернулся в чрево матери, так сказать?» Давай, ежели охота пофилософствовать. Но по мне, так я вернулся к молодым годам. Знаешь ли, там, во Вьетнаме, я был туннельной крысой. Эдаким лопухом у всех на побегушках.

Вечно мне доставалось первому влезать во все эти норы и ходы, где никогда не знаешь, на что напорешься. Может, там враг сидит, может, ловушка какая, а не то — змеи или крысы. Короче, приятного мало, но я хотя бы выжил, а вот кое-кто из братков моих там и остался. Ну да что с того? Я опять ползаю по тун-

[27] Гражданская война в США, 1861—1865 гг.

[28] Мидтаун — современный деловой и торговый район Манхэттена; в наши дни здесь находятся многие известные небоскребы и комплексы.

[29] Роберт Мозес (1888—1981)— видный деятель штата Нью-Йорк, в 1934—-1960 гг. главный инспектор парков г. Нью-Йорка. Благодаря ему внешний облик г. Нью-Йорка и его окрестностей значительно изменился.

[30] «Амтрак» — Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок, государственная компания, созданная в 1971 г. с целью обеспечить конкурентоспособность железных дорог, но уже в 1981 г. потребовавшая крупных субсидий.

нелям. Только война теперь идет не во Вьетнаме, а прямо здесь, на Манхэттене.

— Война? — переспросил Пол.

— Война против бедных и бездомных.

Пол кивнул, припоминая бездомного с чесоточной собакой, который сидел на грязном одеяле на Пятой авеню, у пересечения с 60-й улицей[31]. Он держал в руках табличку — стенку от большой картонной коробки с надписью красным мелком: «Инвалид Вьетнамской войны, неизлечимо болен, отравление «эйджент орандж»[32]» — и выпрашивал у прохожих лишнюю мелочь.

Перед собакой на одеяле стояла зеленая пластиковая миска, на дне которой лежало несколько монет. Дело было всего с месяц тому назад. Прямо перед Полом шел какой-то коп из городской полиции. Поравнявшись с бездомным, коп внезапно выхватил у него из рук табличку и разорвал пополам — и еще раз пополам. Пол остановился и уставился на эту сцену с тихим ужасом.

Бездомный прижал к себе пса и заплакал. Полицейский чеканным шагом подошел к урне, запихал в нее обрывки картона, а затем вернулся и наподдал ногой миску с мелочью. Монеты рассыпались по мостовой. Терзаясь отвращением и чувством собственного бессилия, Пол двинулся дальше, а коп принялся орать, чтобы бездомный вставал и убирался, и пинать мешок, в котором тот носил свои пожитки. Прохожие делали вид, что ничего не замечают, а кое-кто даже кивал, молчаливо одобряя действия копа.

— Ну, вот мы и пришли, — сообщил Джим, сворачивая в узкий замусоренный проход между двумя старыми кирпичными домами — складом и заброшенным заводом. Пол двинулся за ним, не совсем понимая, что происходит: проулок упирался в глухую стену, у которой стоял большой мусорный бак. Может, это какая-то ловушка? Но, бросив взгляд на доброе лицо своего спутника, Пол тотчас сказал себе: «Нет. Все будет в порядке».

Джим уверенно подошел к стене заводского здания и отшвырнул ногой грязную газету, выпавшую из мусорного ящика. Под ней обнаружилась ржавая решетка, прикрывающая квадратный люк. Джим оттащил решетку и оставил ее лежать рядом с люком.

— Наш парадный ход, — объявил он с улыбкой, указывая на черную яму. — Полезай, а я пойду следом и поставлю решетку на место.

— Там не опасно? — спросил Пол. При виде этой черной дыры, из которой не долетало ни звука, его внезапно охватила клаустрофобия.

Джим наклонился, засунул голову в дыру, осмотрелся, а затем снова выпрямился и сказал:

— Сейчас там, внизу, никого нет. Я буду с тобой. Никто тебя не обидит.

— А Джошуа — там, внизу?

— Ага. Ну, пойдем.

— А крысы там есть? Джим рассмеялся.

— Ага. Здоровые, как еноты. Но ты их не бойся. Людей надо бояться. Пока ты со мной или с Джошуа, все будет в порядке.

Пол подошел к дыре и различил ржавые, в дюйм толщиной стальные перекладины, выдающиеся из бетонной стены дюйма на четыре. Ступени вели вниз и терялись в темных глубинах колодца, таких мрачных по сравнению с ярким светом дня. Пол полез в люк. Стоило взяться за перекладину, пальцы и ладони обожгло холодом.

Дрожа всем телом, Пол начал спускаться, но как только голова его оказалась ниже уровня земли, остановился снова. Судя по эху, до дна колодца было метров двенадцать. Пол перевел дух и полез дальше. Наконец, ноги его коснулись дна, покрытого гравием. Пол отошел от лестницы и огляделся вокруг, привыкая к тусклому свету. Тем временем Джим поставил решетку на место и тоже начал спуск.

Туннель оказался огромным, футов в сто шириной. Под двенадцатиметровым потолком тянулись ряды стальных двутавровых балок, покрытых пятнами ржавчины и остатками черной краски. Круглые головки болтов монотонно чередовались со сварными швами.

А внизу в обе стороны уходила, теряясь в бесконечности, железнодорожная колея. К северу, то есть в направлении от центра города, через каждые метров сто в потолке открывались такие же люки с решетками, и в скупо просачивающихся сверху солнечных лучах можно было различить надписи, оставленные кое-где на бетонных стенах.

В остальном стены туннеля были на удивление чистыми. А к югу все скрывалось в непроглядной, гулкой черноте: и рельсы, и шпалы, и гравийная насыпь, и цементные стены. Пахло пылью, гарью и старым углем. Джим спрыгнул на гравий, и эхо от толчка раскатилось по туннелю в обе стороны.

— Кажется, здесь никого нет, — заметил Пол, но тут же умолк, испугавшись гулких отзвуков собст-

---

[31] Отрезок Пятой авеню от 59 и до начала 100-х улиц представляет собой проспект фешенебельных жилых домов, роскошных гостиниц и музеев.

[32] «Эйджент орандж» («оранжевое вещество») — вид отравляющего вещества, применявшегося ВВС США во время войны во Вьетнаме. Позже более 60 тыс. ветеранов подали жалобы о том, что «эйджент орандж» вызвал у них длительные заболевания, но компенсации они так и не получили.

венного голоса, и снова опасливо огляделся по сторонам, знакомясь с тусклым, черно-белым миром подземелья. Каждый камень, каждая балка казались необычайно рельефными, но бесцветными, словно из них высосали все краски. А еще здесь было градусов на пять теплее, чем на поверхности.

— Это всего лишь прихожая, — пояснил Джим. — Надо еще пройти около мили.

Он поднялся на насыпь и зашагал по шпалам на юг, в темноту. Пол взглянул на решетку над головой и, подавив в себе порыв выбраться обратно и унести ноги, двинулся следом за Джимом.

Тьма постепенно сгущалась, и Полу приходилось ступать очень осторожно, чтобы не споткнуться. Света еще хватало, чтобы смутно различать рельсы и стены туннеля, но камней под ногами и шпал уже не было видно. Затем и стены растворились в темноте, и теперь Пол ориентировался только по эху собственных шагов. Джим не говорил ни слова, и Пол посчитал это намеком на то, что свои соображения и вопросы пока следует держать при себе.

О приближении к обитаемым местам Пол догадался, когда учуял запах еды. Пахло соусом для спагетти — острым соусом с луком, чесноком и орегано. И кофе — должно быть, «экспрессе» или каким-то другим сортом из сильно поджаренных зерен. Затем послышались приглушенные голоса. Джим, шедший первым, вдруг остановился и тихо сказал:

— Возьми-ка меня за руку, малыш. Здесь коварное местечко.

Было так темно, что Пол едва мог различить фигуру своего проводника. Протянутую ему руку он не заметил, пока та не коснулась его груди. Джим помог ему спуститься с насыпи и повел куда-то влево, где в беспросветном мраке скрывалась стена.

Полу вдруг почудилось, что они идут по самому краю мира, за которым земля обрывается в космическую черноту. Один неверный шаг — и он сорвется в бездну. Он крепче вцепился в руку Джима.

Они подошли к стене и двинулись дальше вдоль нее. Свободной рукой Пол провел по холодной, шероховатой поверхности: это помогло ему вернуться к действительности. Шагов через десять Джим неожиданно присел и выпустил его руку. Всмотревшись изо всех сил, Пол разглядел отверстие в стене — дыру с неровными краями, очевидно, пробитую киркой. Запах еды стал гораздо сильнее, а кроме людских голосов теперь слышалось и мяуканье кошек.

— Нам сюда, — проговорил Джим, ныряя в лаз. — Просто пригнись и иди за мной. Голову береги!

Пол двинулся за ним. Лаз оказался коротким — футов в десять-двенадцать. Вынырнув по другую сторону стены, они очутились в другом туннеле, разделенном на три узкие аркады. Потолки здесь были пониже. Каждую аркаду очерчивали ряды стальных балок, изогнутых грациозными дугами, словно ребра сводов в старинном готическом соборе. Пол догадался, что из туннеля, построенного в начале XX века, они перебрались в систему путей, проложенных еще до Гражданской войны.

Наконец-то стало светлее, хотя яркие точки желтых керосиновых ламп, огни костерков и слабые отблески солнца, пробивающиеся сквозь узкие зарешеченные люки в потолке, не могли полностью рассеять тьму. Пахло дымом, чесноком и вареным луком, мочой и табаком. Слева, из-за пролома в стене, разрушенной оползнем или динамитным взрывом в какие-то незапамятные времена, выходили три колеи. Правее они расходились, и каждая колея исчезала в своем узком туннеле, обрамленном готическими арками.

Вдоль путей в этих трех туннелях тянулись ряды деревянных ящиков, каждый размером с джип, разделенных одинаковыми промежутками футов в десять. Перед одним из этих ящиков у костра собрались четверо мужчин и женщина. На нескольких шлакоблоках над костром была установлена решетка с тремя кастрюлями. Прямо на решетке с шипением жарились куски тыквы или кабачков. Брызги от них летели в огонь, а над кастрюлями поднимался густой пар.

Неподалеку стоял ломберный столик с тарелками и чашками, а вокруг костра — дюжина стульев самых разных мастей, от старых металлических табуреток и складных стульчиков до кресел, обитых рваным плюшем. Пол догадался, что перед ним — местный зал собраний.

Джим качнул головой, подавая Полу знак идти за ним, и направился к людям у костра. Пол двинулся следом.

На тесном пятачке, в круге света, идущего от языков пламени, предметы снова обрели краски. Двое из мужчин были чернокожими, один — молодой, другой — заметно постарше. Третий походил на испанца, а четвертый, судя по внешности, был выходцем с Ближнего Востока — египтянином или палестинцем. Женщина тоже оказалась чернокожей, примерно одного возраста с Полом, и казалась довольно полной — отчасти из-за джинсов и нескольких свитеров, натянутых один поверх другого.

Черный мужчина помладше, широконосый и большеглазый, был в мешковатых джинсах и нескольких фуфайках, вязаной моряцкой шапочке и дорогих баскетбольных кроссовках. Его круглое лицо с кожей оттенка черного кофе обрамляли длинные, жесткие шнурки волос. Джим представил его как Пита, и Пит тотчас поинтересовался у Пола:

— Как дела, приятель?

— Нормально, — ответил Пол. Он еще не понял, какой здесь принят этикет, но было ясно, что для этих пятерых его появление не стало сюрпризом.

У старшего негра кожа была светлее, цвета полированного дуба, а в коротко остриженных волосах

поблескивала седина. Указав на него, Джим сообщил:

— Это — Мэт.

Мэт кивнул Полу, и тот ответил кивком. Затем Джим представил женщину:

— Саломия.

Женщина улыбнулась и протянула руку. Пол пожал ее теплую, твердую ладонь и произнес:

— Приятно познакомиться.

Саломия снова улыбнулась, но промолчала. Отступив назад, она замерла, глядя в огонь. Джим показал на испанца:

— Это — Хуан.

Испанцу с аккуратными усиками и ровно подстриженными седыми волосами было чуть за пятьдесят. Отблески костра играли в его светло-карих глазах и высвечивали морщины, тянущиеся от уголков глаз к коротким бачкам. Пол пожал руку Хуану, и оба кивнули друг другу.

— А это... — проговорил он таким тоном, словно вся церемония приблизилась наконец к грандиозному финалу, — это — Джошуа. — Имя это снова прозвучало в его устах с необычным акцентом, и свои слова Джим сопроводил легким поклоном.

Джошуа походил на одного из тех ближневосточных юношей, которых Полу нередко доводилось видеть в телевизионных новостях, — на израильского солдата или палестинского демонстранта. Он был одного роста с Полом — около шести футов. Оливковая кожа, гладкие черные волосы, на макушке коротко стриженные, а на затылке собранные в «конский хвост», симметричное длинное лицо с необыкновенно широко поставленными глазами...

На Джошуа были поношенные голубые джинсы с прорехой на правом колене, черные армейские ботинки и зеленый свитер крупной вязки, из-под которого выглядывал воротник голубой фланелевой рубашки с рисунком в клетку. Одежда нищенская, но безупречно чистая.

— Я очень рад, что ты пришел, — сказал Джошуа, протягивая Полу руку.

— Я тоже рад, что попал сюда, — ответил Пол, боковым зрением заметив, что остальные его новые знакомые слегка подались вперед и пристально наблюдают за тем, как он обменивается с Джошуа рукопожатием. Казалось, они ожидают чего-то важного. Пол решил сразу попытать удачи. — Ты знаешь Ноя?

Джошуа улыбнулся, отступил на шаг и опустился на белый пластиковый шезлонг.

— Да, — спокойно ответил он. Остальные разом вздохнули с облегчением, как если бы утвердительный ответ Джошуа означал, что Пол только что выдержал какое-то важное испытание. — Садись и успокойся, — добавил он.

Джим указал Полу на стоявшее рядом с шезлонгом Джошуа кресло с коричневой тканой обивкой и подножкой, застрявшей в поднятом положении. Все остальные тоже расселись вокруг костра, кроме Хуана, который наклонился над огнем и принялся помешивать густое овощное рагу в одной из кастрюль. Пол сел в кресло, нагревшееся от огня.

— Что-нибудь съешь? — с сильным испанским акцентом спросил его Хуан, кивком указав на кастрюлю, и тоже уселся на кухонный стул из хрома и пластика.

— Спасибо, но я только что позавтракал, — отказался Пол, уловив безошибочный запах кэрри, доносящийся из самой большой кастрюли. Из кастрюли поменьше пахло луком, чесноком и имбирем; должно быть, там готовилось овощное соте с рисом.

Хуан улыбнулся.

— Это у нас, скорее, ланч. — Снова наклонившись, он передвинул куски тыквы к краю решетки, подальше от огня. — Будет совсем готово через пару часов, но можно найти съедобный кусочек и сейчас.

— Спасибо за предложение, — сказал Пол. — Пахнет вкусно.

Огонь приятно согревал лицо и руки, и Пол необъяснимым образом расслабился, несмотря на то что этот мир, затаившийся под землей, был абсолютно чужд ему и до сегодняшнего утра он даже не подозревал о его существовании.

На несколько долгих мгновений воцарилась тишина. Все молчали, глядя в огонь. Пол с удивлением обнаружил, что в этом молчании нет ничего общего с теми паузами, которые Мак иногда устраивал на редакционных собраниях, чтобы удержать людей в напряжении и заставить их гадать, в чей адрес будет направлена его следующая высокопарная тирада. Эта тишина была уютной, как молчание близких друзей, спокойно наслаждающихся взаимной приязнью. Пол почувствовал, что люди, окружающие его, связаны между собой узами прочнее кровного родства, — что они готовы жить друг для друга и друг за друга умереть.

— Джошуа, — наконец произнес Мэт, и всеобщее внимание тотчас же обратилось на него. — Расскажи нам еще раз, где нужно искать.

Еще несколько секунд Джошуа неподвижно смотрел в огонь, а затем перевел взгляд на Пола. И взгляд этот был таким внимательным и сосредоточенным, что Пол невольно почувствовал себя самым

важным человеком на земле.

— Встречал ли ты людей, которые приходят к тебе и начинают рассказывать о том, как найти Царствие Божие?

— Да, одного такого я встретил вчера на улице. Он схватил меня за руку и начал толковать мне о небесах, а потом наорал на меня.

Джошуа кивнул.

— Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас. Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы — дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы — бедность[33].

— Этому учит Школа Мудрости? — спросил Пол. — Кажется, я не совсем понимаю.

— Вообще-то, это слова Иисуса, из Евангелия от Фомы[34], — сказал Джошуа и бросил взгляд на Пита, словно призывая того ответить на вопрос, заданный Полом.

Пит подался вперед, покачнувшись на своем сиденье — металлическом складном стульчике, покрашенном в коричневый цвет; такие стулья часто ставят в школьных спортзалах.

— Один парень, — начал Пит, — рылся в мусорных баках в поисках еды и находил понемножку то там, то сям. То листочек салата найдет, то морковку, то полбутылки кетчупа. А в самом последнем баке ему вдруг попался целый ящик замороженных обедов. Их, понимаешь, выбросили из соседнего магазина, просто потому что на них что-то пролилось и пакеты испачкались. Так вот парню и достался целый ящик этих обедов — тридцать шесть пакетов. Ну, ящик он взял, а всю ерунду, которую насобирал по другим мусорникам, выбросил в тот же бак. А потом он принес этот ящик еды своим друзьям, и целых два дня все они жрали от пуза.

— Боюсь, я опять не понял, — сказал Пол.

Тогда Саломия лениво подняла руку и проговорила:

— Да это же притча, дружище! Ну, драгоценная жемчужина[35]. Понял? — Она вытянула руку и выразительно покачала поднятым большим пальцем.

— А-а-а, — сказал Пол. — Теперь понял. Это точь-в-точь как учил Иисус.

— Вот именно, — подхватила Саломия. — Если у тебя есть Истина, ну, жемчужина или, там, ящик с морожеными обедами, вся эта мелочь тебе становится не нужна. И ты можешь оставить позади свою старую жизнь.

Все это ничуть не походило на беседы с Ноем, и Пол подумал, что Джошуа, скорее, смахивает на бродячего философа, а то и на психа, но уж никак не на ангела или духа.

Внезапно ему пришло в голову, что Джим запросто мог выдумать всю эту историю о том, что ему поручили найти парня, который будет есть омлет. «Что, если я по глупости связался с какой-то опасной сектой бездомных? — подумал Пол. Он обвел взглядом лица людей, сидевших вокруг костра. Все они выглядели вполне безвредными, даже дружелюбными; но ведь такое же впечатление поначалу производили и Джим Джонс или Чарли Мэнсон[36]. — Не пора ли выбираться отсюда, пока еще не поздно?..»

Пол поглядел в темноту, где сплетались в лабиринте железнодорожные туннели. Нет, одному ему отсюда не выбраться. Он представил себе, как будет, спотыкаясь, брести во мраке и тщетно разыскивать крошечный лаз между двумя системами туннелей, натыкаясь на крыс и падая в кучи отбросов и выгребные ямы. Сердце его отчаянно заколотилось.

Но тут Саломия прервала поток этих безрадостных мыслей.

— Иисус говорил много такого, о чем сегодня не желают вспоминать, — сказала она. — Вот, например, Он говорил, что если хочешь спасти мир, то должен отказаться от кесаревых царств и дать обет бедности. Это не значит отказаться от своего имущества и жить в нищете. Просто ты не должен привязываться к своему богатству. Если ты потеряешь его или раздашь, тебя это не должно огорчить. Но и если ты останешься богат, это ничего не изменит. Как бы ты ни жил, ты всегда должен помнить о том, что в конечном счете ты не можешь знать, где возьмешь завтра пищу или кров, но точно знаешь, что Бог о тебе позаботится.

В Нагорной проповеди Он сказал: «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?»[37] Понимаешь? Живи здесь и сейчас, без оглядки на богатство и бедность, как их принято понимать в нашей культуре. Только так и можно жить в руке Господней.

---

[33] Евангелие от Фомы, 2. Здесь и далее цит, по: Апокрифы древних христиан. А.Ф. Окулов и др. М.: Мысль, 1989.
[34] Евангелие от Фомы — апокрифическое евангелие, приблизительно датируется серединой II в., имеет гностическое происхождение.
[35] Имеется в виду одна из притч Иисуса о Царстве Небесном: «Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13: 45-46).
[36] Джим Джонс (1931—1978) — вождь американской религиозной секты, провозгласивший себя Мессией и в конце концов спровоцировавший своих последователей на массовое самоубийство. Название колонии, которую последователи Джонса основали в джунглях Гайаны, — Джонстаун — стало символом религиозного фанатизма. Чарльз Мэнсон (р. 1934) — гуру общины хиппи, в 1969 г. с несколькими своими приверженцами убивший знаменитую киноактрису Шарон Тейт и шестерых ее друзей.
[37] Евангелие от Матфея, б: 31.

Уверенность в ее голосе только подкрепила терзавшие Пола опасения. Эти люди принимали Джошуа за какого-то святого или спасителя. Этот тип, Джошуа, ничего не знал о Ное, но сказал, что знает, потому что понял, что Пол ожидает это услышать. А Джим притащил его сюда, чтобы завербовать в свою секту, а может, выбить из него деньги, а то и еще кое-что похуже.

Джошуа по-прежнему улыбался — казалось бы, дружелюбно. Но Пол подумал, что точно так же мог бы улыбаться и сумасшедший, и просто негодяй, замысливший ограбить и убить доверчивого простака.

— Зачем ты попросил Джима привести меня сюда? — спросил Пол.

В ответ Джошуа произнес:

— Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает[38].

— Огонь — это ты?

— Огонь — мое учение.

«Ну, точно. Второй Джим Джонс», — подумал про себя Пол, а вслух спросил:

— А ты кто?

Джошуа подобрал ноги и уселся в своем шезлонге по-турецки, выпрямив спину.

— Я — свет, который на всех. Я — все: все вышло из меня и все вернулось ко мне. Разруби дерево, я — там; подними камень, и ты найдешь меня там[39].

— Ты — ангел? — спросил Пол.

— Вы испытываете лицо неба и земли, — проговорил Джошуа так тихо, что Пол невольно подался вперед, чтобы расслышать его слова, — и того, кто перед вами, — вы не познали его; и это время — вы не знаете, как испытать его[40].

— Извини, но я действительно не узнаю тебя, — сказал Пол, думая, что и вправду пора сматывать удочки. — По-моему, мы никогда раньше не встречались. Может, ты принял меня за кого-то другого. — Он бросил взгляд на Джима, но по его лицу ничего нельзя было прочесть.

Джошуа указал на людей, сидящих вокруг костерка.

— Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем, внешним, все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат и не разумеют[41].

— Твое учение — тайна? — спросил Пол. Вдалеке за спиной Джошуа, в крайнем слева из трех туннелей, показался огонек, слегка колышущийся во тьме, словно бы там двигался человек со свечой. Хуан, сидевший слева от Пола, дернул головой, как будто тоже заметил свет.

— И да, и нет, — сказал Джошуа. — Для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу. Если кто имеет уши слышать, да слышит![42] Для прочих же эти тайны — всего лишь сказки. Просто занимательные сказки.

— Притчи.

— Да, Пол. Именно притчами передавалось это учение в древности. Последние пять ответов, которые я дал на твои вопросы, — это речения Иисуса из Евангелия от Фомы и других книг. Позволь, я попробую разъяснить тебе самую суть. Некоторые люди утверждают, что тайны жизни можно постичь с помощью знания. Они ищут знания и стараются познать Бога посредством своего разума. Но на все их вопросы отвечает не Бог, а их же собственный разум, потому что разумом постичь душу Бога невозможно.

— Что-то похожее говорил мне Ной.

— Да, естественно. Этот первый из путей, путь знания, полезен и интересен, но для того, чтобы истинно познать Бога, нужно взойти на путь более высокий — путь мистика. Мистик не ищет знания о Боге. Он стремится непосредственно соприкоснуться с Богом и слиться с Богом воедино.

— А для этого нужна любовь?

— Любовь и вера, — уточнил Джошуа. — Если больше всего на свете ты захочешь слиться воедино с Богом, тогда все остальное само встанет на свои места. Как только ты выйдешь на верный путь, в сердце твоем воцарятся тишина и глубокий покой. Если же ты собьешься с пути, то в сердце твоем подымется смятение. Таков смысл притч о «драгоценной жемчужине» и «тридцати шести обедах в мусорном баке». Понимаешь, Пол?

— Умом — едва ли, но сердце подсказывает мне, что ты прав.

— Этот путь, путь мистика, состоит из трех ступеней. О них говорится во многих притчах. Первая ступень — одиночество. Отделенность от Бога рождает в тебе чувство глубокого одиночества. Люди в большинстве своем понимают это чувство неправильно: мы пытаемся истолковать его как желание владеть

---

[38] Евангелие от Фомы, 10.
[39] Евангелие от Фомы, 81.
[40] Евангелие от Фомы, 95.
[41] Евангелие от Марка, 4: 11—12.
[42] Евангелие от Марка, 21—23.

вещами, которые можно продавать и покупать. Вторая ступень — любовь, чувство, идущее из самой глубины сердца, открыть которое можно самыми разными путями. А на третьей ступени мистик входит в душу Бога, опираясь на два эти чувства — одиночество и любовь. Так поступил отец, устроивший пир для блудного сына. Понимаешь?

Внезапно Пол ощутил необъяснимое тепло в груди. В нем зарождалась любовь. Но к кому? К этому бездомному парню с Ближнего Востока? Нет, нет. Пол чувствовал, что с ним происходит нечто глубокое и важное, но что?.. Он выбивался из сил, стараясь вникнуть в логику рассуждений своего собеседника, стараясь понять... Но все было тщетно.

— Не уверен, — проговорил он наконец.

Джошуа встал, подошел к Полу, присел перед ним на корточки и начертил круг на грязном полу туннеля.

— Это — преграда, отделяющая тебя от Бога. Ты находишься внутри этого круга, а Бог — повсюду за его пределами. Твое эго, твои бесконечные размышления, твой разум — вот из чего состоит эта преграда. Вот почему велено оставить отца своего и мать, братьев и сестер своих[43]. Это не значит, что ты должен в буквальном смысле слова возненавидеть или бросить их. Просто нужно понять, что другие люди — вовсе не «другие» и что они находятся вовсе не за пределами этого круга. Все на свете есть «ты». А «ты» — это и ты, и Бог. Пойми, Пол: никакого круга нет. Нет никакой разделенности. — Джошуа выпрямился, вернулся к своему шезлонгу и снова сел.

Пол онемел. С одной стороны, все, что говорил Джошуа, было совершенно осмысленно и очень важно. Но с другой — это было не что иное, как предложение отречься от всего мирского и вступить в какую-то секту. Пол вытащил блокнот и записал: «*Нет никакого круга. Нет никакой преграды ни между людьми, ни между человеком и всем Мирозданием*».

— Пол, — вновь заговорил Джошуа, — ты отдаешь себе отчет в том, что когда-нибудь ты умрешь?

— Да, — ответил Пол с некоторым смущением.

— Можешь не сомневаться, что если до момента своей смерти ты не успеешь выйти из этого круга, то момент этот станет самым одиноким мгновением во всей твоей жизни. Ты будешь обречен предстать перед вечностью в полном одиночестве. Но после того, как жизнь покинет твое тело, ты познаешь единение и любовь в такой полноте, какую ты не мог даже вообразить себе, если не разорвал границы этого круга еще при жизни. ***Путь состоит из трех ступеней: одиночество, любовь, единение.*** Ты непременно пройдешь этот путь после смерти. Но в твоих силах сделать это в любой момент — даже прямо сейчас.

И после этого ты уже никогда не будешь одинок. Это-то и значит «родиться заново». Это значит преодолеть смерть — смерть, воплощенную в этом круге, в преградах, которые создает эго, — и войти в новую жизнь — жизнь в единении с Богом. Обрести взаимную любовь. И тогда в глазах каждого живого существа ты будешь видеть глаза Бога. В голосе каждого человека, животного и даже ветра ты будешь слышать голос Бога. И ты будешь чувствовать любовь Бога в каждом мгновении жизни. Ты читаешь книги?

— Да. — Пол едва не задыхался от нахлынувших на него чувств.

— Люди читают, чтобы почувствовать, что они не одиноки в своих сомнениях, мыслях и страхах. Чтобы ощутить, что и другие люди тоже живут. Это, опять-таки, первая ступень.

— Одиночество?

— Да, Пол. А затем приходит любовь. Ты вдруг понимаешь, что вся любовь, которую ты испытываешь, — это не что иное, как Божественная любовь, которая сияет сквозь бреши в преграде твоего эго, пробитые общением с другими людьми. Точно так же всякий свет на Земле изначально исходит от Солнца. Даже этот огонь, — он указал на костер, в который Хуан как раз подбрасывал дров, — возник лишь благодаря солнечному свету, который взрастил деревья, служащие теперь топливом для костра. Всякий свет исходит от Солнца. Всякая любовь исходит от Бога. Нет такой любви, что не была бы Божественной.

— А как же насчет Божьего гнева? — спросил Пол, вспомнив, что ему твердили когда-то в церкви.

— Какой отец, когда сын попросит у него рыбы, подаст ему камень? — проговорил Джошуа, и Пол узнал очередные слова Иисуса[44]. — Идея гнева Господня происходит от дуалистических представлений, от веры в антропоморфных богов, сотворенных людьми.

Идущий путем мистика знает, что Господня милость — то есть божественная любовь — беспредельна. Принимать важные жизненные решения боятся только те, кто думает, будто милость Бога конечна и ограниченна. Но когда ты поймешь, что милость эта бесконечна и абсолютно беспредельна, когда ты научишься слышать в своем сердце ту тишину, которая рождается из любви к твоему Создателю и ко всему Его творению, твоя жизнь раскроется в безмерной полноте и ты освободишься от всякого страха.

— Но многие утверждают, что мы должны страшиться Господа.

Джошуа улыбнулся.

— Это говорят люди, которые еще не прикоснулись к душе Создателя Вселенной. Как писал Павел

[43] Ср. Евангелие от Луки, 14: 26.
[44] Искаженная цитата из Евангелия от Луки, 11:11.

Тимофею, «дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви»[45].

— Но если Бог сотворил все сущее, то должны существовать не только добрые духи, но и злые. Не так ли это, как две стороны одной медали?

— Медаль — неудачное сравнение, — возразил Джошуа. — Лучше сравнить со светом. Или звуком — например, звуком Божественного Слова. Зло противоположно добру ничуть не в большей мере, чем тьма противоположна свету или тишина — музыке. Зло — это просто условное название, которым обозначаем отсутствие любви — любви как формы проявления Бога. Зло — это не самостоятельное качество, а просто отсутствие добра. *Люди, ведущие себя дурно, не проникнуты злом, а просто утратили связь с добром*. Они холодны, потому что им недостает тепла. И они не понимают, что источник тепла неисчерпаем: нужно только уметь разглядеть его, расслышать, почувствовать, открыться ему навстречу.

— Поразительно! — воскликнул Пол, снова раскрыл блокнот и записал: «*Это не две стороны медали; это как свет и тьма. Создатель Вселенной — это любовь, добро и т. д. Зло — это не «другое божество», не оборотная сторона Творца, а отсутствие связи с Творцом, точь-в-точь как тьма — это не противоположность или оборотная сторона света, а просто отсутствие света*».

Затем он взглянул на Джошуа, который по-прежнему улыбался, и спросил:

— Тогда что же такое «грех»?

— Грех — это не преступление против Бога, — сказал Джошуа. — Это преступление человека против себя самого. Лучше всего будет определить грех как любое действие или мысль, которое заставляет тебя забыть о любви — о вездесущем и вечносущем присутствии Создателя Вселенной.

В этот момент Хуан поднялся и, указав за спину Джошуа, объявил:

— Кто-то идет.

Все, кроме Джошуа, обернулись посмотреть. А Джошуа, не повернув головы, сказал:

— Это Марк.

— Эй! — раздался окрик из туннеля, и теперь Пол наконец разглядел белого мужчину средних лет в серых фланелевых слаксах (под которыми была еще по меньшей мере одна пара штанов), армейских ботинках и заляпанной грязью теплой зимней куртке с капюшоном на искусственном меху. Он выбрался из туннеля, сильно прихрамывая. В одной руке он держал стеклянную банку, до половины залитую воском, в который был воткнут горящий фитиль. Другой рукой он держался за бок, и в свете костра стало видно, что под пальцами у него расплывается кровавое пятно.

Пит и Хуан вскочили и бросились на помощь Марку, громко спрашивая, что с ним стряслось. Марк крепко прижимал руку к ране, его худое длинное лицо скривилось от боли.

— Меня ударили ножом, дружище, — прохрипел он. Хуан забрал у него банку со свечой, а Пит обхватил его, подвел к огню и уложил на пол рядом с шезлонгом Джошуа.

— Плохо дело, — проговорил Пит, взглянув на Джошуа. — Он истекает кровью.

— Что случилось? — спросил Мэт, бросаясь к Марку. Саломия тоже встала и подошла к раненому. Только Пол и Джошуа остались сидеть.

— Панки, — прерывисто дыша, ответил Марк. — Подловили меня у приемного пункта. Я уже успел сдать бутылки. Они знали, что я при деньгах.

— Они тебя ограбили? — спросил Мэт. Марк кивнул.

— Взяли двадцать три бакса. — С трудом повернувшись, он устремил просительный взгляд на Джошуа. — Худо мне, дружище. Можешь что-нибудь сделать?

— А ты веришь, что я могу? — спросил Джошуа.

— Да, — кивнул Марк.

Все напряженно смотрели на Джошуа, словно ожидая от него какого-то чуда.

— Ты уверен? — переспросил Джошуа.

— Я знаю, что ты можешь меня вылечить, — сказал Марк.

Джошуа кивнул и сделал несколько пассов перед лицом Марка, как будто протер невидимое стекло. Марк изумленно вздохнул, на мгновение зажмурился, а затем уставился на Джошуа во все глаза.

— Что с тобой, приятель? — взволнованно проговорил Мэт.

Одним плавным движением Марк поднялся и сел. Он поглядел на свою куртку, на расплывшееся на боку кровавое пятно, затем пощупал рукой разрез на ткани, все еще влажной от крови. Затем он медленно расстегнул молнию и снял куртку. Под ней оказалась перемазанная кровью коричневая, с вышитой над карманом надписью «Марк» форменная рубашка, в каких ходят почтальоны.

Пониже кармана виднелся еще один разрез. С помощью Мэта Марк снял рубашку, и под ней обнаружилась заправленная в штаны теплая майка, рваная и тоже испачканная кровью. Марк стащил ее через голову и остался голым по пояс. Несмотря на жар, идущий от костра, его била дрожь. Справа на животе, сра-

[45] 2-е Послание к Тимофею, 1: 7.

зу под грудной клеткой, виднелось пятно свежей алой крови, но от раны не осталось и следа.

Пол с тревогой наблюдал за происходящим. Любовь, которая только что заполняла его сердце, внезапно куда-то скрылась, мысли пришли в смятение, в желудке забурлило. Чтобы разыграть такую сцену, нужно было приложить немало усилий, из чего следовало, что все это — капитальный мухлеж.

Должно быть, ставки очень высоки; эти мошенники явно пытаются обобрать его подчистую. «Интересно, скольких доверчивых дурачков они уже вот так заманили? — подумал Пол. — И скольких убили, ободрав как липку? Сколько трупов закопано в этих туннелях?» Пол засунул руки в карманы куртки и сжал кулаки.

Марк поднялся на ноги, обводя своих товарищей изумленным взглядом.

— Меня пырнули ножом! — воскликнул он, обращаясь ко всем сразу. — Это было ужасно. Меня ранили. — Он ткнул пальцем в кровавое пятно на животе. — Вот сюда. Нож вошел дюймов на пять-шесть. Я почувствовал, как он проткнул что-то большое внутри. Я весь истекал кровью. Мне казалось, будто сердце бьется сразу во всем теле, и каждый удар причинял такую боль!

Джошуа только улыбался и кивал. Мэт и Пит тоже кивали с таким видом, словно их ожидания полностью оправдались. Хуан выглядел испуганным; казалось, его подмывает сбежать. А Саломия медленно вернулась к своему стулу и села, ни единым движением не выдав, что творится в ее душе.

— Вот видишь, Джошуа тебя вылечил, — промолвил Мэт. — Он протянул руку и вылечил тебя как нечего делать. — Он щелкнул пальцами. — Я же тебе говорил! А ты мне не верил. Что, скажешь, я тебе не говорил? Ну, теперь-то ты мне веришь, дружище.

Пола поразило, насколько убедительно они разыгрывают свои роли. Но он тут же напомнил себе, что не бывает мошенничества без хорошего актерства. По Нью-Йорку рыщут миллионы мошенников — от простых карточных шулеров и министров, подписывающих распоряжения о промышленной эксплуатации западных индейских территорий, до рекламщиков из агентства Сьюзен, ставящих счастье детей в зависимость от того, купят ли им родители самую свежую видеоигру.

Марк наклонился и обхватил обеими руками колено Джошуа.

— Спасибо, Джошуа, — срывающимся голосом проговорил он. — Ты спас мне жизнь. Я ведь уже умирал.

— Я ничего не сделал, — сухо возразил Джошуа. — Не я тебя исцелил, а твоя вера.

— Но ведь ты водил рукой надо мной... Ты спросил, верю ли я тебе...

— Если вы будете иметь веру с горчичное зерно, ничего не будет невозможного для вас[46]. Моя рука всего лишь пробудила твою веру и вывела ее наружу.

Пол поднялся.

— Все это замечательно, — объявил он, — и вы произвели на меня большое впечатление. — Все повернулись и уставились на него. — У меня с собой есть долларов двадцать-тридцать, и я мог бы пожертвовать их на вашу деятельность. Но мне пора домой. Если за несколько дней я не найду работу, меня вышвырнут на улицу. — Пол огляделся по сторонам, внезапно смутившись от собственных слов. Что, если он случайно оскорбил их? Что, если они услышали в его словах неодобрение? Не дал ли он им повод перейти к более решительным мерам? Что, если он поставил себя в еще более уязвимое положение?

— Кто этот парень? — спросил Марк, снова натягивая на себя рубашки.

— Приятель Джима, — сказал Мэт, сидевший рядом с Марком и подававший ему одежду.

Джошуа кивнул, и Полу на какое-то мгновение показалось, что на его замечание никто не обратил внимания. Но тут Джошуа проговорил:

— Нам не нужны твои деньги, Пол. Более того, мы не желаем их брать. — Он взглянул на Джима. — Джим, не проводишь ли ты мистера Эйблера обратно на поверхность?

Пол вздрогнул от неожиданности.

— Откуда вам известна моя фамилия?

Он торопливо прокрутил в памяти события сегодняшнего утра. Нет, он не сообщал Джиму своей фамилии, и уж никоим образом не мог назвать ее здесь.

Джошуа пожал плечами.

— Для того, кто соприкоснулся с душой Бога, нет никаких тайн.

Значит, все это надувательство было спланировано заранее! Значит, дело не в том, что Пол оказался всего-навсего первым, кто не прогнал Джима из-за своего столика. Нет, все было тщательно подготовлено.

Они знали о нем намного больше, чем он мог заподозрить, и он был гораздо более уязвим, чем ему до сих пор казалось. У них есть какие-то далеко идущие планы на его счет, и планы эти сложились задолго до того, как Джим вошел этим утром в «Модное кафе». Быть может, они выслеживали его уже несколько дней, а то и недель.

---

[46] Евангелие от Матфея, 17: 20.

Внезапно Пол вспомнил Рича. Тот был убежден, что его одурманили каким-то галлюциногеном. «Что, если мне тоже подсунули наркотик?» — подумал Пол. Это объяснило бы и все фокусы Ноя, и путешествие во времени. Но кто мог это сделать? И когда?

Ну, конечно! Тот проповедник на улице! Он привязался к Полу как раз перед тем, как Пол бросился спасать девочку из-под грузовика.

Так оно и есть. Тот тип был заодно с этими мошенниками. Он даже одет был как бездомный. Он мог незаметно сделать Полу укол наркотика, когда схватил его за руку

Пол пощупал правое предплечье и слегка потер его, проверяя, не осталось ли болезненного места от укола. Был ли укол? Непонятно.

— Никаких тайн, — эхом повторил Мэт вслед за Джошуа.

Глава 8. Сила веры

Тяжело дыша, словно загнанный зверь, Пол обвел взглядом лица, застывшие в напряженном ожидании. Он огляделся вокруг и с изумлением обнаружил, что расставленные вдоль путей деревянные ящики, которые он поначалу принял за пустую тару, — на самом деле не что иное, как отдельные жилища.

В ящике, стоявшем слева у него за спиной, была дверь, полуприкрытая занавеской-одеялом. Внутри виднелись лежащий на полу матрас, какой-то рисунок на стене, стол, заваленный книгами, и керосиновая лампа.

До Пола дошло, что эти люди здесь живут. Они не платят никакой квартплаты, никаких налогов. Питаются тем, что удается собрать на мусорниках, а деньги выручают в пунктах приема бутылок. И бегают от панков и уличных хулиганов, чтобы донести эти деньги домой и вернуться в свой подземный мир целыми и невредимыми.

«*Они невообразимо бедны*, — подумал Пол. — *Они не побрезгуют ничем*».

Он быстро перебрал в уме содержимое своих карманов. Каждое утро он перекладывал в карман свежей рубашки водительские права и кредитки «Мастеркард» и «Американ экспресс», а затем, уже надев рубашку, клал туда же авторучку «Кросс» с золотым пером. Это было удобнее, чем таскать бумажник в городе, битком набитом карманниками. В правом кармане джинсов лежало долларов пятьдесят; дома оставалось еще около сотни... если эти проходимцы еще до них не добрались. Может, они привели его сюда специально для того, чтобы без помех обчистить его квартиру?

— Как ты, приятель? — спросил Джим, отрывая Пола от подсчетов и снова втягивая его в беседу.

— Нормально, — ответил Пол. — Просто мне срочно нужно домой.

Он вытащил руки из карманов куртки, выкарабкался из глубокого кресла и принялся разминать затекшие пальцы. Все это время он неосознанно сжимал кулаки.

Джим бросил взгляд на Джошуа. Тот едва заметно пожал плечами.

— Я могу отвести его, — предложил Джим.

— Что тебя беспокоит? — обратился Джошуа к Полу ласковым, полным сочувствия голосом.

— Мне пора возвращаться к своей жизни, — сказал Пол. — К своей квартире, к своей девушке. Мне нужно найти работу. Меня вчера уволили.

Джошуа поскреб гладко выбритый подбородок.

— Ты — человек принципов.

Полу сразу подумалось, не приложили ли они руку к его увольнению из «Трибьюн».

— Хотелось бы думать, — пробормотал он.

— Ты веришь в журналистскую честность. И в свою собственную честность. Ты веришь в то, что истина очень важна и обладает великой силой, хотя не так давно ты понял, как важна и сила сама по себе.

— Думаю, ты прав. — Так и есть, они добрались даже до его работы! От нетерпения Пол начал переминаться с ноги на ногу, как будто пытался согреться. — Ну, все. Мне пора.

Джим поднялся.

— Все как в тот раз, в магазине миссис Рихтер, — проговорил Джошуа.

— Что?! — удивился Пол. Имя знакомое, но из каких-то давних времен и далеких мест...

— Тебе было десять лет. Элвин Кристиан украл призовые игрушки из пакетов с сухими завтраками в магазине миссис Рихтер. Ты рассказал об этом отцу, а он позвонил миссис Рихтер.

Все точно! Пол разом вспомнил всю ту историю. А ведь он не возвращался к ней мысленно по меньшей мере лет десять, и уж тем более никому о ней не рассказывал. Элвин так обиделся на Пола, что дружбе их пришел конец. И Пол с тех пор никогда даже не заикался об этом случае.

Он подался вперед, опершись руками на спинку кресла, чтобы не упасть.

— О чем это ты? — спросил он Джошуа с деланным удивлением. Он до сих пор не желал признать,

что подвел друга; до сих пор он не сомневался, что поступил правильно. Элвину это не повредило; да что там, это пошло ему на пользу! Если бы Пол не вмешался, он мог бы покатиться по наклонной и стать настоящим вором. Миссис Рихтер позвонила отцу Элвина, тот нашел игрушки под кроватью у сына и отшлепал его, а потом повел обратно в магазин, чтобы Элвин вернул украденное и извинился. Этим дело и кончилось. Ничего плохого Пол не сделал. В конце концов, не засадил же он Элвина в тюрьму!

— Ты что, не помнишь? — проговорил Джошуа. — Не помнишь Элвина Кристиана, своего старого друга?

— Ты с ним знаком? — спросил Пол, и внезапно ему пришло в голову, что все это может быть изощренной местью, которую Элвин обрушил на него спустя девятнадцать лет. Может, Элвин сам скатился на дно и оказался среди этих бездомных. А может, он их нанял. Или, может быть, он просто написал об этом происшествии рассказ или статью — что-то вроде «Как меня предали в детстве» или «Мое первое унижение» — и напечатал ее в «Нью-Йоркере»[47] или каком-нибудь менее известном журнале, а Джошуа прочел ее, узнал имя Пола и послал Джима разыскать его и привести сюда, под землю. Странно, конечно, но случаются вещи и более странные.

— Нет, Пол. Я никогда в жизни с ним не встречался, — ответил Джошуа. — Или вот еще. Когда тебе было пятнадцать, твой друг Владо Стевич дал тебе тетрадь с ответами на задачи выпускного экзамена по математике. А ты поблагодарил Владо, принес тетрадь домой и, не открывая, сжег. Так что ты — человек принципов.

— Откуда ты об этом знаешь? — воскликнул Пол, еще сильнее стискивая спинку кресла. — Я никогда *никому* об этом не рассказывал!

Все сидящие вокруг костра пристально смотрели на него, но никто, казалось, не был удивлен.

— Этому-то, Пол, тебе и предстоит научиться.

— Чему? Читать мысли? Или творить чудеса?

— Тому, каким образом творятся чудеса. А уж творить их — это твоя судьба, которую ты выбрал сам. Точно так же как тебе самому предстоит выбрать, присоединишься ты к нам или нет, усвоишь ли истины, которые я открою тебе, поймешь ли учение Школы Мудрости и понесешь ли затем это учение в большой мир.

— Значит, ты действительно знаешь Ноя? — спросил Пол.

— Прежде нежели был Ной, я есмь[48].

— Ты знаешь, что мы с ним делали?

— Вы побывали в Ниппуре. Пол непроизвольно вздрогнул.

— Он тебе рассказал?

Джошуа обеими руками провел по волосам и отбросил за плечи длинные черные пряди, а затем снова откинулся на спинку своего шезлонга.

— Ты хочешь узнать, как творить чудеса?

— Да, — помедлив, ответил Пол. Он пришел к выводу, что на вопрос о том, откуда Джошуа знает его фамилию, историю его жизни и события его детства, может быть и другой ответ. Похоже, здесь нет никакого надувательства. Пол с усилием сглотнул и снова достал из нагрудного кармана блокнот и ручку.

Джошуа обвел взглядом сидящих вокруг костра людей.

— Саломия, не расскажешь ли ты Полу о том, как творить чудеса?

Еще какое-то мгновение Саломия смотрела в огонь, а затем перевела взгляд на Пола. Силу этого взгляда он почувствовал почти физически: она заставила его обойти кресло, на спинку которого он до сих пор опирался, и снова сесть. Удобно устроившись на мягкой подушке, Пол расслабился и почувствовал, что в голове у него прояснилось.

— Ты знаешь насчет материи и энергии? — спросила Саломия.

— Это одно и то же, — сказал Пол. — Материя — это замедленная энергия.

Саломия кивнула.

— Тебе случалось когда-нибудь дуть на травинку?

— Да.

— И что происходило?

— Она наклонялась. Или улетала.

— Почему?

— Под напором моего дыхания.

— Твоего невидимого дыхания, — уточнила Саломия.

---

[47] «Нью-Йоркер» — влиятельный литературно-политический и сатирический журнал, издается в г. Нью-Йорке.
[48] Аллюзия на Иоан. 8: 58: «Прежде нежели был Авраам, я есмь».

— Да.

— А ведь это — невидимая материя, которая приводится в действие энергией. Силой мышц твоих легких.

— Понятно.

— А как насчет твоих мыслей? — спросила Саломия. Вопрос застал Пола врасплох.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду всю ту чушь, что постоянно вертится у тебя в голове. Ты беспрерывно говоришь сам с собой о прошлом и будущем и оцениваешь настоящее. Я имею в виду твои *мысли* — продукты твоего мыслящего мозга. Что это такое — материя или энергия?

— Ну, точно не знаю. Наверное, энергия?

— Их можно взвесить? Положить в коробку? Передать из рук в руки?

— Вряд ли.

— Тогда это — энергия. Согласен?

— Похоже на правду, — сказал Пол.

— А все это вокруг нас, — Саломия обвела широким жестом туннели, деревянные ящики, костер и сидящих у огня людей, — все это — материя, которая тоже состоит из энергии, как и твои мысли.

— Да. Все началось с энергии, потом появился водород, потом — материя и наконец — все это.

— А мысль — это форма энергии.

— А вера?

— А разве это не мысль? Я хочу сказать, разве не нужно думать, что ты веришь?

Саломия покачала головой.

— Нет. Я бы поставила веру в один ряд с любовью. Это нечто качественно иное, чем мышление. Можно, конечно, думать о вере, но верить — не значит думать. Верить — это верить. Понимаешь?

— Точно так же как думать о любви — это не то же самое, что любить?

— Вот именно.

— Ладно, согласен. Вера и любовь — это формы энергии, способные проходить через мой мозг и тело, точно так же как и мысль, но не тождественные мысли.

— Правильно. То же самое и с дыханием. Ты выдыхаешь воздух, и вся комната заполнена воздухом. Но воздух, выходящий из твоих легких, может согнуть травинку, которую ты придерживаешь за стебель. А воздух, заполняющий комнату, не может согнуть травинку, потому что его не приводит в движение энергия — сила мышц твоих легких и диафрагмы. Так и твой мозг может быть *проводником* энергии мышления, энергии любви или энергии веры, но все это — разные вещи.

— Да.

Саломия передвинулась на самый край своего складного кресла и уперла локти в колени.

— Ну, так вот, мышление в основном сосредоточено в головном мозге, а вера и любовь пронизывают всю нервную систему. Их чувствуешь сердцем, желудком, мышцами. Всем телом. Понимаешь, о чем я?..

— Да, — сказал Пол. Он вспомнил Сьюзен, и желудок его внезапно сжался в тугой комок. — Прекрасно понимаю.

— Итак, любовь, то есть форма энергии, которую мы называем любовью, — это то, что связывает тебя с Богом. Если ты усвоил уроки Мудрости, которые тебе уже преподали, ты поймешь меня правильно.

— Да, это я уже понял вчера вечером.

— О'кей. Тогда вот тебе вечная истина: «Если веришь, нет ничего невозможного». Вера — это энергия, позволяющая управлять другими формами энергии. Даже теми, которые сгустились в так называемую материю.

— Если вы будете иметь веру и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», она перейдет[49], — проговорил Пол, припомнив слова Иисуса по одной из церковных проповедей. Он записал: «*Если веришь, нет ничего невозможного*», — и положил блокнот обратно в карман рубашки.

— Совершенно верно, — сказала Саломия. — Если у тебя есть вера, ты можешь двигать горы, исцелять больных, воскрешать мертвых и так далее.

Полу вспомнилась дискуссия на семинаре по философии восемнадцатого века, посвященная каким-то похожим идеям.

— Однажды я участвовал в дебатах на эту тему, — сказал он. — Кажется, какой-то английский математик писал о том, что вся реальность — это энергия. И Сэмюела Джонсона[50] это вывело из себя.

---

49 Искаженная цитата из Евангелия от Матфея, 17: 20.

50 Джонсон, Сэмюел (1709—1784) — английский лексикограф, литературный критик и эссеист, автор знаменитого «Словаря английского

Саломия развела руками:

— Ты знаешь больше меня.

Она просительно взглянула на Джошуа, и тот промолвил:

— Это был Джордж Беркли[51], англиканский епископ и математик. В его честь назвали город Беркли[52] в Калифорнии. Он дружил с Галлеем[53] и Ньютоном. Он предположил, что вся физическая материя — это всего лишь представление, созданное нашим умом. Он утверждал: «esse is percipi», то есть «существовать — значит быть воспринятым».

Он близко подошел к истине, но допустил ошибку, отождествив работу мыслящего ума со всеми прочими формами сознания и полагая, что какое-то значение для Вселенной имеют только люди. По существу, это все тот же старый вопрос: «Если в лесу падает дерево, а рядом никого нет, существует ли звук от падения?»[54]

Провозглашать приоритет человека над всем сущим — это невероятное самомнение. Подобную ошибку допускали еще греки, заявлявшие, что если исчезнут люди, то исчезнет и вся Вселенная. Поэтому-то Сэмюел Джонсон и возмутился. Он пнул ногой камень, больно ушибив себе большой палец, и воскликнул: «Я опровергаю это вот так!»

— Значит, если мы исчезнем, Вселенная никуда не денется?

— Существовала же она задолго до того, как мы появились, — пожал плечами Джошуа.

Пол рассмеялся.

— Верно! Врубился. Значит, я могу творить чудеса силой своего разума?

— Не силой *разума*, — вмешалась Саломия. — Силой твоего *существования*, твоей *души*. Твоя душа способна на многое. И в том числе — творить чудеса. Тут дело не в мышлении, понимании или знании. Все это — *другие* силы, в основном связанные с разумом. А дело — в вере, которая затрагивает и разум, и сердце, и все твое существо. Творить чудеса силой мысли невозможно. Но силой веры — сколько угодно.

Пол недоверчиво взглянул на спокойное темное лицо Саломии и ее поношенную одежду.

— А ты можешь творить чудеса? — спросил он.

Саломия пожала плечами.

— Я ведь здесь. По-моему, это — чудо.

— Ты знаешь, о чем я.

— Честно говоря, никогда не пробовала. Во всяком случае, в том смысле, какой ты имеешь в виду. Мне это просто не нужно. Но я верю, что я на это способна.

— Как ты сюда попала?

Саломия почесала щеку и провела рукой по волосам, густым и курчавым; в шестидесятые такую прическу называли «афро»[55].

— Я выросла в Атланте, в приличной семье. Там было полным-полно приличных людей. Они ходили в хорошие школы, хорошо зарабатывали, говорили как белые. — Лицо ее осветилось озорной улыбкой. — Само собой, могу и на джайве[56] пощебетать.

— Ты — билингв. Говоришь на двух языках, — подытожил Пол.

— Ты даже не понимаешь, до какой степени ты прав, — рассмеялась Саломия. — В Америке много разных наций. Наверное, так было всегда.

Пол кивнул.

— Значит, ты — из Атланты?

— Да, приехала сюда, в Большое Яблоко. Сразу после того, как закончила колледж и получила диплом по маркетингу и коммуникациям в Морхаузе[57]. Второй специальностью у меня была философия. Я думала, что здесь будет лучше. Здесь большие деньги, хорошая работа в крупных рекламных агентствах... ну, в общем, сам понимаешь.

Но вместо этого я подсела на кокаин. Уже через год ради этой дури я была готова на все. У меня нашли ВИЧ. Я потеряла работу и оказалась на улице. Я побывала в нескольких ночлежках, но это оказались настоящие притоны. В конце концов я оказалась здесь. Вот, коротко говоря, и все.

— Так у тебя СПИД? — спросил Пол. История Саломии глубоко его опечалила.

языка».

51 Беркли, Джордж (1685—1753) — английский философ, епископ англиканской церкви, создатель субъективно-идеалистического учения. Утверждал, что внешний мир не существует независимо от восприятия и мышления.

52 Беркли — город на западе штата Калифорния, известен благодаря расположенному в нем кампусу Калифорнийского университета.

53 Галлей, Эдмунд (1656—1742) —английский астроном и геофизик, разработал метод расчета кометных орбит и открыл периодичность некоторых комет, в т.ч. названной в его честь знаменитой кометы Галлея.

54 Джошуа приводит древний дзэн-буддийский коан (загадку, решение которой невозможно с помощью рациональной логики).

55 «Афро» — высокая, пышная «естественная» прическа с мелкими завитками, популярная в 60—70-е гг. среди афроамериканцев.

56 Джабв — жаргон джазовых музыкантов.

57 Морхауз-колледж — частное учебное заведение в Атланте (Джорджия), традиционное место обучения афроамериканцев.

— Нет, только вирус.

— Его развитие можно приостановить?

— Да. Если я буду в это верить.

— То, что ты говоришь, чертовски похоже на христианскую науку[58].

— Да. А еще — на христианство, иудаизм, индуизм, буддизм и ислам вместе взятые, — парировала Саломия. — Или ты не читал Библию?

— Но я могу пнуть камень и ушибить себе ногу.

— А я могу сдвинуть гору.

— И вылечить себя от СПИДа?

— Этот был бы интересный опыт... — задумчиво проговорила Саломия. — Наверное, в глубине души я убеждена, что, если мне это не удастся, значит, такова жизнь. Нужно стараться изо всех сил, но в то же время принимать то, что уготовала тебе судьба. Такой вот парадокс, понимаешь? Если ты постоянно живешь в любви к Богу, то неважно, будешь ли ты жить или умрешь, потому что все это — от Бога.

Рано или поздно я умру, и я это знаю. И ты тоже умрешь. Это неизбежно. Вопрос только в том, станешь ли ты дожидаться смерти, чтобы полюбить Бога и слиться с Ним, или ты сделаешь это сейчас же, сию же минуту. Я предпочла сделать это сразу, так что теперь, честно говоря, меня не волнует, когда я умру. Я не боюсь смерти — я жду ее как какого-то приключения. Ты только пойми, в этом нет ничего страшного. Я — вовсе не самоубийца. Просто я знаю, что мне предстоит умереть, и я к этому готова.

— Ты готова умереть?

Улыбнувшись, Саломия обвела взглядом лица сидящих вокруг костра, а затем снова посмотрела в лицо Полу.

— Можешь ли ты искренне сказать, что сегодня — хороший день, чтобы умереть?

— Что ты имеешь в виду?

— Наверно, я похожа на африканку... — Саломия указала на свое лицо, — но во мне течет и кровь индейцев. Как и во многих из моего народа. Ты знаешь, что сказал Неистовый Конь в тот день, когда Кастер напал на индейцев сиу на реке Литл-Бигхорн[59]?

— Нет.

— Неистовый Конь хотел мира. Но Кастер разделил свое войско и послал часть солдат перебить женщин и детей в лагере хункпапа[60], самой южной из деревень сиу в окрестностях Литл-Бигхорн. Он хотел устрашить и деморализовать индейских воинов. И тогда Неистовый Конь сказал своим людям: «Вперед, лакота[61]! Сегодня — хороший день, чтобы умереть!»

И они пошли в атаку, отлично понимая, что могут погибнуть. Ведь индейцы почти всегда гибли в столкновениях с белыми. Ну так вот, когда я впервые услышала эту историю, я спросила себя: «Хороший ли сегодня день, чтобы умереть?» И, надо признаться, я ответила: «Нет». Мне предстояло доделать еще очень много дел. Уладить дела с семьей, с друзьями, с Богом. Понимаешь?

— Да, — сказал Пол. — Я тоже отвечаю: «Нет». Хороший день, чтобы умереть, для меня еще не настал.

— Но когда-нибудь ты все равно умрешь, — сказала Саломия. — Рано или поздно. День, в который это случится, будет ничем не лучше сегодняшнего, если только ты не решишь сделать так, чтобы уже сегодняшний день был хорош для того, чтобы умереть. И если ты так решишь, то во все оставшиеся тебе дни ты будешь принадлежать не только этому миру, но и миру иному. Это и есть «родиться заново».

— Родиться заново? — переспросил Пол. — Раньше я не понимал, что это значит, но теперь, похоже, начинаю понимать.

— Когда ты пробудишься от сна, навеянного современной цивилизацией, и увидишь весь мир, все творение, всю жизнь такими, как они есть, тогда ты возродишься в духе и все сущее для тебя обновится, — сказала Саломия.

— Это надо записать, — сказал Пол, вытащил блокнот и сделал запись: «*Когда сегодняшний день станет хорош для того, чтобы умереть, ибо я примирюсь со всем и всеми, буду постоянно чувствовать любовь Создателя Вселенной и пробужусь от алчного сна нашей хищной цивилизации, тогда состоится мое второе рождение*».

Он прочитал записанное Саломии и спросил:

---

[58] Христианская наука — протестантская секта, основанная в США Мэри Бейкер Эдди (1821—1910). Основана на вере в духовное излечение от всех физических и духовных грехов и недугов с помощью Слова Христова.

[59] Неистовый Конь (1842—1877) — выдающийся индейский вождь из народности сиу. Участвовал во множестве сражений против белых; стал символом непреклонности в борьбе за интересы своего народа. Дж. Кастер (1839—1876) —генерал, возглавивший в 1874 г. военную экспедицию в индейскую резервацию Блэк-хиллс, где открытие золота привело к широкомасштабной войне между белыми и индейцами различных народностей. Битва на реке Литл-Бигхорн состоялась в июне 1876 г. Небольшой отряд Кастера был почти полностью уничтожен, а сам Кастер убит.

[60] Хункпапа — община индейского племени, принадлежащего к народности сиу.

[61] Лакота — одно из самоназваний индейцев сиу.

— Верно я передал смысл того, о чем мы говррили?

— Очень красноречиво, — улыбнулась она.

От ее улыбки — такой красивой! — у Пола защемило сердце. Неужели она обречена умереть?

— Но почему ты решила поддаться СПИДу? — спросил он. — Почему бы не сотворить чудо?

Саломия пожала плечами.

— Пусть случится то, что суждено. Но, может быть, когда-нибудь я стану думать иначе. Или Джошуа исцелит меня. Это все не так уж важно. Сегодня — хороший день, чтобы умереть. И завтра — тоже.

— Нет, ты должна жить! — воскликнул Пол. В этот момент он осознал, что не хочет, чтобы Саломия умирала, — не потому, что страшится за нее, а просто потому, что не хочет ее потерять. Ведь Джошуа может творить чудеса! — Почему ты не попросишь Джошуа избавить тебя от вируса?

— Я живу в руке Господней. В сердце и душе Создателя Вселенной. Поэтому не так уж важно, что делает Джошуа и чего он не делает. Все люди, которых исцелит Джошуа или кто-нибудь из его учеников, все равно рано или поздно умрут. Знаешь, я думаю, что он исцеляет людей для того, чтобы чему-то научить нас. Как, например, сейчас было с Марком.

— Но Джошуа действительно умеет исцелять? Это правда?

— Да. Говорят, он родился с этим даром. Пол повернулся к Джошуа.

— Расскажешь мне, как это делается?

Хуан шумно выдохнул, приподнялся со стула и, встав на одно колено, помешал кэрри в одной из кастрюль.

— Итак, продолжим твое обучение в Школе Мудрости? — спросил Джошуа.

— И, между прочим, пора обедать, — добавил Хуан.

Глава 9. Рукотворный демиург

— А еще я хочу узнать побольше о тебе, — обратился Пол к Джошуа. — Ты — ангел или дух?

— Я уже говорил тебе — нет. Я рожден женщиной, как и ты.

— Но ты творишь чудеса, словно какой-нибудь бог.

— Разве в Псалтири не сказано: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы»[62]?

— Не знаю. А там действительно так сказано?

— Да, — ответил Джошуа. — И о том же Иисус говорит в Евангелии от Иоанна[63].

— Но кто такие эти «боги»? Мы?

— А вот теперь мы подошли вплотную к одной из величайших Тайн, — объявил Джошуа. — Одни говорят, что во Вселенной существует только один бог, а мы — всего-навсего жалкие, грешные комки плоти. Другие говорят, что никакого сверхъестественного божества не существует, а боги — это сами люди.

— Кто это говорит?

— Ну, прежде всего, такого мнения придерживаются некоторые из ваших новомодных религий. Но, что еще важнее, это — основная, хотя и невысказанная предпосылка всей вашей современной культуры. Кому, кроме бога, достанет безрассудства или самомнения похваляться своей способностью уничтожить целую планету?

— Думаю, людям просто кажется, что им дал на это право Единый Бог, — заметил Пол.

— Они только говорят так. Но про себя думают совсем иначе. Неужели ты полагаешь, что человек, работающий над генетическим изменением растений только ради того, чтобы повысить прибыль какой-нибудь корпорации, не считает себя богом?

— По-моему, это зависит от того, какой смысл ты вкладываешь в слово «бог».

— Ну, допустим так: «Боги — это те, кто могут делать все, что им заблагорассудится, не заботясь о последствиях».

— Тогда у нас вся планета кишит богами. Но я-то думал, что боги вызывают бури, поражают молниями тех, кто им не угодил, и помогают людям убивать своих врагов.

— Тогда ваш бог — технология. Вы можете обрушить на врага огненный дождь с небес. Вы можете изменять пути могучих рек и срывать целые горы.

— Ладно, но все это они умеют делать только в мире живых, — проговорил Пол, снова вспомнив уличного проповедника. — А что ты скажешь насчет такого определения: «Бог — это тот, кто решает, куда ты попадешь после смерти и что ты там будешь делать»? Джошуа с грустью покачал головой.

— Неужели ты сам не понимаешь, насколько жалкую роль ты отводишь Богу таким определением?

---

[62] Псалтирь, 81: б.

[63] Евангелие от Иоанна, 10: 34.

— Но ведь такой бог будет иметь надо мной огромную власть.

— Ограничив роль Бога только этой областью, вы, современные люди, изгнали его из мира живых. Вы от него избавились, убили его и подменили другими богами, которых вы называете наукой, технологией или просто людьми.

— Мне никогда не приходило это в голову. — Пол немного помедлил, вспоминая свои визиты в церковь. — Но как же насчет людей, которые молятся об исполнении желаний? Как быть с людьми, которые просят Бога уберечь их детей или помочь добиться успехов в бизнесе, спорте и других делах?

— Ты что, думаешь, Создатель Вселенной примчится на выручку той баскетбольной команде, которая молилась усердней?

— Похоже, так думают эти люди, — сказал Пол. — Перед матчем многие молятся что есть сил.

— И, когда молишься, не будь как лицемеры, которым нравится молиться в синагогах и на углах улиц, что- бы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою[64].

— Это из Нагорной проповеди?

— Иными словами, прилюдная молитва — это лишь показная набожность. Бог не слушает ушами. И не важно, молишься ли ты перед баскетбольным матчем, перед едой или в церкви. В любом случае, не молись вслух, если рядом есть другие люди. Это ты хочешь сказать?

— В основном. Однажды Иисус, правда, молился прилюдно, вместе со Своими учениками. Перед тем, как Его схватили. Но в этой молитве Он сказал: «сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную»[65]. Иными словами, бывают ситуации, когда уместно молиться и прилюдно. Но знай, что в этом случае молитвы пойдут на пользу только людям, окружающим тебя, или тебе самому. Однако это не самый лучший способ приблизиться к Создателю. Чтобы почувствовать с Ним связь, нужно молиться в одиночестве.

— Но как именно следует молиться? Что нужно говорить?

— Самая лучшая молитва — «Да исполнится воля Твоя». И возносить эту молитву следует тайно, потому что ты знаешь Бога, любишь Его и доверяешь Ему.

— А кто тот Бог, к которому обращена эта молитва?

— Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вернуться назад, к тому, о чем мы уже начали говорить. Фундаменталисты утверждают, что человечество греховно и не причастно к божественному началу. Бог только снаружи, а здесь... — Джошуа коснулся своей груди, — здесь нет ни единой Его частицы. С другой стороны, некоторые последователи нью-эйдж утверждают, что Бог всецело здесь, а там, снаружи, Его нет. Иными словами, мы сами и есть боги. Это — две крайности. Если ты внимательно обдумаешь их, то увидишь, что обе они не выдерживают критики.

— Так кто же такой Бог? Или что это такое? Джошуа поднялся на ноги.

— Я открою тебе истину, которую ты обязательно должен понять, увидеть и услышать. Любая попытка вообразить себе Бога ведет лишь к созданию некой антропоморфной проекции — некоего человекоподобного божка. Иначе говоря, Создатель Вселенной превыше всего, что человек в состоянии представить или описать в словах.

— Что такое «антропоморфный»? Саломия подалась вперед.

— Это, например, когда человек думает, что его собака понимает все, что он говорит. Он просто приписывает свои человеческие качества существу, которое не является человеком. То же самое и с антропоморфными богами.

— Значит, — проговорил Пол, — когда мы пытаемся представить себе, на что похож Бог, мы простонапросто берем себя за образец? Вроде как старушки, которые беседуют с голубями, думая, что те их понимают?

— Да, — подтвердил Джошуа. — Когда люди пытаются описать какого-нибудь бога, они обычно наделяют его такими чертами, которые сделали бы этого бога для них полезным. И у них неминуемо получается бог, похожий на человека.

— Вот-вот. И они даже знают этого человека. Он наверняка принадлежит к их общине, — пошутил Пол, пытаясь разрядить обстановку, ставшую слишком уж серьезной. Раскрыв блокнот, он сделал очередную запись: «*Создатель Вселенной превыше всего, что человек в состоянии представить или описать в словах*».

— Это не шутка, — промолвил Джошуа. — Создатель Вселенной не говорит: «Сделаю-ка Я так, чтобы этот ребенок погиб в циклоне. А эту женщину Я, пожалуй, исцелю от рака». Создатель Вселенной не обрекает людей на голодную смерть, не наделяет их сокровищами, не дарует победу в битве. Он ничего этого не делает.

— Откуда же возникло представление, что Он это делает? — поинтересовался Пол.

[64] Евангелие от Матфея, 6:5.
[65] Евангелие от Иоанна, 17: 13.

— К нам оно пришло от римлян, а те переняли его от греков, — ответил Джошуа. — Впрочем, схожие убеждения бытовали и в некоторых других культурах, где сформировались города-государства. Три с лишним тысячи лет назад греки задались вопросом: «Откуда берутся страдания?»

Они не могли понять, почему с людьми происходят несчастные случаи, почему люди болеют, терпят поражение в войнах, гибнут от землетрясений и потопов, голодают из-за неурожая и все такое прочее. В особенности это касалось природных явлений — например, извержений вулканов. Греки были убеждены, что подобные катаклизмы устраивают не люди, и пришли к выводу, что это — дело рук богов.

— А что, в некоторых культурах считалось, что на это способны люди?

— Ну конечно, — кивнул Джошуа. — На этом основана вера в дурной глаз, проклятия и тому подобные вещи. Но греки были совершенно уверены, что за всем этим стоят боги. По одной греческой легенде, многое из того, что происходит на земле, — не что иное, как отголоски сражений между богами. Бог вступает в поединок с богом — происходит землетрясение. Это старая теория.

Одним словом, «слоны дерутся — мышей топчут». Однако в большинстве своем греки на самом деле в это не верили. А верили они в то, что существует два «бога-творца»[66]. Один — Создатель Вселенной, далекий от людей и недоступный. Он породил множество сверхъестественных существ — так называемых эонов, в числе которых была дева по имени София.

Она, в свою очередь, родила испорченное божество — Демиурга. Этот Демиург, коротко говоря, был психопат. Чокнутый садист. Но, будучи богом, он обладал творческой силой. Вот он и сотворил этот мир — всего лишь для того, чтобы населить его нами, а затем нас мучить. Такой ответ дали греки и римляне на вопрос о том, откуда в мире страдания.

— А индусы решили, что люди страдают из-за дурной кармы?

— Да. Закон кармы — это закон равенства. Но около четырех тысяч лет, после того Индию завоевали индоевропейцы, на основе представлений о карме и перевоплощении сложилась кастовая система. Богатые стали самодовольно утверждать, что они богаты, потому что в прошлой жизни вели себя хорошо, а бедные бедны, потому что в прошлой жизни много грешили.

— Горе побежденным, — пробормотал Пол.

— Вот именно. Так и в наши дни кое-кто заявляет, что люди болеют раком из-за того, что не дают выхода негативным эмоциям. А о том, сколько ядовитых отходов выбрасывается в атмосферу, они и не заикаются. Люди сдерживали негативные эмоции испокон веков, но вспышка раковых заболеваний совпала с началом промышленной революции и с появлением корпораций, принявшихся творить насилие над нашей планетой. Вот так и древние властители Индии, цари и жрецы, оправдывали свое господство идеями кармы.

— И бедным приходилось винить в своих несчастьях не богов, а самих себя.

— Совершенно верно. Обрати внимание, что в обоих случаях, и в Древнем Риме, и в Древней Индии, вина за несчастья бедняков снималась с властителей — царей, жрецов и богачей. Не позволялось даже заикнуться о той бесспорной истине, что причиной многих человеческих страданий является алчность богачей, копящих сокровища, пока бедняки умирают от голода. Вина возлагалась либо на самих бедняков, либо на какое-то безумное божество.

— На Демиурга?

— Да. Так представляли себе создателя Земли греки и римляне, заложившие основы нашей культуры. Землетрясения, голод, болезни, засухи, врожденные уродства, поражения в войнах и прочие несчастья объявлялись всего лишь забавами Демиурга.

— До чего же злобный это был бог!

— Злобный и ревнивый. Он приковывал к себе внимание людей, не позволяя им задуматься о том, что в их страданиях могут быть повинны и сильные мира сего. Разумеется, грекам не первым пришла в голову эта идея. Другие народы тоже поклонялись ему, хоть и под другим именем. Они старались умилостивить Демиурга, чтобы он мучил их хоть немного меньше.

Они возводили ему монументы и храмы, приносили ему жертвы, убивали в его честь животных и людей. Чем ценнее была жертва, тем охотнее отдавали ее этому злому божеству — в надежде, что он оценит важность подношения и оставит людей в покое хотя бы на некоторое время. Вот почему жертвами нередко становились лучшие животные в стаде и сыновья-первенцы.

— Демиург — один из богов, созданных «по образу и подобию человека»?

— Да. По образу и подобию человека-психопата, продукта безумной культуры, одержимой смертью и желанием власти. Власти мужчин над женщинами, власти одних народов над другими, власти человека над планетой. Это была культура рабства, а Демиург представлялся верховным рабовладельцем и владыкой.

— По-моему, мы до сих пор от него не избавились.

[66] Далее Джошуа излагает в упрощенном виде один из гностических мифов, который возник значительно позже, чем вышеописанные верования.

— Ты прав. Но уже в те давние времена греки и римляне верили, что Создатель Вселенной, бесконечно далекий от людей, рано или поздно позволит божественной деве Софии породить на свет еще одно дитя. И этот ее второй сын, представлявшийся чем-то вроде греческого бога во плоти, сойдет на Землю, чтобы открыть людям тайны, которые помогут им защититься от Демиурга. С помощью нового знания люди смогут отвести от себя гнев этого злого божества. Подобное тайное учение обозначали греческим словом «гнозис», означающим «знание».

— От него произошел гностицизм?

— В основном. Но долгое время это слово употребляли неправильно.

— Значит, именно поэтому гностические учения отводят такую важную роль тайному знанию и ритуалам посвящения? И поэтому все они сосредоточены на спасении людей от злого божества?

— Да. Если ты внимательно прочитаешь речения, которые вложили в уста Иисуса авторы библейских книг, то обнаружишь, что подавляющее большинство из них не имеют никакого отношения к гностицизму. Он практически не говорит о том, как отвести от себя гнев Демиурга, а те эпизоды, где Он все-таки упоминает об этом, очень похожи на позднейшие вставки.

А в целом Его учение — учение мистическое. Иисус учит устанавливать прямую связь с Создателем Вселенной, используя наивысшую форму сознания, или энергии, — любовь. Что же касается гностических воззрений, то они, по-видимому, сложились под влиянием апостола Павла. По происхождению Павел был не евреем, а гражданином Рима, и он с детства впитал учение о злом божестве-Демиурге.

Поэтому он решил, что Иисус — не кто иной, как воплощенный Гнозис, пришедший спасти людей от Демиурга. Эта мысль постоянно повторяется в его сочинениях А в третьем веке римляне взяли христианство в свои руки и возвысили его над остальными учениями. В результате оно впитало в себя еще больше гностических элементов. Между прочим, именно римляне приняли решение о том, какие книги включить в состав канонической Библии.

— Но ведь наш мир действительно полон зла, — заметил Пол. — Мы страдаем от войн и болезней, а больший ство людей, как выразился Торо[67], «всю свою жизнь проживают в тихом отчаянии». Кто же в этом виноват? Злой Демиург? Или это гневается на нас Единый Бог? Джошуа обвел взглядом лица учеников.

— Что скажешь, Хуан?

Хуан поднялся, отошел от огня, где все это время рассеянно помешивал кэрри, и сел на один из коричневых металлических стульев, позаимствованных из какого-то спортзала. Тоже оглядевшись вокруг, он указал на ближайший люк в потолке.

— Там, наверху, весь мир сошел с ума, понимаете? Люди готовы убить тебя, ограбить, украсть все, что у тебя есть. Дети готовы избить тебя просто ради забавы. Так что я скажу: зло — в самих людях.

Пит встряхнул копной жестких косичек и раскрыл рот в первый раз после того, как поздоровался с Полом.

— Если люди такие плохие, дружище, то как случилось, что мы с тобой оказались здесь? Мы-то не плохие.

— Мы — братья, — добавил Мэт.

Марк кивнул и пробурчал что-то утвердительное. Саломия несколько секунд молчала, покачивая ногой. Затем она обхватила колено рукой и проговорила:

— Вы, ребята, не врубаетесь. Плохи не люди и не тот, кто нас создал. Во всем виновата эта культура. — Она тоже ткнула пальцем в сторону люка. — Все зло — в ней. От нее — все страдания.

— Они затеяли погубить весь мир, — добавил Пит.

— Но ведь культуру создают люди, — заметил Пол. — Как можно говорить о культуре отдельно от людей?

— Будь культура всего лишь отражением человеческой природы, то все культуры были бы одинаковы, — возразила Саломия. — Так что не в этом дело. В прошлом существовали мирные, созидательные культуры. Есть они и сейчас, хотя их, наверное, скоро уничтожат. Испорчена и больна вовсе не природа человека, а наша культура, распространившаяся почти по всему миру. Культура власти и завоеваний. Из тысяч народов, живущих на Земле, только одному хватило безумия запирать еду на замок и заставлять людей работать на износ, чтобы получить ее. И этот народ — наш.

Пол кивнул, отметив про себя, как меняются ее тон и произношение в зависимости от того, к кому она обращается. Саломия и в самом деле была билингвом. И принадлежала, по меньшей мере, к двум культурам сразу.

— И все-таки, что же происходит? Почему столько людей ведут себя как безумцы? И как мог надеяться Иисус на умиротворение такой безумной культуры, как та, что утвердилась под властью римлян?

— Он затеял революцию, — сказал Джошуа, поймав взгляд Саломии, которая явно хотела, чтобы ответ на этот вопрос дал именно он.

[67] Торо, Генри Дэвид (1817—1862) — американский писатель и философ, отвергавший и осмеивавший ценности современной цивилизации.

— Революцию? — переспросил Пол.

— Ну, да. И она увенчалась бы успехом, если бы те самые римляне, против которых она была направлена, не переняли христианство.

— И каким же образом он начал эту революцию? Джошуа поднял левую руку.

— Две тысячи лет назад, когда еще не изобрели туалетную бумагу, люди подтирались левой рукой. Затем они ополаскивали пальцы в чаше с водой, но левая рука все равно оставалась нечистой, и об этом все помнили. Тебе это известно?

— Я понятия об этом не имел! — воскликнул Пол, пораженный столь неожиданной переменой темы.

— Но так оно и было, — заверил его Джошуа, опуская руку на подлокотник. — И так до сих пор поступают люди в большинстве стран третьего мира. В наши дни на свете живет около четырех миллиардов человек, не знающих, что такое туалетная бумага. В этих современных странах, как и когда-то в Древней Иудее, самое ужасное и чудовищное оскорбление — прикоснуться к человеку левой рукой.

Во многих обществах запрещалось даже просто указывать левой рукой на человека. Среди ессеев[68] за жест левой рукой нарушителя изгоняли из общины на неделю. А если бы ты захотел кого-то грубо оскорбить и полностью унизить, в особенности прилюдно, то тебе следовало бы дать ему пощечину левой рукой. Понимаешь?

— Да, — сказал Пол. — Все равно что показать кому-нибудь фигу.

— Скорее, показать фигу и плюнуть в лицо, — уточнил Джошуа. — Или помочиться на человека. Не забывай, что левой рукой подтирались. Короче, ты решился бы поступить так только с человеком, который не сможет тебе отомстить, верно?

— Ну, если только мне не захочется, чтобы мне надрали задницу...

— Вот именно. Итак, в древнеримском обществе пощечина левой рукой была самым тяжким оскорблением. И нанести такое оскорбление могли только самому бесправному человеку. Например, одному из евреев, чью землю оккупировали римляне. Оскорбленный не мог дать сдачи, так как за удар, нанесенный римскому гражданину, полагалась смертная казнь. Понимаешь?

— Да, — ответил Пол.

— Если бы римлянин нанес удар еще и правой рукой, то это означало, что он развязал драку, и тогда оскорбленный имел право защищаться. Но правой рукой римляне рабов не били. Они наносили им позорные удары левой рукой и смеялись над униженным рабом, который не мог дать сдачи.

— Ясно.

— Итак, — продолжал Джошуа, — по какой щеке пришлась бы пощечина, если бы я захотел тебя унизить, ударив левой, нечистой рукой?

Пол взглянул на левую руку Джошуа и представил себе, как бы она двигалась, пожелай тот ударить его по щеке.

— Если бы ты бил левой рукой, то удар пришелся бы по правой щеке.

— А ударить человека левой рукой по правой щеке — это самое тяжкое и унизительное оскорбление.

— Да.

— А если бы ты затем спровоцировал меня нанести удар еще и правой рукой, то тем самым ты поставил бы под сомнение мой авторитет, будь я рабовладельцем или человеком, облеченным властью. Верно?

— Совершенно верно. Это все равно как если бы я сказал тебе: «Если ты не трус, ты будешь драться со мной по-честному, чтобы я смог отвечать на твои удары. Ударь меня правой рукой. Я вызываю тебя на бой».

— Однако такое поведение не может быть приравнено к ответному удару. Ты всего лишь попытался бы принудить обидчика к честному бою.

— Понятно, — кивнул Пол.

— А теперь слушай, — проговорил Джошуа. — «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»[69].

— Ого-го! — воскликнул Пол. — Он специально сказал «правую»!.

— Вот именно, — подтвердил его Джошуа. — А вот еще пример. Во времена римского владычества римским солдатам и гражданам дозволялось по закону использовать местных жителей в оккупированных странах для переноски грузов на расстояние до одной мили. Но римляне отлично понимали, что, если они будут эксплуатировать побежденных слишком жестоко, могут вспыхнуть бунты и восстания.

Поэтому они налагали очень суровое наказание на римских солдат и граждан, заставлявших жителей

---

[68] Ессеи — одно из религиозных течений в Иудее во II в. до н. э. — I в. н. э. Общины ессеев считаются одними из предшественников раннего христианства.

[69] Евангелие от Матфея, 5: 38—39.

завоеванной страны переносить грузы на расстояние больше мили. Римлянин, уличенный в этом преступлении, подрывающем спокойствие в стране, лишался римского гражданства. А потеряв гражданство, он сам оказывался в положении раба.

— Это разумно, — отметил Пол.

— Итак, солдат, потребовавший от местного жителя перенести груз на расстояние, допустим, в две мили, рисковал своей жизнью. Ему грозила опасность даже в том случае, если кому-то просто показалось, что он нарушил этот закон. Понимаешь? Если бы ты каким-то образом смог произвести на окружающих впечатление, что солдат заставил тебя перенести что-то на две мили, ты поставил бы его жизнь под угрозу.

А если бы все рабы или все жители покоренной страны придумали, как делать вид, будто римские солдаты и граждане преступают этот антиэксплуататорский закон, то весьма вероятно, что правящая верхушка в этой провинции была бы низложена. По крайней мере, могли бы казнить римского наместника. Понимаешь, к чему я клоню? Ты внимательно меня слушаешь?

— Да, конечно.

Джошуа подался вперед и, понизив голос на октаву, проговорил: «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди два»[70].

— Да ведь это призыв к восстанию! — потрясенно вскричал Пол.

— Да. Но к пассивному восстанию, вроде того, к какому призывали Ганди и Мартин Лютер Кинг. Помнишь — «не противься злу насилием»?

— Да... Это невероятно!

— И это еще не все. Во времена Римской империи человек с мало-мальским достатком владел двумя предметами одежды. Во-первых, была длинная рубаха, которую оборачивали вокруг тела; ты называл бы ее туникой или тогой. А во-вторых, был плащ — теплая верхняя одежда. В Палестине днем жарко, а ночью холодно, так что люди спали в обоих одеяниях, а днем ходили в одной рубахе. Ты следишь за моим рассказом?

— Да. Но почему у людей было так мало одежды? — удивленно спросил Пол.

— Не забывай, что дело было в оккупированной стране, — пояснил Джошуа. — Римляне обложили местных жителей огромными налогами. Кроме того, одежду делали вручную. Каждую ниточку выпрядали руками, каждый дюйм ткани изготавливали на простом ткацком станке. Одежда была невероятно дорогой, поэтому у большинства людей были только рубаха и плащ. Повторяю, в рубахе они ходили днем, а в плащ заворачивались ночью, спасаясь от холода.

— Ладно, я понял.

— А если бы ты был рабом или состоял у кого-то в кабале, то рабовладелец, скорее всего, утверждал бы свою власть над тобой одним простым способом. Он держал бы твой плащ у себя в дневное время, так что по вечерам ты вынужден был бы приходить к нему за плащом, чтобы спать в тепле.

— Этого я не знал.

— Почитай учебники по истории того времени. Там об этом говорится. Однако существовал еще один антиэксплуатационный закон, запрещавший забирать у человека рубаху — его дневную одежду. Ведь без рубахи он остался бы голым. Нарушив это предписание, ты преступил бы законы благопристойности и общественного приличия. И, кроме того, это была бы «сверхэксплуатация трудового класса», подрывающая спокойствие в Империи.

Представь себе, как отреагировали бы люди, если бы ты вышел на улицы Нью-Йорка, нашел какого-нибудь спящего бездомного и отобрал бы у него всю одежду! Люди бы возмутились до крайности — даже те, кому всегда было наплевать на бездомных. На место происшествия тут же примчались бы телевизионщики, и тебя ославили бы на всю страну как бессердечного ублюдка. Одним словом, все как один встали бы на защиту несчастного бродяги. Представляешь?

— Еще бы.

— Ну так вот, представь себе, что я — римский гражданин, живущий в стране, оккупированной римлянами. Я выхожу из дома и вижу, как ты работаешь на своем поле. Мне приходит в голову, что из тебя получится хороший раб для строительства моего нового дома. Все, что мне нужно, — пойти к местному чиновнику и взять у него законное постановление о том, что отныне тебе положено работать на меня.

В этом постановлении будет указано, что каждое утро ты должен будешь отдавать мне свой плащ на хранение, а вечером я должен буду его возвращать, чтобы тебе было в чем спать. Именно так и происходило изо дня в день в древних странах, оккупированных римлянами, — в частности, в Иудее времен Иисуса. А если ты не захочешь отдать мне плащ, оказав тем самым неповиновение, я буду иметь полное право бросить тебя в темницу или скормить львам.

— Фу, какая гадость, — проворчал Пол.

— Ну и как же ты поступишь?

[70] Евангелие от Матфея, 5: 41.

— Не знаю.

Джошуа снова понизил голос и проговорил: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку»[71].

— Это гениально! — воскликнул Пол. Рассказ Джошуа стал для него настоящим откровением. — Если я отдам тебе и плащ, и рубашку, я останусь голым. Все подумают, что ты нарушил этот антиэксплуатационный закон. И очень может статься, что в тюрьму пойдешь ты, а не я.

— Верно. И если так начнут поступать многие, то римское господство не устоит.

— Не удивительно, что римляне Его убили!

— Не удивительно, — спокойно подтвердил Джошуа. — А теперь настало время снова принести в мир ту же весть.

Глава 10. Клуб одиноких ангелов

— Но как это все связано с тем, что наша культура так испакостилась? — поинтересовался Пол. — И все-таки, почему это произошло? Потому что человек плох по своей природе? Или нас просто наказывает какое-то разгневанное божество?

— То, что я тебе рассказал, относится к самой сути этих вопросов, — ответил Джошуа. — Из этого следует, что проблема вовсе не в людях. Как ты видел, люди способны сопротивляться злу, не прибегая к насилию. А с другой стороны, нет никакого сумасшедшего злобного бога. Наш мир сотворен вовсе не Демиургом гностиков. Безумие заключено в самой культуре, которая заняла господствующее место в современном мире. Виноваты вовсе не люди и не Создатель Вселенной. Виновата сама наша культура.

— Но все религии утверждают, что человек греховен по природе и что Единый Бог карает нас за грехи.

— Не все религии. Только те, которые обслуживают рабовладельческие культуры и общества, основанные на власти одних людей над другими. У подавляющего большинства современных народов, сохранивших родовой строй, такие представления отсутствуют. Не найдешь ты их и в истории народов, существовавших до возникновения городов-государств. Между прочим, в этом и состояла самая серьезная из проблем, с которыми столкнулись миссионеры при попытках обратить в христианство индейцев и австралийских аборигенов.

Туземцев очень трудно было убедить в том, что они грешны, что Бог гневается на них за это и что, следовательно, им нужна Церковь, которая *защищала бы их от Бога*. Вообще, подобные идеи возникают только тогда, когда кто-нибудь встает и заявляет: «Я буду твоим господином, а ты будешь делать все, что я велю.

Прежде всего, ты должен работать от зари до зари, чтобы я стал еще богаче и могущественнее. А если ты откажешься мне подчиняться, ты будешь страдать, но я тут ни при чем. Просто мой бог любит меня больше, чем тебя. Иначе он не сделал бы меня богатым, а тебя — бедным. Или, может быть, всему виной твоя карма, твои собственные прегрешения».

— Так рождается религия власти?

— Совершенно верно. И нет ничего удивительного в том, что культура рабовладельцев порождает религию власти. Такая религия дает необходимое оправдание кастовой системе. Она утверждает, что бедняки бедны из-за того, что они сами поступали дурно в прошлой жизни, а не потому, что сильные мира сего сошли с ума от жадности и жажды власти. Вину за страдания людей эта религия возложит скорее на какую-нибудь дряхлую старушку, чем на царей и власть имущих.

— Но в наши дни нет никаких рабов. Почему же эта система сохраняется?

— Ты считаешь, что у вас нет рабов? — переспросил Джошуа. — А что такое раб, как не человек, чья жизнь зависит от другого человека? По улицам города у тебя над головой ходят миллионы рабов. Корпорации, которые владеют ими, могут даже покупать и продавать их вместе со своей собственностью, точь-в-точь как в старые времена. А когда оказывается, что рабы, приобретенные ими с новой собственностью, то есть с новыми фирмами, по той или иной причине им не нужны, этих рабов просто выбрасывают на улицу. Бросают их на произвол судьбы — опять-таки как в старые времена.

— Значит, мы — рабы?

— А знаешь ли ты хоть одного человека, работающего на крупную компанию или на правительство, который бы с чистой совестью назвал себя «свободным»?

— Ты хочешь сказать, что в свободных обществах не приживаются религии, возлагающие вину за страдания на какого-нибудь бога или на самих людей?

— Как правило, нет.

— Но как же насчет людей, которые сталкиваются со всякими сверхъестественными вещами? — спросил Пол. — С привидениями или дьяволом? Вообще, с каким-нибудь потусторонним злом? Или доб-

[71] Евангелие от Матфея, 5: 40. В русском синодальном переводе Библии «рубашка» и «верхняя одежда» поменялись местами.

ром... например, с ангелами? Насколько я понял, зло — это отсутствие добра или любви, так что все эти встречи, по-видимому, иллюзорны. Но теперь ты, похоже, утверждаешь, что зло воцаряется в обществе, когда власть в этом обществе захватывает горстка злых людей, однако на духовном уровне зла не существует.

— Вот ты и приблизился к пониманию новой, более глубокой истины, — сказал Джошуа. — Хотя я предпочитаю называть этих людей не «злыми», а просто «лунатиками». Они все еще не пробудились от кошмарного сна, навеянного современной культурой. Они еще не познали мудрость.

— Какую? — Пол снова вытащил блокнот, подумав, что здесь хватит материала не только на газетную статью, но и на целую книгу. А Пулитцера дают и за книги.

— Создатель Вселенной не имеет формы, но от Него рождаются все формы. Он объемлет Собою все, но ни с чем не вступает во взаимодействие. Однако вера множества людей — или очень сильная вера одного человека — способна вызвать из этого не имеющего формы начала некую «духовную» форму — демоническую или ангельскую.

Так возникают божества и демоны, духи, феи и ангелы. Все это — порождения человеческого сознания. Тем не менее все они реальны. *Секрет в том, что боги, ангелы и демоны — это творения человеческого разума.*

— Сейчас я окончательно запутаюсь, — проговорил Пол. — Ты хочешь сказать, что если бы не было людей, то не было бы, например, и ангелов?

— Человекоподобных ангелов, — уточнил Джошуа.

— А какие еще бывают ангелы?

— А какие еще формы сознательной жизни существуют в миллиардах триллионов миров, заполняющих нашу вселенную?

— Ясно, — сказал Пол. — У собак — собакообразные ангелы?

— Не знаю, — улыбнулся Джошуа. — Я не собака.

— Значит, я сам создал Ноя?

— Нет. Но кто-то породил веру, которая позволяет ему существовать, — быть может, он сам в своей человеческой жизни, а быть может, целая группа людей. Помнишь, что мы тебе говорили о силе веры?

Припомнив свою первую беседу с Ноем, Пол заметил:

— По-моему, он сам говорил что-то в этом роде. Джошуа пожал плечами.

— Он понимает, как все это устроено.

— Итак, это означает, что и Демиург, этот зловредный бог, и демоны, и ангелы, и феи, и всевозможные духовные сущности — все они реальны? То есть они действительно существуют, несмотря на то что мы сами их создали? Они существуют по-настоящему?

— Да. Считается, что так. Как это ни странно, можно даже «доказать», что существует некая духовная сфера, соприкасающаяся с нашим физическим миром и населенная этими духовными сущностями. Ведь силой веры, с помощью молитвы или ритуала люди действительно могу вызывать эти формы из небытия. Поэтому библейские предания о чудесах могут быть сущей правдой, индийские факиры способны находиться в двух местах одновременно, Дева Мария может исцелять людей, которые Ей молятся, и так далее.

— Но я-то думал, что, когда мы пытаемся представить себе бога, всегда получается рукотворный или человекоподобный бог.

— Эти две истины не противоречат друг другу. Эти туннели построены людьми. Но это не значит, что они нереальны. Ты можешь погибнуть, если своды такого туннеля обрушатся тебе на голову. Ты можешь удариться головой о стальные балки. А можешь найти здесь убежище и защиту.

— Но люди разных культур рассказывают о сверхъестественных существах совершенно по-разному! Ирландцы верят в фей, норвежцы — в гномов, индейцы — в тотемных животных...

— Каждое такое верование отражает особенности культуры, в которой оно зародилось. И если ты поговоришь с людьми, принадлежащими к любой из этих культур, они станут убеждать тебя, что порождения их фантазии совершенно реальны. И они действительно реальны— как эти туннели. *Боги, ангелы, демоны и прочие потусторонние существа ничуть не менее реальны, чем любая другая реальность.*

Пол записал: «*Мы и наша культура можем сами творить сверхъестественные вещи, но это не значит, что они нереальны. Они так же реальны, как дома и автомобили, которые мы тоже создаем сами*», — и в который уже раз спрятал блокнот в карман. Оглядевшись вокруг, он остановил взгляд на Пите.

— Тебе все это понятно?

— Мне не нужно понимать, — сказал Пит. — Я, знаешь ли, просто верю. Я живу в любви к Создателю Вселенной.

— Ага, — пробормотал Пол.

— То есть я видел, как Джошуа делает все эти штуки, — продолжал Пит. — Меня не волнует, как он это делает. Я чувствую, что это такое. А понимать мне ни к чему. — Он указал на Джошуа размашистым

жестом и добавил: — Я, знаешь ли, готов умереть за этого парня. Он мне родной.

— Ясно, — сказал Пол.

— Я с Питом, — подхватил Мэт. — Но я еще и понимаю, что говорит Джошуа. Да и что тут сложного? Это тебе не ракетная технология.

— Подозреваю, что большинству людей это покажется сложным, — проговорил Пит. — Мне кажется, что большинство людей хотят, чтобы им все разжевали и положили в рот.

— Но ведь это действительно просто! — вмешалась Саломия. — Ты пробовал когда-нибудь понять, чем баптисты отличаются от адвентистов седьмого дня? Моя мать была баптисткой, а отец — адвентистом седьмого дня. И они постоянно между собой собачились. Ни минуты покоя! И все ради того, чтобы из простых вещей сделать что-то сложное.

— Когда хочешь кого-то подчинить, — сказал Марк, — то обязательно начинаешь все усложнять. Ставишь себя или каких-нибудь выдуманных богов между людьми и Создателем Вселенной. Заявляешь, что только священники способны во всем этом разобраться, да и то после многих лет учебы. А простым людям говоришь, что они будут гореть в аду, если тебя не послушают. Вот так и получается церковь, понимаешь? И это все действительно становится сложным.

Пол бросил взгляд на Джошуа.

— Тогда как же насчет Иисуса? Кто Он? Джошуа сел чуть прямее и проговорил:

— Он — живой сын Создателя Вселенной.

— Мессия?

— «Мессия» — это еврейское слово, означающее «помазанник». Все цари Иудеи проходили обряд помазания, который подтверждал их право на трон. Первосвященник умащал елеем голову будущего царя, как об этом сказано в двадцать втором псалме. Таким образом, Иисус претендовал на принадлежность к царскому роду, но и до Него было множество мессий. Мессией был и Давид, и Саул, и Авессалом, и Соломон, и так далее. Помазанник становился царем — правителем ближневосточного народа, который мы теперь называем древними евреями.

— А почему Иисуса называют Спасителем?

— Тот, кто верил в Демиурга, как греки, римляне и апостол Павел, считал, что задача мессии — спасти людей от Демиурга. А тому, кто хотел избавиться от господства кесарей, Иисус давал практические советы, как это сделать. Вспомни, как Он советовал жить своим ученикам. Он велел им не носить при себе денег, не тратить жизнь на попытки разбогатеть, не запасаться пищей, молиться в уединении, а не прилюдно.

Эти уроки и сегодня полезны тем, кто желает освободиться от власти современных «кесарей». Правда, ты можешь обойти все церкви этого города и не найдешь ни одного проповедника, живущего по заповедям Иисуса. Но, как бы то ни было, Иисус назван Спасителем не случайно.

— А что, если я не верю в Демиурга? И что, если мне вовсе не кажется, что современные корпоративные «кесари» меня угнетают?

— Тогда тебе не о чем беспокоиться. Но знай, что твое спокойствие подобно уверенности спящего, убежденного, что его сон — реальность. Вспомни притчу о человеке, построившем дом на песке.

— Значит, Иисус действительно был Сыном Божьим?

— Да, — сказал Джошуа. — Точно так же как я и ты. Поэтому мы должны пробудить людей, чтобы спасти мир от гибели. Ведь современные «кесари» не только угнетают людей — они поставили под угрозу само существование нашей планеты. Они разрывают нашу Землю-Мать на части. Так что ставки сейчас еще выше, чем две тысячи лет тому назад.

— Означает ли это, что я — мессия? Джошуа покачал головой.

— Нет. Ты даже представить себе не можешь, как это было бы трудно и скольким бы тебе пришлось пожертвовать. Первые должны стать последними, великие — умалиться.

— Это и есть главная духовная тайна нашего столетия?

— Нет, — сказал Джошуа. — Это общеизвестная истина, которую ты можешь услышать от любого эколога — или историка, изучающего библейскую эпоху. Ты еще не готов воспринять тайну.

— Когда же я буду готов?

— Этого я не знаю, — ответил Джошуа. — Но я свою роль выполнил.

— Кто хочет есть? — спросил Хуан, вытаскивая из-под своего стула коробку с тарелками и ложками.

Глава 11. Месть Рича

Войдя в вестибюль своего дома на Восьмой авеню, Пол не застал пожилого охранника Билли на привычном месте. Впрочем, ничего невероятного в этом не было, особенно по сравнению с куда более странными вещами, вроде тех, с которыми Пол столкнулся этим утром. Разделив с обитателями подземелья тра-

пезу, состоявшую из овощного кэрри и спагетти, и легкую беседу о всяких пустяках, Пол отправился домой — искать работу. Джим, как и было обещано, проводил его обратно в большой туннель и вывел к люку.

Пол захлопнул за собой входную дверь подъезда и подошел к стеллажу с почтовыми ящиками, стоявшему около лифта. В ящике оказалось несколько рекламных проспектов, письмо из Налогового Управления, запечатанное в белый конверт с прозрачным окошком, и уведомление о том, что Полу Эйблеру следует получить на почте заказное письмо от кооперативного объединения владельцев дома.

Пол нажал кнопку лифта — судя по индикатору, тот как раз спускался вниз. Наконец дверь открылась, и из кабинки лифта вышел Билли. Заметив Пола, он почему-то вздрогнул, и на лице его появилось смущенное выражение. «Привет», — пробормотал он и засеменил к своей стойке, не поднимая головы.

«Странно», — сказал себе Пол, входя в лифт и нажимая кнопку двадцать первого этажа. Пока лифт поднимался, Пол успел распечатать письмо из Налогового Управления и обнаружить, что пред светлые очи налоговиков его призывают для полной проверки доходов за последние три года.

Досадно, но всерьез беспокоиться не о чем: Пол не уклонялся от уплаты налогов и не прибегал ко всяким уловкам, которые так любят богачи. Он только вычитал из своих доходов суммы, не облагаемые налогом по закону, и в целом около трети его денежных поступлений в той или иной форме переходила к государству.

Ожидая, пока лифт доползет до верхнего этажа, Пол припомнил прошлогодний «день свободы налогоплательщика». Какие-то умники подсчитали, что с первого дня года и где-то до середины мая средний налогоплательщик работает на государство и только затем начинает трудиться на себя.

«Интересно, — подумал Пол, — сколько забирали римляне у покоренных народов две тысячи лет назад? Десятую часть доходов? Треть? Половину? Три четверти?»

Эта мысль вернула его к диалогу, который они вели с Джимом на обратном пути.

— Пойдешь обратно таскать камни для пирамиды? — спросил его Джим.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Пол, следуя за ним по длинному пустому туннелю.

— Да я так, египетского фараона вспомнил. Моисей освободил свой народ. Он сказал фараону «С нас хватит. Сам строй свои чертовы пирамиды». Теперь понял?

— Кажется.

— Или как Боб Дилан сказал: «Не хочу больше работать на ферме Магги». Он-то понимал. Он не побоялся жить по-своему. А ты, значит, хочешь и дальше вкалывать на фараона?

— Ты хочешь сказать — устроиться на работу?

— Ага. И работать на чужого дядю. А он пускай решает все за тебя. Так, что ли?

— Пойми, Джим, с регулярной зарплатой я буду сам себе хозяин. Чтобы присоединиться к вам и распространять учение Джошуа, мне нужны деньги. Иначе я буду зависеть от государства — мне придется жить на пособие.

— Я не получаю никакого пособия, — не без гордости заявил Джим.

— Да, и живешь в ящике под землей, — подхватил Пол, стараясь, чтобы его слова не прозвучали обидно. — Я не сомневаюсь, что тебе так удобно, — поспешно добавил он, — но от меня, кажется, будет больше пользы, если я буду жить в нормальной квартире. А за квартиру надо платить.

— Хочешь сказать, что за квартиру не жалко и душу продать?

— Зачем им моя душа? — пожал плечами Пол. — Восемь часов в день — и всего-то дел.

— А что же такое твоя душа? Что такое твоя жизнь?

— Все остальное! Общение, друзья. Может, когда-нибудь появятся жена и дети. Телевизор по вечерам, театр, книги. Вот моя жизнь.

— Ты уверен? — поинтересовался Джим. — Я работаю где-то час в день. Ну, максимум, два, если день выдался неудачный и бутылок на мусорнике немного. Всю еду и деньги, что мне нужны, я добываю за пару часов в день. Между прочим, именно столько работают и люди в родовых обществах. А ты не знал? Остальное время я провожу с друзьями, или читаю, или просто думаю. Готовлюсь нести истину людям, когда Джошуа скажет, что время пришло.

— Звучит недурно, — признал Пол, задумавшись о том, что за последние год-другой он потерял связи со всеми своими бывшими друзьями. Похоже, ни у кого не остается времени ни на что, кроме работы. По крайней мере среди тех, кто старается сделать карьеру.

— Но ты все равно хочешь опять работать на фараона? — вернулся Джим к своему вопросу, решив, по-видимому, что теперь Пол взвесил все всерьез.

— Наверное. Во всяком случае, пока не добьюсь какой-то стабильности и не опубликую кое-что из того, что узнал.

— Ты мог бы открыть собственное дело.

— Я не знаю, как это делается, — признался Пол.

— А у меня свое уже есть. «Бутылочная компания Джима» называется. — Он рассмеялся, но тут же вновь посерьезнел. — Никаких налогов, никакого босса, никаких правил, кроме тех, что нам всем навязывает реальный мир. Никто меня не шпыняет. У меня есть друзья, которые готовы отдать за меня жизнь. Я не отдаю фараону ни гроша и не таскаю камни для его пирамиды.

— Похоже, тебе неплохо живется, — уступил Пол, пытаясь, однако, представить, как отреагировала бы Сьюзен, скажи он ей, что решил поселиться в ящике под землей. Воображение ему отказало.

— Это гораздо лучше, чем в армии или на любой другой работе. Я-то знаю, о чем говорю. За свою жизнь я много где поработал. Я не хочу сказать, что это легко, но это моя жизнь, понимаешь? И в ней я сам себе хозяин.

— Я все понимаю. Но ведь я не собираюсь продаваться в рабство.

— Ну что ж, браток, — подмигнул ему Джим, — делай, как знаешь. Только помни, что говорят девочки на панели: «Они могут купить мое тело, но сердце и душа не продаются».

— Я учту, — пообещал Пол, и на этом тема исчерпалась.

Лифт остановился на двадцать первом этаже. Сжимая в одной руке почту, а в другой — ключи, Пол подошел к своей двери и вставил ключ в замочную скважину. Ему бросилось в глаза, что металл блестит ярче, чем прежде. Как будто замок сменили на новый или отполировали металлической мочалкой. «Странно», — еще раз повторил про себя Пол и попытался повернуть ключ.

Ключ не повернулся.

Пол покачал его в замочной скважине, подергал вверх и вниз, но все было бесполезно. Тогда он попробовал отпереть второй замок, врезанный в .дверную ручку, но и тот не поддавался.

Пол положил ключи в карман и, подойдя к двери Рича, постучался, выдав быструю серию ударов, вроде той, которой обычно сообщал о своем визите сам Рич. За дверью послышались шаги; в глазке мелькнул свет, а затем раздался голос Рича:

— В чем дело?

— Рич, это я. Пол.

— Ну?

— У меня дверь не открывается.

— Естественно. Тебя выселили.

— Что?! — Возглас Пола эхом раскатился по лестничной площадке. — Что ты хочешь этим сказать?

— Я тебя предупреждал, — сказал Рич. — Но он пришел опять и опять предложил мне продать душу. Так что я сделал то, что обещал.

— Ты добился, чтобы меня выселили?

— Эта шутка слишком затянулась, дружище.

— Рич, открой дверь и впусти меня. Давай поговорим по-человечески.

— Проваливай, Пол. Твое барахло отнесут вниз. Заберешь его завтра в полдень на разгрузочной площадке.

— Рич!

Услышав удаляющиеся шаги, Пол с силой ударил в дверь кулаком. Ответа не последовало. Тогда он забарабанил в дверь, выкрикивая в отчаянии:

— Рич, открой! Это не шутка! Это не имеет ко мне никакого отношения!

Но тут у него за спиной послышался шорох — раскрылись двери лифта. Пол обернулся. Из кабинки вышел Билли. Повертев головой, он устремил взгляд своих слезящихся, подслеповатых глаз на Пола и двинулся к нему.

—Билли, что происходит? — воскликнул Пол.

— Мистер Эйблер, — проговорил Билли, положив правую руку на кобуру с пистолетом, висящую на правом бедре, и решительно, хотя и не без опаски, глядя Полу в лицо, — полагаю, вам лучше уйти.

— Почему?

— Мне только что позвонил мистер Уайтхед. Он сказал, что вы скандалите на лестнице. А моя обязанность — оберегать покой постояльцев. Вам это известно.

— Билли, я здесь живу! — От волнения Пол принялся покачиваться на пятках, размахивая руками. — Это моя квартира!

— Уже нет, мистер Эйблер. Час назад мистер Уайтхед передал мне судебное постановление сменить замок на двери, что я и сделал. Так что это уже не ваша квартира.

— Билли! Это же черт знает что! — вскричал Пол.

Билли медленно покачал головой, шагнул вперед и взял Пола за локоть, сжав пальцы не слишком сильно, но твердо.

— Нет, сэр. Это жизнь. Время от времени нам приходится выселять жильцов. Не вы первый, не вы последний. А теперь пойдемте.

К— уда?

— Вниз. Я провожу вас до выхода.

— Но как же мои вещи?.. Мне надо забрать вещи из квартиры...

— Завтра в полдень, — сказал Билли. — В полдень придут грузчики и перенесут все вниз, на разгрузочную платформу. — Затем тон его смягчился. — Если хотите, можете прийти чуть пораньше и принять участие в переноске. Приходите часов в одиннадцать.

Пол стряхнул руку Билли, вошел в лифт и нажал кнопку первого этажа. Билли последовал за ним, приговаривая:

— Вы ведь не доставите мне никаких неприятностей, правда, мистер Эйблер? Понимаете, в этом же нет ничего личного. Мне тоже нужна эта работа. И потом... я уверен, что вам не очень-то интересно знать, что случится, если мне придется вызвать шерифа.

Двери лифта раскрылись. Пол вышел в вестибюль и развернулся, загородив Билли проход.

— Не трудись, Билли. Я уйду сам.

Глава 12. Отчаяние

Пол стоял на Восьмой авеню, следя глазами за текущим мимо него бесконечной рекой потоком автомобилей, фургонов и пешеходов. Какое-то время он вглядывался в лица прохожих, надеясь что вот-вот из толпы вынырнет Ной, или Джим, или Джошуа.

Но все было тщетно. Пол отошел в сторону, прислонился к покрытому черной эмалевой краской металлическому забору, окружавшему дворик его дома, и стал наблюдать за двумя белками, которые сновали вверх-вниз по стволу старого клена, по очереди гоняясь друг за другом.

Затем он тихонько позвал:

— Ной? Ты здесь?

Белки не обратили на него внимания. Никто не ответил, только Восьмая авеню по-прежнему гудела послеполуденной разноголосицей: ревели и фыркали моторы, резко взвизгивали гудки, где-то вдалеке выла сирена, а какой-то пьяный у газетного киоска на той стороне улицы громко окликал проходившую мимо хорошенькую девушку.

Пол вернулся на тротуар, повернул направо и двинулся в сторону центра, еще не решив, куда именно он идет и что будет делать. Перебрав в голове тех немногих людей, которым можно было бы позвонить с просьбой о пристанище на одну ночь, он с некоторым удивлением осознал, что ни одного из них не смог бы назвать настоящим другом.

Все это были не более чем знакомые: сотрудники, соседи по дому, случайные люди, с которыми он встречался для сбора материалов за последние несколько лет. Трое близких друзей, с которыми Пол познакомился еще в колледже, давно разъехались кто куда: Томас был в Атланте, Майк — в Сан-Франциско, Аманда уехала работать в Солт-Лейк-Сити и в конце концов стала одной из многочисленных жен какого-то мормона из маленького городка в южной части Юты. Карьера отнимала все время, пожирала всю жизнь, не оставляя места для полноценной дружбы.

Бывших коллег его просьба наверняка смутит, а из соседей по дому он не был знаком достаточно близко ни с кем, кроме Рича. Бесцельно шагая вперед, Пол поглядывал на прохожих, и в голове у него крутился старый мотивчик из битловского «Клуба одиноких сердец». Интересно, многие ли из них так же одиноки в этом огромном городе?

На углу 27-й улицы ему бросилась в глаза знакомая вывеска — «Модное кафе». Повинуясь внезапному порыву, Пол остановился и вошел в зал, где царило затишье, обычное для времени между ланчем и обедом. Все столики, кроме трех, пустовали. Мэри сидела на высоком табурете у стойки и читала газету. Когда Пол подошел к ней, она подняла голову и улыбнулась.

— Привет, Пол.

— Привет, Мэри, — ответил он, усаживаясь на соседний табурет.

— Почему ты не садишься за свой стол?

Я только выпью чашечку кофе.

Мэри поднялась, обогнула стойку, налила кофе из кофеварки, поставила чашку перед Полом.

— Сейчас вернусь, — сказала она и, подхватив графин с водой, направилась к столику, за которым сидели три девушки-студентки и бритоголовый юнец. На обратном пути подошла к двум другим занятым столикам — поинтересоваться, не будет ли еще заказов. Затем она налила стакан колы из автомата и поставила его перед одним из клиентов. Пол смотрел на нее, пытаясь представить, как она живет, когда не разносит тарелки и стаканы.

Мэри вернулась к своему табурету и села.

— Еще семь минут, — сообщила она, бросив взгляд в сторону кухни.

— Семь минут? — переспросил Пол.

— Да, если Диана не опоздает. Через семь минут у меня кончается смена. Ох, как я устала!

— Длинный день?

— По пятницам всегда длинный день. Полная смена. С понедельника по среду у меня занятия, так что в эти дни я работаю только утром, но в четверг и пятницу — с семи утра до четырех. Вообще-то, по закону мне положен часовой перерыв на обед, но на деле — ничего подобного. Приходится вертеться — то там пять минут выкрою, то тут. — Она наклонила голову набок и картинно улыбнулась. — Так что обеденный перерыв у меня прямо сейчас.

— А что ты делаешь после работы? — спросил Пол и тут же смутился, осознав, что у него сорвался с языка заезженный штамп. На самом-то деле он вовсе не пытался к ней клеиться. Просто ему было интересно. Или все-таки не только?..

— Прогуляюсь пешком пару миль и покормлю кота, — ответила Мэри, посмотрев на Пола, как ему показалось, с любопытством. — А что?

Он пожал плечами, и вдруг ему стало жарко.

— Ничего. Просто интересно. — Пол почувствовал, что у него вспотело под мышками, и попытался вспомнить, использовал ли он утром дезодорант. Звонок Рича тогда вывел его из равновесия, и не исключено, что он пропустил эту часть обычного утреннего ритуала.

— Я живу у Центрального парка, на шестидесятых, — сообщила Мэри. — Район довольно дорогой, но квартира принадлежит другу моего отца, так что он сдает ее со скидкой.

— Это замечательно, — рассеянно отозвался Пол, думая теперь о том, почистил ли он зубы.

— Это я на тот случай, если ты захочешь проводить меня до дома, — пояснила Мэри. — Я живу в паре миль к северу отсюда. Около сорока кварталов. Я однажды слышала, что двадцать кварталов — это как раз одна миля.

По тону ее голоса Пол внезапно понял, что она нервничает. Он никогда раньше не слышал, чтобы она говорила таким тоном. Она всегда была такой уверенной в себе — как и положено настоящей официантке. Мало того, она спрашивает, не хочет ли он проводить ее до дома!

— Я бы с удовольствием тебя проводил, — пробормотал он, гадая, как она отреагирует, если он попросится переночевать у нее на диване. — А можно я приглашу тебя на обед? Конечно, после того, как ты покормишь кота.

Мэри рассмеялась.

— Теперь ты будешь меня кормить? Это что-то новенькое! — Она завела руку за голову и перебросила через плечо волосы, стянутые в пышный «конский хвост». — Куда же мы пойдем?

— А какое у тебя любимое блюдо?

Несколько секунд Мэри рассматривала свой «конский хвост» с таким видом, будто заметила его впервые в жизни, а затем отвела волосы обратно за спину.

— Я — вегетарианка.

— Почему?

Мэри пожала плечами.

— Я люблю животных. Я не могу их есть. Разве что буду умирать с голоду...

— А что такое любовь? — задумчиво спросил Пол.

— Ну, я чувствую себя как бы одной из них, понимаешь? Я сама — животное. Мыслящее, но все же животное. Я бы не хотела, чтобы меня убили и съели. Значит, наверное, и они не хотят. Ты когда-нибудь видел, как они цепляются за жизнь, когда понимают, что их собираются убить? Они все понимают. И они не хотят умирать. Так что любовь... — Мэри потупилась... —любовь — это сострадание. По крайней мере в этом контексте.

— А если я скажу, что Бог есть любовь? Что ты на это скажешь?

Мэри на мгновение задумалась.

— Звучит довольно приятно.

— Нет, я серьезно. Я хочу сказать, что Бог — это и есть любовь. Мы воспринимаем Бога как любовь.

— Ну, не знаю, — протянула Мэри. — Видишь ту рыжую девушку с длинными волосами?

Пол взглянул на молодую женщину, сидевшую за столиком вместе с двумя девушками и стриженным наголо парнем. У всех четверых был самоуверенный вид студентов-первокурсников. На рыжей девушке были облегающие брюки из черной кожи и белая кружевная блузка с глубоким вырезом.

— Ту, что положила руку парню на коленку? — уточнил Пол.

— Ага. Они сюда ходят уже месяца четыре. Прижились, можно сказать. Так вот, эта девица на моей памяти влюблялась уже три раза, в трех разных парней. И это были не просто увлечения — она по-настоящему влюблялась. Первого парня она сама бросила, второй бросил ее, и она плакала и говорила, что покончит с собой. А теперь появился этот, новый. Может быть, она просто слишком чувствительна к феромонам? Или получила в детстве слишком мало ласки? Понимаешь, о чем я?

— Да, отчасти ты права. Но вожделение — это не любовь. Любовь — это что-то более настоящее, глубокое.

— Я люблю своего кота, — заявила Мэри.

— А ты видишь Бога в глазах своего кота?

— Ну... — Мэри снова задумалась. — Когда я смотрю своему коту в глаза, иногда мне кажется, что я заглядываю в тайны какого-то иного разума, превосходящего человеческий. Но в то же время я сознаю, что смотрю на кота, а тот смотрит на меня ровным счетом как кот, глядящий на человека, не больше, не меньше. Понимаешь?

— Да. Вот именно. — Пол качнул головой в сторону рыжей девушки. — Ты — не такая, как та девица. Она смотрит парню в глаза, переживает свою влюбленность и знает, что смотрит в глаза Бога, но не понимает, что смотрит еще и на самого этого парня. Она научилась черпать жизненную силу и соединяться с Богом во влюбленности.

Но ее ошибка в том, что ей кажется, будто парень, в которого она сейчас влюблена, — единственное место, в котором присутствует Бог. И что единственный способ почувствовать присутствие Бога — влюбиться в какого-нибудь молодого человека. Она думает, будто парень, в которого она влюблена, — это единственная ниточка, связывающая ее с Богом.

Она не понимает, что Бог — внутри нее и что именно Он рождает в ней чувство влюбленности. Она не может найти Бога внутри и ищет его в других людях. Конечно, сама она не называет это чувство «связью с Богом», ей это и в голову не приходит. Но именно так обстоят дела в реальности. Однажды, влюбившись в какого-то парня, она соприкоснулась с Богом и решила, будто это — единственный способ. Боюсь, это станет трагедией всей ее жизни.

— Как ты тонко все понимаешь! — восхищенно заметила Мэри.

— И я уверен, что это — правда. Это — Истина. Мэри кивнула.

— Сегодня вечером я буду искать Бога в глазах моего кота.

Дверь кафе распахнулась, и в зал вошла темноволосая женщина средних лет. Мэри улыбнулась.

— А вот и Диана. Опоздала всего-то на три минуты. Ну что, пойдем?

Глава 13. Царствие внутри нас

То был прекрасный, просто замечательный вечер — не считая нескольких мелких неприятностей.

Пол и Мэри прошли пешком сорок кварталов. Мэри пригласила Пола зайти познакомиться с котом, которого звали Игорем. Это был мэйн-кун, американский енотовый кот, — самый огромный и ленивый из всех котов, каких только Полу доводилось встречать в своей жизни. По словам Мэри, он весил двадцать семь фунтов и принадлежал к единственной породе кошек, чьи предки первоначально жили в Северной Америке.

Легенда гласила, что своим появлением мэйн-куны обязаны одному близорукому самцу рыси, которого несколько сотен лет тому назад страсть толкнула в объятья обычной домашней кошки, принадлежавшей какому-нибудь фермеру (или наоборот, коту, соблазнившему самочку рыси, что еще забавнее).

Дом, в котором жила Мэри, построили еще в начале двадцатого века. На подоконниках шириной в фут Мэри ухитрилась вырастить целый огород: в горшках и самодельных ящиках красовались помидоры и перец, мангольд и три вида салата, редис и десятки лекарственных и пряных трав. На окне ванной стояла кадка с гигантским баклажаном, побеги которого обвивали вешалку для полотенец и трубы над раковиной.

«Нельзя доверять магазинным овощам, — пояснила Мэри. — В них одни химикаты. И кто знает, может они генетически измененные». Поэтому около четверти всей необходимой пищи она выращивала сама. На Пола это произвело впечатление.

Затем они отправились в дорогой и при этом изысканный вегетарианский ресторан, где вели за столом увлекательную беседу. Время от времени заглядывая в блокнот, Пол излагал своей спутнице кое-какие истины Школы Мудрости, которые уже успел усвоить сам. Мэри внимательно слушала, кивала и время от времени делала замечания. Чаще всего она пыталась истолковать эти истины в терминах философии Карла Юнга или Зигмунда Фрейда.

А затем случилась первая неприятность.

Пол попытался расплатиться за обед кредиткой. Но официант принес карточку обратно — она лежала на блюдце, разорванная пополам. «Прошу прощения, — сказал он, — но, когда мы попытались ее проверить, служащий кредитной компании попросил нас разорвать ее пополам и вернуть вам». Это был невысокий, но стройный мужчина лет тридцати, с редеющими светлыми волосами и нездоровой, слишком белой

кожей.

При виде недоуменного выражения на лице Пола, он пустился в дальнейшие объяснения, почему-то заговорив в нос: «Если превышен кредит, мы обычно просто не принимаем карточку. Разорвать карточку нас просят только тогда, когда она объявлена в розыск или аннулирована. Не могли бы вы предоставить оплату по счету в какой-либо иной форме?»

Пол дал ему проверить другую кредитку, но результат оказался тот же. Официант уже не скрывал раздражения, а Пол всерьез забеспокоился. До сих пор ему удавалось скрывать от Мэри свои проблемы. Он был слишком очарован ею. Он просто не мог сказать ей, что его выселили из квартиры — иначе что она о нем подумает?! Он решил снять комнату в какой-нибудь дешевой гостинице и намеревался расплатиться одной из кредиток, а недостачу наверстать после того, как найдет работу.

— Что происходит, Пол? — спросила Мэри, когда официант принес вторую разорванную кредитку.

Пол пошарил по карманам и вытащил всю наличность. Счет составлял шестьдесят три доллара с мелочью (они с Мэри успели распить бутылку превосходного вина), а у него оказалось при себе только сорок шесть с полтиной.

— Погоди, Мэри, — сказал он и обратился к официанту. — Не могли бы вы вернуться через пять минут? Мне нужно позвонить в кредитную компанию.

Официант смерил его быстрым скептическим взглядом, взвешивая вероятность того, что Пол просто сбежит. Затем он догадался, как свести эту вероятность к нулю.

— Не обязательно тратить деньги на телефон-автомат. Можно позвонить из кабинета управляющего. Идите за мной.

Пол проследовал за ним в тесный кабинет, примыкавший к женскому туалету. Стол выглядел так, будто на нем только что взорвалась бумажная бомба; Полу бросилось в глаза, что большинство бланков связано с разнообразными государственными и городскими агентствами, занятыми сбором, подсчетом и изобретением налогов. Официант указал на старомодный телефонный аппарат из черного бакелита:

— Вот, пожалуйста.

Пол составил вместе обрывки первой карточки и набрал указанный на обороте номер. Ему пришлось прождать четыре минуты, потому что аппарат был дисковый и кнопки выбора на нем отсутствовали. Наконец трубку на том конце сняли и мужской голос произнес название компании.

— У меня проблема с кредитной карточкой, — сказал Пол.

— Какая еще проблема? — с гнусавым луизианским выговором осведомился мужчина. Полу вдруг вспомнилась заметка из какой-то газеты, где сообщалось о нескольких банках, которые в целях экономии использовали труд заключенных. Арестанты получали по четыре доллара в час и все номера кредитных карточек, которые им удавалось украсть.

Начальство тюрьмы удерживало «за квартиру и стол» девяносто процентов оплаты, а банки снижали заработную плату своим официальным сотрудникам, и за мошенничество приходилось расплачиваться федеральным властям. «Интересно, сколько банковских служащих уволили за эту аферу?» — подумалось Полу.

— Официант попытался проверить мою кредитку, а вы велели ему разорвать ее пополам.

— Назовите номер вашей кредитной карточки. Пол прочел ему номер.

— В целях удостоверения личности не могли бы вы назвать свою дату рождения и девичью фамилию вашей матери, мистер Эйблер?

Пол ответил.

— А ваш вес, рост, цвет волос и глаз?

— А это еще зачем? Парень в трубке хихикнул.

— Шутка. Людям часто кажется, будто я могу увидеть их по телефону.

— Где вы находитесь?

— В Калифорнии. — Судя по голосу, парень явно насторожился.

— Вы — заключенный?

— А вы — безработный? Или, может, бездомный?

— Какое вам. до этого дело?

— Лично мне? Никакого. Просто вы показались мне некредитоспособным. — Парень снова хихикнул, но тут же заговорил серьезно: — Что касается вашей кредитки, то проблема в том, что вы уже целый месяц не покрываете расходов, а теперь вас уволили. Так что мы не можем позволить вам наращивать долг и дальше.

— Откуда вы знаете, что меня уволили? — Краем глаза Пол заметил, что официант вопросительно поднял бровь и смотрит на него с неодобрением. Перехватив взгляд Пола, он уставился себе под ноги, но из кабинета не вышел.

— Щас посмотрим, — пробормотал парень и защелкал клавишами компьютера. — Так-так. Одна юридическая фирма в Нью-Йорке сегодня сообщила, что вы задолжали им тридцать семь тысяч долларов за судебные издержки. В качестве дополнительной информации они уведомили нас о вашем увольнении и выселении из квартиры.

— Юридическая фирма? Какая?

Снова защелкали клавиши, но Пол расслышал, как парень шумно затягивается сигаретой.

— Вам там разрешают курить? — спросил он.

— Только табак, — ответил парень со вздохом разочарования. — Так, вот они. Шнейдерман, Сабатини и Керланд, поверенные. Кажись, вы им кой-чего задолжали.

— В этой фирме работает мой сосед, Рич Уайтхед. Он на меня зол.

— Представляю себе.

— Они что, могут давать сообщения просто так, без всякого подтверждения?

— Да, если вносят ежемесячную плату в справочное бюро компании:

— И что, эту информацию никто не проверяет?

— Если вы считаете, что произошла ошибка, можете затребовать копию досье заемщика из справочного бюро и уведомить их в письменном виде о том, что данные, поступившие на вас, неверны. — Пол догадался, что парень старательно читает по бумажке. — Наш банк полагается на информацию, предоставленную третьими сторонами, и не ставит под сомнение точность...

— Но это же вранье! Меня оклеветали! — выкрикнул Пол в трубку. Официант самодовольно ухмыльнулся, но побоялся встретиться с Полом глазами.

Парень пощелкал еще несколько секунд и снова затянулся.

— Ага. Нашел. Часом позже они прислали еще одно сообщение. Здесь говорится, что сведения о задолженности по судебным издержкам ошибочны. Однако дополнительная информация верна. — Он понимающе хмыкнул. — Все ясно. Они ведь не могли просто так сообщить, что вас уволили и выселили. Это не основание для подачи жалобы. Поэтому они состряпали фальшивый счет и приложили к нему правдивые сведения, а потом опровергли информацию о задолженности и изъяли оригинал жалобы. Так что вы теперь не можете подать на них в суд за клевету.

— Понятно, — пробормотал Пол.

— Короче, братец, это называется непруха, — подытожил парень.

Спасибо, — машинально откликнулся Пол.

— Не за что.

Пол повесил трубку и сказал официанту:

— Мне надо поговорить с моей дамой.

— Пойдемте, — кивнул официант, демонстративно вытирая руки о фартук.

Пол подошел к столику. Мэри все еще сидела там, читая меню десертов с таким видом, словно это был какой-нибудь серьезный литературный труд. Пол сел рядом. Официант остался стоять неподалеку, внимательно прислушиваясь.

— Мои кредитки сдохли! — громким шепотом сообщил Пол.

— Что случилось? — спросила Мэри. — У тебя какие-то проблемы?

— Ну, я повздорил со своим соседом. На самом деле его достал один призрак, Ноем его зовут. Ной натравил на него дьявола или что-то в этом духе. Я так толком и не разобрался. — Заметив, с каким выражением смотрит на него Мэри, он торопливо добавил: — Одним словом, этот парень, мой сосед, — адвокат. Он на меня разозлился и добился, чтобы меня выселили из квартиры. А потом позвонил в справочное бюро кредитной компании и заявил, что я должен его фирме тридцать семь штук.

— А это правда?

— Нет. Я им ничего не должен. Но он лишил меня кредита — просто чтобы доказать, что он сильнее. В результате мои кредитки не принимают, а наличных у меня слишком мало, чтобы заплатить за обед.

Мэри улыбнулась и накрыла ладонью его руку.

— Я всегда подозревала, что однажды какой-нибудь клиент меня нагреет. Только, я и представить себе не могла, что это случится в другом ресторане!

— Мне очень стыдно... — пробормотал Пол, чувствуя приятную дрожь во всем теле от ее прикосновения и от этого еще больше смущаясь.

— Никаких проблем, — твердо заявила Мэри. — Просто каждый сам заплатит за себя. В конце концов на дворе двадцать первый век! — добавила она и потянулась за своей сумочкой, стоявшей около стула. — Сколько там на счету?

— Шестьдесят три доллара с мелочью.

— Итак... — Мэри подняла глаза к потолку, производя в уме расчеты. — Процентов двадцать чаевых...Это будет где-то семьдесят шесть долларов, верно?

— Вроде бы, — согласился Пол, гадая про себя, все ли официантки так щедры на чаевые.

— Тридцать восемь долларов у тебя наберется?

— Да, — ответил он, подумав, что если повезет, то ему хватит еще и на такси, чтобы подвезти Мэри домой.

Мэри раскрыла сумочку, достала изящный коричневый бумажник из фальшивой замши и выложила на стол двадцатку и восемнадцать однодолларовых купюр.

— Таких у меня много, — с улыбкой заметила она.

Пол, в свою очередь, выложил сорок долларов и сказал официанту, который уже шагнул вперед, готовясь заграбастать добычу: — Сдачи не надо.

— Благодарю, сэр, — ответствовал тот, слегка поклонившись, но не сумев скрыть презрения в голосе.

Полу вспомнились слова Джима: «Беднякам нигде нет уважения». На мгновение он увидел себя самого глазами официанта — и картина эта была удручающей. Сьюзен была права: он — неудачник. Или, по крайней мере, все к тому идет.

Мэри встала из-за стола и сняла элегантное красное пальто со спинки соседнего стула.

— Пойдем, — сказала она.

На улице уже стемнело, а до дома Мэри было кварталов двадцать. Несмотря на длинную теплую куртку, Пол сразу продрог.

— Думаю, мне еще хватит на такси, — проговорил он. — Или, если хочешь, можно заглянуть еще куда-нибудь и купить тебе что-нибудь выпить...

Он чувствовал себя полностью униженным из-за происшествия в ресторане.

Мэри засунула руки в карманы; в свете уличных фонарей и автомобильных фар лицо ее выглядело жестче обычного.

— Пол, что с тобой происходит? — Голос ее звучал по-деловому, но Пол безошибочно различил в нем нотки беспокойства. — Сначала ты приходишь утром в мое кафе, потом уходишь с этим бродягой, потом возвращаешься днем, когда тебе следовало бы находиться на работе, а теперь вот это... — Резким жестом она указала на дверь ресторана и снова спрятала руку в карман. — Что случилось?

— Если я расскажу, ты не поверишь, — сказал Пол. — Я и сам-то до конца не верю.

— Все-таки попробуй.

— Давай пройдемся и поговорим. — Он повернулся и зашагал по направлению к ее дому.

Какое-то время Мэри молча шла рядом, а Пол раздумывал, как же объяснить ей все, что происходило с ним в последние два дня. Наконец он сказал себе: «Ладно. Представим себе, что я делаю об этом репортаж. Только строгие факты, никаких отступлений, никаких комментариев».

— Помнишь, что я читал тебе из блокнота за обедом? — спросил он.

— Да. Интересные вещи. Похоже, ты уловил ключевые идеи всех мировых религий. И, наверное, почти всех менее распространенных религиозных учений — тех, что не направлены на разрушение. Сомневаюсь, что с этим согласились бы мои преподаватели-психологи, но, на мой взгляд, во всем этом есть смысл.

— Я не сам все это придумал, — сказал Пол.

— Я так и не считала. Я подумала, что ты прочел много книг и сделал выводы. Или что это — выдержки из интервью с каким-нибудь священником или раввином.

— Это уже ближе к истине. — Они перешли дорогу на перекрестке со светофором, и Пол продолжил свой рассказ: — Вчера я бросился под грузовик, чтобы спасти девочку. Я не подумал, чем это может кончиться. Я просто подчинился первому побуждению. Кто-то ведь должен был вытолкнуть эту девочку из-под колес! И в этот момент меня как бы подхватило, и я полетел по воздуху, и спас эту девочку, и спасся сам. Потом я вернулся домой, и ко мне пришел некто... Он сказал, что его зовут Ноем и что он — что-то вроде ангела, духа или оборотня... В общем, называй как хочешь. Зависит от твоего воспитания и религии.

— Это был какой-то трюк?

— Нет, я совершенно уверен, что он — именно тот, за кого себя выдает.

И Пол рассказал ей все как есть — и как его уволили, и как он спас девочку, и как встретился с Ноем и отправился в Древний Шумер. Он рассказал и о стычке Ноя с Ричем, и о знакомстве с Джимом в кафе, и о Джошуа с его учениками, и о том, как и за что Рич выселил его из квартиры. И о своей безусловной решимости участвовать в спасении мира. И о том, сколько нового он узнал и как много ему еще предстоит узнать в будущем.

За то время, что Пол излагал свою невероятную повесть, они миновали четыре квартала.

Еще один квартал они прошли в полном молчании. Полу было страшно. Он очень боялся, что Мэри

сочтет его сумасшедшим.

Наконец она промолвила:

— Какая необычная история...

— Как репортер, я должен признаться, что, если бы мне самому кто-то рассказал нечто подобное, я бы решил, что он свихнулся.

— Да-да, что у него шизофрения или галлюцинации. Или что ему так не хватает поддержки и сочувствия, что от отчаяния он сочиняет всякие невероятные истории. И это была бы еще довольно снисходительная реакция. А скорее всего, ты просто бы назвал его чокнутым. — Мэри улыбнулась.

— Я знаю, — сказал он, не сомневаясь, что она уже зачислила его в одну из этих категорий. — А ты что скажешь?

Мэри остановилась перед освещенной витриной с весенними женскими платьями ярко-зеленых и желтых тонов. Она смотрела Полу прямо в лицо, слегка приподняв бровь, и в свете витрины Пол заметил у нее над правой бровью маленький шрам. «Интересно, как и когда это случилось?» — подумал он и вдруг осознал, что ему интересно вообще все, что связано с жизнью этой девушки.

Какое у нее было детство? Как она росла и взрослела, что происходило с ней в школьные годы? Какие отношения у нее были с родителями, с кем она дружила, какой оказалась ее первая влюбленность? Пол смотрел на нее и понимал, что Бог сейчас смотрит на него ее глазами и любит его ее сердцем.

— Я тебе верю, — проговорила она и нежно сжала обеими руками его правую руку, согревая ее, защищая от морозного ночного ветра. — Я бы хотела встретиться с Ноем и Джошуа. Я совершенно уверена, что если мы не разбудим людей как можно скорее, то мир действительно погибнет. И я готова помочь тебе.

Пол почувствовал, как пустоту в его груди заполняет блаженное тепло. В свете витрины, внезапно засиявшем ярче, он вглядывался в лицо своей спутницы. Он больше не слышал шума машин и гомона прохожих — он слушал только ее дыхание.

— Ты серьезно?

— Конечно! Если бы ты все это сочинил, я бы сразу поняла. Но ты говоришь правду. И мне кажется, что такой шанс выпадает только раз в жизни. Я убеждена, что ты не лжешь, и не считаю тебя сумасшедшим. Конечно, первое, чему учат нас, психологов, — не доверять своим впечатлениям и проявлять объективность, удерживать на дистанции тех людей, которых мы пытаемся понять. Но мне кажется, что это неправильно. Интуиция меня никогда не подводила.

Полу так хотелось поцеловать ее! Но он повернулся и двинулся дальше по улице в сторону ее дома. Мэри так и не выпустила его руки, и Пол думал, как же прекрасно идти по улице рука об руку с этой очаровательной девушкой, в которой под маской обычной официантки и студентки колледжа только что обнаружилась неожиданная, удивительная глубина.

— Я часто задумывалась кое о каких местах в Библии, — сказала она. — А теперь все объяснилось...

— Что именно?

— В Евангелии от Марка Иисус говорит Своим ученикам, что некоторые из них будут еще живы, когда на Земле утвердится Царствие Божие[72]. Я всегда думала, что Марк просто неверно передал Его слова. А теперь я понимаю, что он был прав.

— В том смысле, что некоторые из Его учеников поняли, что Царство Божие — внутри человека?

— Да, — подтвердила Мэри. — Некоторые осознали, что Царства можно достичь здесь и сейчас. Нужно лишь отказаться служить царям мира сего, отказаться служить маммоне и обратиться к Божественному присутствию и любви, заключенным в нашей душе.

— Так говорили мистики, — заметил Пол.

— Какие мистики?

— Например, Руми, мусульманин. Или еврей Мартин Бубер. Или Сан Хуан де ла Крус, католик. Все они еще при жизни вошли в Царство Божие — вошли сознательно. Как Саломия. «Сегодня хороший день, чтобы умереть».

— Это потрясающе, — воскликнула Мэри. — То, что ты пережил, почти невероятно... Но истины, которые ты познал, действительно важны. Как бы мне хотелось увидеть Ноя!

— Я не знаю, когда он снова появится и появится ли вообще, — сказал Пол. Они продолжали неторопливо шагать по улице, и Мэри все так же крепко держала его за руку. — Сегодня утром я его звал, но он не пришел. Впрочем, если хочешь, я могу отвести тебя в туннели и познакомить с Джошуа. Удобнее всего было бы разыскать Джима завтра утром и попросить его проводить нас.

— Он и раньше бывал у нас в кафе, — сказала Мэри. — Однажды я пустила его в ванную, но получила за это страшный нагоняй от босса. Кстати, я даже не знала, как его зовут.

— По-моему, он собирает бутылки в этом районе. Насколько я понял, за каждым сборщиком бутылок

[72] Евангелие от Марка, 9: 1: «...истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе».

закреплена своя территория. Уверен, что утром мы разыщем его без особого труда.

— Да, это было бы лучше всего, — согласилась Мэри. — Мне что-то не хочется лезть в туннели ночью, так что подождем до утра. Но времени у нас будет не так уж много: в три часа у меня занятия.

— Договорились. — Пол благодарно сжал ее пальцы, но тут же отпустил и засунул руку в карман куртки. Затем он сделал глубокий вдох и выпалил: — Мне нужно где-то переночевать. Я хотел снять комнату в какой-нибудь дешевой гостинице, но мои кредитки дали дуба. Можно я посплю у тебя на диване?

— Конечно, — ответила Мэри без малейшего колебания.

— Я вовсе не пытаюсь к тебе клеиться, — поспешно добавил он.

— Я знаю, — успокоила его Мэри. — По крайней мере знаю, что не пытаешься сознательно. — В свете фар проезжавшего мимо автомобиля Пол успел заметить, что на лице ее мелькнула улыбка.

— На самом деле ты мне очень нравишься, — проговорил Пол. — Но я не хочу спешить. Не хочу, чтобы все сорвалось. Я чувствую, как через тебя струится любовь Бога. — Он нежно обхватил ее за плечи, она прильнула к нему, и они двинулись дальше в обнимку.

Глава 14. Ветер

Стрелки часов на стене гостиной в квартире Мэри показывали двадцать минут четвертого. Какое-то время Пол озадаченно смотрел на маятник, прислушивался к негромкому тиканью и пытался сообразить, где он находится. Он лежал на раскладном диване, в раскрытом виде занимавшем почти всю комнатушку. Кофейный столик пришлось перенести в кухню, а стулья распихать по углам.

Комната производила какое-то сюрреалистическое впечатление. Несколько секунд Пол не мог понять, проснулся он или все еще спит. Но часы тикали как положено, и он пришел к выводу, что все-таки проснулся.

Однако он до сих пор не понимал, что же его разбудило. Пробуждение было таким резким, что сновидения мгновенно поблекли в его памяти: когда Пол попытался вспомнить, что ему снилось, воспоминания расползлись в клочья, как мокрая папиросная бумага под руками. Что-то насчет Святой Троицы. И что-то о Мудрости, принявшей облик женщины. Она была супругой Бога.

Богиней, которой Соломон посвятил любовные стихи — Песнь Песней.

А затем послышался шум ветра.

Пол вздрогнул и посмотрел на окно. За прозрачной сетчатой занавеской топорщились листья и побеги растений, стоявших на подоконнике в горшках и ящиках. Занавеска слегка колыхалась, и Пол сообразил, что окно закрыто неплотно. У Мэри оказалось только одно лишнее одеяло — наверное, он проснулся от холода.

Пол свесил ноги с дивана и натянул джинсы и рубашку. Он ведь собирался подойти к окну. Нельзя, чтобы соседи заметили в окне у Мэри мужчину в нижнем белье. Кроме того, надо было как-то согреться.

Обогнув диван, он отодвинул занавеску, но не увидел за окном стоявшего напротив жилого дома, который успел заметить еще вчера. Вместо этого перед ним клубилось грозное иссиня-черное облако! Пол словно заглянул в самое сердце урагана.

— Что это? — прошептал он одними губами. В воздухе, сочившемся в щель неплотно прикрытого окна, смешались запахи меди, дождя и жженого пороха. Пол отодвинул в сторону черный пластмассовый горшок с помидором, встал коленом на подоконник и подтянулся, упершись другим коленом в горшок. Сначала он решил было дотянуться до ручки, чтобы опустить стекло до конца. Но снаружи творилось что-то совсем странное: причудливый запах, клубы облаков...

Нужно было выяснить, что это такое. Пол передумал — вместо того чтобы закрыть окно, он поднял стекло и высунулся наружу, крепко держась за подоконник — все-таки он помнил, что квартира Мэри находится на двенадцатом этаже.

Вихрь за окном разразился молниями и взревел, как реактивный самолет в туннеле. Воздух из комнаты с силой устремился наружу, и Пол изо всех сил вцепился в раму. Но это не помогло: не успел он и глазом моргнуть, как чудовищная воронка всосала его и окутала тьмой.

Какое-то мгновение он летел на бешеной скорости, не ощущая ничего, кроме холода, боли и страха. А затем он открыл глаза и обнаружил, что парит в черной пустоте, растопырив руки и ноги, — как будто плывет по морю, неглубоко погрузившись в воду. Где-то в бесконечной дали ровным, неугасимым светом сияли звезды; медленно кружились вокруг своей оси фейерверки галактик; в темных недрах Космоса кувыркались астероиды, различимые лишь по отблескам далеких звезд на гранях кристаллов да по черным теням, которыми они порой заслоняли какое-нибудь светило.

Пола охватил неописуемый восторг, удивительное чувство, что все это он уже когда-то испытывал и что это прекрасно. Страх отпустил его, сердце вновь наполнилось теплом любви. Любовь переполняла его, пронизывала каждую клеточку его тела. «Как жаль, что Мэри этого не видит», — подумал он, и воспоминание о ней, исполненное любви, заструилось через все тело, как вода по горному склону.

Здесь не было ни звуков, ни запахов, ни вкуса — только свет и любовь, трепещущая в кем, пронизы-

вающая все его существо, пульсирующая в мерном ритме. Но вот ему почудилось, что тишину нарушил отголосок какого-то едва слышного звука. Казалось, в далекой дали звучит фортепиано. Кто-то медленно, осторожно пытается подобрать мелодию к «Трем гимнопедиям» Эрика Сати[73]. Быть может, это просто воспоминание? Или все же реальность? Непонятно. «Где я нахожусь? — подумал Пол. — Как я сюда попал?» Впрочем, все это не имело значения. Все вокруг было таким прекрасным, таким совершенным, что жалкие человеческие «что», «почему» и «как» рядом с этим теряли всякий смысл.

А затем в пустоте раскатилось звоном одно-единственное слово: «Внемли!» Голос был несомненно женский, глубокий и звучный, властный, исполненный силы, но вместе с тем напевный, нежный и сострадательный. Эхо замерло вдали, растворилось среди звезд.

— Кто здесь? — промолвил Пол, тут же удивившись, как это ему удается говорить в безвоздушном пространстве. Его слова медленно поплыли в вечность, а женский голос ответствовал:

— Премудрость построила Себе дом, вытесала семь столбов его[74].

— Ты — Мудрость? — спросил Пол.

Откуда-то у него из-за спины вылетел белый голубь. Не приблизившись к нему, даже как будто его не заметив, птица описала несколько кругов и растворилась в свете одной из звезд. А в следующее мгновение перед глазами Пола предстала женщина, поразительно похожая на Мэри, но немолодая — ей можно было дать лет шестьдесят, а то и семьдесят. Длинные седые волосы струились по ее плечам, а в глазах светился живой, острый ум. Женщина была облачена в пурпурную мантию, окаймленную золотом, и держала в одной руке чашу. Она была ослепительно красива.

И вновь зазвучал ее голос, исходивший, казалось, от всех бесчисленных звезд и галактик, от каждой частицы космической пыли, рассеянной в безмерном пространстве:

— Не Премудрость ли взывает? и не понимание ли возвышает голос Свой?[75]

— Ты пришла дать мне последний урок и открыть главную духовную тайну? — спросил Пол. Голос пробуждал в нем легкую грусть и воспоминания о детстве — давно забытой прекрасной поре блаженства и довольства.

— Слово, Имя, Он будет охранять выхождение твое и вхождение твое отныне и вовек[76], — проговорила она.

— Я не понимаю.

Не добавив больше ни слова, она растворилась туманной дымкой, и сразу же звезды начали меняться. Желтые — распухли и покраснели. Красные — расцвели слепящими вспышками и погасли. Белые и голубые — пожелтели, затем стали красными и тоже исчезли, растаяв в непроглядной тьме. Галактики тоже преображались, меняя цвета от фиолетового к оранжевому; затем одни схлопнулись в точку, а другие раскрутились спиралями и рассеялись без следа.

Казалось, все расстояния увеличиваются, все частицы разлетаются, набирая скорость, как будто Вселенная раздувается исполинским воздушным шаром. Единственным островком постоянства в ней оставался сам Пол. «Это конец времен», — осознал он. Да, он наблюдал завершение процесса энтропии: Вселенная исчерпала первоначальный импульс расширения, и в звездах не осталось больше топлива. Все обращалось в холодную мертвую материю — бесконечное пространство, заполненное лишь камнями и пылью, железом и останками звезд, выгоревших дотла.

Стало гораздо темнее и холоднее, и на Пола навалилась ужасная тяжесть. Тепло иссякло; он созерцал последние мгновения мира.

Наконец последние звезды вспыхнули красными гигантами и забились в предсмертной агонии. Пол ощутил невообразимо мощную тягу, словно у него за спиной образовался гигантский вакуум или магнит небывалой силы. Все вещество устремилось туда: звезды и планеты, пыль и черные дыры — сгустки материи, сжатые так плотно, что даже свет не мог вырваться из объятий их тяготения.

Вселенная снова сжималась в точку — падала внутрь самой себя.

Все быстрее и быстрее, сталкиваясь между собой со страшным ревом и грохотом, мчались к этой центральной точке планеты и остывшие звезды, черные дыры и бесчисленные осколки небесных тел. А центральная точка вначале окрасилась в красный цвет, затем — в желтый, затем сделалась голубовато-белой и вдруг почернела, вдвое увеличившись в размерах Пол понял, что она тоже превратилась в черную дыру — стала настолько плотной, что перестала испускать свет. И эта пульсирующая чернота в сердце Вселенной с каждым мгновением росла, питаясь миллиардами миллиардов звезд и планет.

Пол неподвижно висел в пустом, абсолютно пустом пространстве. Только слабо светящийся ореол вокруг ядра Вселенной еще позволял различить его на фоне беспросветной тьмы, но затем и ореол стал гаснуть. Ядро становилось все темней и темней, все меньше и меньше, пока не сжалось в точку не крупнее горчичного зернышка. А затем, на какую-то стомиллионную долю секунды оно исчезло... и вдруг разрази-

[73] Сати, Эрик (1866—1925) — французский композитор, преимущественно писавший пьесы для фортепиано. «Три гимнопедии» — фортепианные пьесы, названные в честь праздничного танца, который исполняли обнаженные юноши в Древней Спарте.
[74] Притчи Соломона, 9:1.
[75] Там же, 8: 1. В русском синодальном переводе Библии вместо «понимание» употреблено слово «разум».
[76] Псалтирь, 120: 8. В русском синодальном переводе — «Господь будет охранять...».

лось беззвучным взрывом, извергая в пустоту свет и газ.

Сначала Пол ощутил опаляющий жар, и только затем до него докатился оглушительный хлопок взрыва и гул, с которым материя вновь устремилась во все стороны от центра. Газовые облака сгустились в звезды, большие и маленькие; молодые звезды запылали с новой силой; Вселенная вновь расширялась. Звезды сияли тысячами цветов и оттенков.

Многие взрывались, выплевывая в космос колоссальные массы вещества, из которого рождались планеты. Планеты-странницы попадали в поле тяготения звезд и пускались в хоровод вокруг завладевшего ими светила. Над поверхностью планет возникали атмосферы, выпадали дожди, континенты покрывались яркой зеленью лесов. И вскоре все вернулось на круги своя: Пол вновь созерцал туже картину, которая предстала его глазам в самом начале его невероятного путешествия.

— Что все это значит? — хрипло проговорил он, потрясенный всем, что довелось ему увидеть.

— Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?[77] — донесся до него все тот же женский голос.

— Я не знаю.

Из пустоты соткался призрачный образ женщины, в которой он узнал по одной фотографии собственную прабабушку. Молодая женщина лежала на кровати в старинной спальне, рожая девочку — его бабушку, как догадался Пол. Затем картина сменилась. Пол увидел, как его прабабка стареет и умирает, как ее кладут в гроб и опускают в могилу. Затем почва стала прозрачной.

Гроб гнил, тело разлагалось, смешиваясь с почвой. С подземными водами частицы тела.переносились в почву полей и огородов. И новая сцена: маленькая девочка, которой предстояло стать матерью Пола, ест овощи, выросшие из тела его же прабабки... и миллионов других людей, живших до нее, добавил про себя Пол.

Мелькнули сцены из жизни европейцев в Америке в девятнадцатом столетии; затем — образы восемнадцатого и семнадцатого веков. Затем появились старики-индейцы, которые точно так же умирали и питали почву своими телами, — и индейцы-дети, которые питались плодами земли, выросшими из этих тел. Пол осознал, что каждый человек дышит воздухом, который до него вдыхали и выдыхали миллиарды раз; каждый человек пьет воду, которая до него проходила через почки миллиардов других живых существ.

Наконец все картины исчезли, и перед Полом вновь предстала величавая женщина — его наставница.

— Да! — прозвучал ее голос — голос, исходящий от всех неисчислимых частиц творения.

— Это значит, что все мы *будем жить опять*?

— Да. И более того.

— Более того? — переспросил Пол.

— Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но *это* уже было в веках, бывших прежде нас[78].

— Это значит, что время движется кругами, а не по прямой? Что нет ни конца, ни начала?

— Мир во веки веков, аминь, — нараспев ответила женщина.

Пол достал из кармана рубашки блокнот и ручку и записал: «*Время движется кругами, а не по прямой; нет ни конца, ни начала*».

— Ты научишь меня еще чему-нибудь? Ной сказал, что в Школе Мудрости у меня будет три учителя. Мне кажется, что ты — третья. Или это и была главная тайна?

Женщина улыбнулась и стала что-то тихонько напевать, не раскрывая рта. Дальние звезды отвечали эхом; вся Вселенная затрепетала, как гитарная струна, колеблющаяся в резонанс с камертоном.

Затем неразборчивый гул сложился в слова: — Уста свои открывает с мудростью, и наставление добра на языке ее[79].

— Добра?

Женщина снова исчезла, а на ее месте появилось объемное изображение: люди выбегали из горящих домов. Всмотревшись внимательно, Пол понял, что перед ним — беженцы, спасающиеся из города, охваченного пожаром. Мужчины и женщины, дети и старики; каждый несет, что успел захватить из своего имущества. У одних в руках картины, письма и бумаги, у других — золото и драгоценности, третьи тащат мешки с пищей и водой. С неба падают бомбы, солдаты стреляют в бегущих людей, танки изрыгают огонь. Падают окровавленные люди, рушатся здания, охваченные пламенем.

Новая сцена — комната, богато разукрашенная золотом, белой эмалью и дубом. Светловолосый мужчина восседает на позолоченном троне с сиденьем, обитым красным бархатом. Вокруг него толпятся другие мужчины. Всем где-то от сорока до шестидесяти лет. Большинство — в военной форме с золотыми и серебряными нашивками.

Человек на троне произносит какие-то слова на незнакомом языке с гортанным выговором и подни-

---

77 Книга Иова, 14: 14.
78 Книга Екклезиаста, 1: 10.
79 Притчи Соломона, 31:26. В русском синодальном переводе — «...кроткое наставление на языке ее».

мает руку. И на заднем плане вспыхивает отголосок этого жеста: беженцы, бомбы, солдаты... Значит, этот человек развязал войну; значит, он в ответе за всю эту боль, за все эти смерти! Светловолосый мужчина ударяет кулаком по подлокотнику трона, и вся картина подергивается рябью, словно поколебались самые основы мира. «Сила зла», — подумал Пол.

И ответом на его невысказанную мысль прозвучали слова Мудрости:

— Горе замышляющим беззаконие и на ложах своих придумывающим злодеяния, которые совершают утром на рассвете, потому что есть в руке их сила![80]

Еще одна сцена: полевой госпиталь в зоне военных действий. Девушка в джинсах и белой блузке, с повязкой Красного Креста на рукаве, склонилась над потерявшей сознание пожилой женщиной. Девушка обрабатывает рану, и с каждым движением ее рук, с каждой переменой выражения на ее скорбном лице мир содрогается вновь, как от взрыва артиллерийского снаряда.

И опять картина сменилась. Идущая в гору безлюдная улочка в маленьком европейском городке. Солнце только что взошло. Сгорбленный старик в коричневом твидовом костюме бредет по скользкой от недавнего дождя проезжей части, внимательно глядя себе под ноги. Неожиданно быстрым, ловким движением он наклоняется, подбирает дождевого червя, отходит на обочину и кладет свою находку на траву газона.

«Вот так, дружок, — приговаривает он. — Ты — меньший из меньших, и потому я люблю тебя». С каждым слогом, слетающим с его губ, картина вздрагивает и трепещет; Пол чувствует напряжение, заключенное в этих словах, — оно отдается во всем его теле. Затем — еще один червяк, еще одни слова утешения, еще одна волна сгущенной энергии. Сцена исчезает.

— Сила добра, — с трудом выговорил Пол. Насколько же могучая сила этих толчков любящего сердца превосходила силу того злодея со всеми его войсками и бомбами!

— Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? — Голос исполнился кротости и сочувствия. — Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя[81].

— Значит, добро гораздо сильнее зла?

— Во тьме восходит свет правым; благ он и милосерд и праведен[82].

— Это — один из уроков Школы Мудрости? Что милосердие есть величайшее добро и что добро сильнее зла?

— Да, — подтвердил голос.

— Так это и есть главная духовная тайна нашего столетия?

Ответа не последовало. Пол интуитивно почувствовал, что эта женщина, воплощенная Мудрость, снова покинула его. Он записал в блокнот: «*Милосердие есть величайшее добро, а добро сильнее зла*». Как только он поставил точку, из тумана перед его глазами соткался новый образ. Сердце Пола вздрогнуло от удивления и радости: это был Джошуа!

— Джошуа? — окликнул Пол. — Это ты?

Джошуа был все в тех же армейских брюках, поношенной белой рубашке и старом джемпере без воротника.

111— Да, это я.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел открыть тебе Тайну. Ты запишешь ее и принесешь ее в мир. Ты возвестишь о ней людям в таких словах, которые помогут им преобразиться. Так ты положишь начало спасению мира и всего живого в этом мире.

— Я готов, — выпалил Пол, непроизвольно развернув плечи. — Но почему именно здесь?..

— Это — мое творение. И твое.

— Ты сотворил все это?

— Да. И ты.

— Я?

Губы Джошуа вновь зашевелились, но голос стал другим — глубоким и древним.

— И сказал Господь Бог, Слово, Имя: вот, человек сей стал как один из Нас, зная добро и зло[83].

— Один из *Нас*? — переспросил Пол. — Это из Библии?

— Книга Бытия, — пояснил Джошуа уже своим обычным голосом. — Теперь понимаешь?

Пол посмотрел вверх и вниз, направо и налево, на звезды, сиявшие далеко впереди. Вселенная про-

---

80 Книга пророка Михея, 2: 1.
81 Книга пророка Исайи, 49: 15.
82 Псалтирь, 111: 4.
83 Книга Бытия, 3: 22. В русском синодальном переводе: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал...».

стиралась в бесконечность. Это слово — «бесконечность» — он слышал в своей жизни много, много раз, но до сих пор никогда не понимал, что оно значит на самом деле.

— Так это и есть Тайна?

— В некотором роде. Теперь ты знаешь, как все началось и как все закончится, и как все начнется с начала?

— Я знаю, что все это было и будет. Но как — не понимаю.

Джошуа улыбнулся, шагнул вперед через пустоту и, протянув руку, коснулся руки Пола с ободрением и поддержкой. Пол ощутил, как в сердце его снова заструилась любовь. На глаза навернулись слезы.

— Чтобы понять *как*, — проговорил Джошуа, — тебе нужно прикоснуться к Разуму самого Создателя Вселенной. Это случится в другой раз. А вначале ты должен узнать Тайну и прожить свою жизнь в согласии с этой истиной. Свою целеустремленность, свое честолюбие и энтузиазм, с которыми ты пришел в этот мир и которые до сих пор тратил впустую, ты должен преобразить и направить на достижение высшей цели. Сможешь ли ты это сделать?

— Да, конечно! — воскликнул Пол. Он всегда только хотел стать репортером, но теперь-то он точно знал, кто он на самом деле. Вся его жизнь до этого момента была лишь подготовкой к свершению его истинной задачи. — Я готов.

— Когда ты узнаешь Тайну, ты поймешь, что для тебя нет ничего невозможного и что будущее Земли, будущее всего живого — в *твоих* руках и в руках тех, кто вместе с тобой владеет Тайной.

— И в чем же заключается Тайна?

— Все происходит из Единого. Все возвращается к Единому. И ты, и я. Все мы родились из Единого и снова растворимся в Нем. — Умолкнув на мгновение, он легко провел ладонью по лицу Пола и велел: — Подойди ближе.

Пол шагнул вперед, и Джошуа дунул ему в лицо, округлив губы. Дыхание его пахло жасмином, ладаном и сандалом.

А затем Джошуа промолвил:

— Сын мой! Главная духовная Тайна этого и всякого иного столетия такова: «*Все мы суть одно*».

На один долгий миг все мироздание замерло, а затем Джошуа растаял в пустоте.

Пол остался в одиночестве. Смотря на звезды и вглядываясь в глубины космической пустоты, он ждал, что же будет дальше. Вдруг он почувствовал, что под ним появилась какая-то опора — словно он сидит в кресле, поставив ноги на скамеечку.

Это ощущение все усиливалось; тело само старалось устроиться удобнее в невидимом кресле; а затем в мгновение ока Пол очутился в туннеле под улицами Нью-Йорка, у костра, вокруг которого по-прежнему сидели Джошуа и его ученики. В лицо Полу повеяло прохладой; где-то негромко мяукала кошка; пол туннеля подрагивал от проходящего вдалеке поезда подземки. Дальние туннели, в которые днем проникал через люки солнечный свет, сейчас погрузились в непроницаемую тьму.

Хуан снова что-то помешивал в кастрюле, из которой теперь, правда, пахло не кэрри, а пряной смесью шалфея, базилика, зеленого лука и тимьяна. Так что это было не воспоминание; это происходило на самом деле сейчас.

Пол моргнул и огляделся по сторонам. Все уставились на него с интересом, как будто он и впрямь возник перед их глазами из пустоты.

— Который час? — спросил он.

— Около трех часов ночи, — ответила Саломия. — Может, чуть больше.

— А вы не спите? — удивился Пол.

— Джошуа сказал, что ты придешь, — пояснил Джим. Джошуа улыбнулся Полу с заговорщическим видом.

— А он куда-то исчезал? — спросил Пол у Джима, указывая на Джошуа.

— Нет, он сидел здесь весь день, — ответил Джим. — Никто не исчезал. Вот только ты появился. — Лицо его расплылось в широкой улыбке.

Джошуа подался вперед, покачнувшись в своем шезлонге из белой пластмассы, и проговорил:

— По-моему, ты хочешь задать какой-то вопрос. Кажется, тебя что-то беспокоит.

— Я не могу понять, что делать с этой Тайной в нашем столетии, — заявил Пол. Он распрямил спину, расправил плечи и постарался привести свои мысли в порядок. — Истина, гласящая, что «все мы суть одно», имеет смысл в мире физики или метафизики, но что она означает в реальном мире повседневности? Как можно прожить свою жизнь в согласии с ней?

— А как бы ты сам это сделал? — спросил Джошуа.

— Ну... — Пол на мгновение задумался. — Ну, во-первых, что касается моей повседневной жизни, то я больше не смог бы крутиться и дальше, как белка в колесе, поддерживая всю эту машину транснацио-

нальных корпораций, царей и деспотов современного мира. Я не смог бы оставаться наемным рабом. Я попытался бы отыскать для себя такой образ жизни, который не наносит вреда нашей планете, другим людям, всему живому в этом мире.

— Это — только один из возможных ответов на вопрос «что делать?», — заметил Джошуа. — Есть и другие.

— Что, мне следует вступить в «Гринпис» или какую-то другую организацию такого рода?

Джошуа улыбнулся.

— Это — самая главная проблема для каждого пробужденного человека, Пол. Что делать? А ответ в том, что единственного ответа не существует. Ответов — шесть миллиардов! Столько, сколько людей сейчас живет на Земле. *Каждый человек должен самостоятельно обдумать свою жизнь и вспомнить те мгновения, когда его охватывала самая пылкая страсть, когда он яснее всего воспринимал благую весть единства — быть может, выраженную в иных словах, в ином контексте, — и полностью понимал ее, пусть даже это состояние длилось всего один миг.*

Это воспоминание подскажет тебе ответ на вопрос «что делать?». Некоторые люди действительно осознают, что им следует вступить в борьбу за некое достойное общее дело. Другие поймут, что им просто нужно продолжать заниматься тем, чем они занимались до сих пор, но только делать свою работу в полном сознании, чтобы плоды их трудов и связи с другими людьми исполнились духа единства. Третьим станет очевидно, что их призвание — помогать другим людям. Четвертые почувствуют, что им следует на какое-то время отойти от дел, чтобы духовно возродиться в добровольном уединении.

Итак, мой путь...

— ...это *твой* путь, — подхватил Джошуа. — Только ты сам можешь ответить на вопрос, в чем он заключается. Возможно, тебе хватит на это одной минуты, а возможно, на это уйдут дни, недели или месяцы. Но, когда ответ придет, ты будешь точно знать, что принял правильное решение. И тогда ты вступишь в новую жизнь, исполненную силы, любви и смысла, превосходящих все, что тебе доводилось испытать до тех пор.

— Может, мне нужно присоединиться к вам? Поселиться здесь, в туннелях?

Джошуа пожал плечами.

— Проанализируй свою жизнь. Вспомни все, вплоть до самого раннего детства, и обрати внимание на те моменты, когда ты твердо знал, что именно тебе надо делать. В этих ситуациях ты найдешь указания на то, чем тебе следует заниматься дальше. Может, тебе и вправду стоит присоединиться к нам на какое-то время и записать наше учение. А может, лучше вернуться в мир журналистики. Или заняться чем-то совсем новым.

— Ладно. Насколько я понял, если к этой истине при слушается достаточно много людей, то наши государства изменятся к лучшему, корпорации преобразятся, города обретут новую жизнь, в семьях воцарятся покой и счастье и мир будет спасен. Но как это вытекает из понимания того, что «все мы суть одно»? Я все еще не понимаю, как это связано.

Джошуа кивнул и взглянул на Саломию, словно предлагая ей ответить на этот вопрос. Саломия подалась вперед; кресло, на котором она сидела, громко скрипнуло.

— Для начала усвой, что дело вовсе не в том, чтобы все в мире жили одинаково. Не существует никакой идеальной религии или совершенного образа жизни. Понимаешь? ***Нет никакого пути, единого для всех***.

— Да, — согласился Пол, признав про себя, что Саломии выпала возможность постичь эту истину во всей полноте на собственном опыте.

— Одним словом, разнообразие — это великая вещь, — продолжала она. — Для людей оно важно не меньше, чем для любой экосистемы. Нужно защищать разнообразие. Взять, например, идею, что Америка — это великий плавильный котел наций и что все будет прекрасно, если люди во всем мире станут жить точно так же, как белые американцы среднего класса.

Это все сущий бред. Это бархатная перчатка на бронированном кулаке господствующей культуры. Просто транснациональным корпорациям выгодно, чтобы у всех людей были одинаковые ценности и потребительские установки, чтобы все любили одни и те же напитки, джинсы и телепрограммы. Но для человечества в этом нет ничего хорошего.

— Понимаю, — сказал Пол. — Но если так важно, чтобы все мы были разными и чтобы в мире сосуществовали разные народы и племена, разные культуры и религии, то почему же тогда важно и то, что «все мы суть одно»?

Саломия улыбнулась.

— Знаешь, когда Иисус говорил со Своими друзьями... среди которых, между прочим, были и женщины...

— Мария Магдалина и Саломия? — припомнил Пол, вдруг сообразив, что все люди, сидевшие вокруг костра, носили библейские имена. « Что это? Совпадение?»

— Да, — кивнула Саломия. — И Мария, мать Иакова и Иоанна, и другие. Почему-то о них постоянно забывают. — Саломия обиженно поджала губы, но тут же успокоилась и продолжала: — Но есть одна история. Может, ты помнишь. Это притча, которую Иисус рассказывал своим друзьям. О том, как люди пришли к Царю и сказали, это хотят быть с ним. Помнишь?

— Не уверен.

Саломия взглянула на Джима.

— Знаешь эту историю, Джим?

— Конечно, — кивнул он. — Хочешь, чтобы я рассказал?

— Пожалуйста, — попросила Саломия.

— Ну, значит, так, — начал Джим. — Этот Небесный Царь, Сын Человеческий, призвал людей, которых хотел оставить с собой на небесах. И он сказал им, что призвал их потому, что, когда он был голоден, они накормили его, когда он хотел пить, они дали ему напиться, когда он был бездомным, они его приютили и помогли ему, когда он был гол, они дали ему одежду, когда он был болен, они посетили его, а когда он сидел в тюрьме, они пришли его проведать[84].

Джим поднял глаза, глядя на отблески костра, пляшущие на балках, и беззвучно зашевелил губами, словно пытаясь вспомнить, не пропустил ли он чего-то в этом списке.

— А-а-а, кажется, я это помню, — сказал Пол. — Это насчет того, как важно помогать другим людям?

— Скорей, насчет того, что никаких других людей нет, — поправил его Джим. — Ведь все мы и правда суть одно. Как ты обращаешься со мной, так ты обращаешься и со всем миром. И наоборот. Все едины — богатый и бедный, король и раб, человек и Бог. И даже, наверное, люди и все другие живые существа. Вот почему я подбираю червяков на дороге и переношу их на траву. Они ведь тоже часть меня, если я — часть всего живого.

— А притча-то чем закончилась, Джим? — напомнила Саломия.

— Ах, да, — спохватился Джим. — Ну так вот, эти люди сказали царю, что не делали ничего такого. Они даже в толк не могли взять, о чем это он. Разве этот великий царь мог голодать, бродить без крыши над головой, сидеть в тюрьме и так далее? Они помогали другим людям — но никак не ему. Да что там, они вообще его никогда раньше не видели! Так почему же, спросили они, он утверждает, что они помогли ему в беде?

— И что? — поторопил его Пол.

Джим снова на мгновение поднял глаза к потолку.

— Сейчас, дай вспомнить. Это надо вспомнить точно, потому что дальше там идет одно из самых лучших выражений той истины, что «все мы суть одно». — Он устремил взгляд на Пола и проговорил с твердой уверенностью: — Вот, вспомнил. Он сказал им: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»[85].

И тут Пол проснулся от какого-то грохота.

Что случилось? Видение рассеялось: он лежал на диване в гостиной Мэри. Вместо гулких темных туннелей его окружали оштукатуренные стены тесной комнатки. Мгновение оглушительной тишины сменилось многообразием привычных звуков: под окном слегка поскрипывала батарея, с улицы доносился шум машин, из спальни за стеной слышался какой-то шорох

Дверь спальни распахнулась, и на пороге показалась Мэри в голубой, как яйцо малиновки, фланелевой ночной рубашке до колен. Волосы ее рассыпались по плечам.

— Зимой таких звуков обычно не бывает, — проговорила она.

— Каких звуков? — пробормотал Пол. У него все еще звенело в ушах.

— Это окно само закрылось. Летом такое иногда случается, особенно при резкой перемене влажности. Если поднять стекло до самого верха, оно там застревает, но когда становится очень сухо, оно иногда падает.

— Стекло?

— Ну да. Вон, смотри, — она указала на окно. — Когда дом только построили, здесь были свинцовые грузики и веревки. Видишь, от них еще блоки остались. Но веревки давным-давно сгнили.

Мэри подошла к окну, отдернула занавеску и внимательно осмотрела стекло и растения в горшках.

— Все в порядке. Ты не открывал окно? Тебе не жарко?

— Не знаю, — прошептал Пол, медленно возвращаясь к реальности. Голос Мэри был так похож на голос той женщины, Мудрости, — только звучал более молодо. От этого сходства все сновидение всплыло у него в голове до мельчайших подробностей. — Может быть, — добавил он. — Мне снилось, что я его от-

[84] Ср. Евангелие от Матфея, 25: 34—40.
[85] Евангелие от Матфея, 25: 40.

крыл.

Из комнаты Мэри раздалось вопросительное «Мяу?», и на пороге показался Игорь. Ленивой походкой он приблизился к дивану и вспрыгнул Полу на колени.

— Тебе приснилось, что ты открыл окно? — переспросила Мэри, подходя к нему, чтобы погладить Игоря. Кот довольно замурлыкал.

Пол взглянул на часы. Двадцать пять минут четвертого.

— Да, кажется. Я даже не знаю, что и думать.

Мэри села рядом с ним. Пол вдохнул запах ее тела, такой теплый и женственный.

— С тобой все в порядке?

Пол откинулся на спинку дивана.

— Да, все хорошо. Мне приснился удивительный сон. Можно, я тебе его расскажу?

Мэри забралась на диван с ногами и села по-турецки, расправив ночную рубашку на коленях.

Да, конечно. С удовольствием послушаю.

Глава 15. Колесо в колесе

Пола разбудило теплое дыхание Мэри, приятно щекотавшее ему щеку. Воспоминания о минувшей ночи разом нахлынули на него: он вспомнил, как рассказывал ей свое сновидение и как они обсуждали, что оно означает. Мэри два года потратила на изучение трудов Юнга, и у нее были кое-какие свои идеи насчет того, в чем же заключается смысл этого необыкновенного сна. Они беседовали, наверное, целый час, исподволь ощущая, как растет связывающая их близость — интеллектуальная, эмоциональная, физическая.

Наконец Пол обнял ее, и они поцеловались. Потом она забралась к нему под одеяло со словами: «Просто хочу согреться». Они посмотрели друг другу в глаза и прочли в них самое ласковое и кроткое «нет», какое только обоим когда-либо доводилось сказать или услышать. Они уснули в обнимку, а Игорь прикорнул поверх одеяла на ноге Мэри. Погружаясь в сон, все трое чувствовали, что все они — и впрямь Одно.

Пол высвободился из объятий Мэри, встал с дивана, натянул джинсы и направился в ванную. Когда он вернулся, Мэри уже не было. Дверь в ее спальню была закрыта. Из-за стены слышался скрип выдвигаемых ящиков. Стрелки настенных часов приближались к девяти.

— Доброе утро! — крикнул Пол через дверь.

— Доброе утро, Пол, — раздалось в ответ. Мэри открыла дверь. Она все еще была в ночной рубашке, но в руках держала груду одежды.

— Я приму душ первой, ладно? А пока ты будешь умываться, я высушу волосы.

— Идет.

Мэри удалилась в ванную комнату, а Пол принялся наводить порядок: убрал постель, сложил диван, поставил на место кофейный столик и стулья.

Затем они позавтракали вместе: Пол поджарил тосты, Мэри сварила яйца. На десерт они съели грейпфрут и выпили по чашке зеленого чая. Игорь назойливо требовал к себе внимания, но успокоился, как только Мэри открыла ему банку с кошачьей едой. Слопав все подчистую, он запрыгнул на диван и стал умываться. Мэри и Пол сидели и беседовали за маленьким кухонным столом.

— У меня сегодня семинар по психопатологии, — сообщила Мэри с широкой улыбкой. — Может, пересказать им все, что с тобой случилось за последние два дня? В четверг ты встретился с ангелом, в пятницу — со святым, а в субботу утром — побывал в открытом космосе и побеседовал с чем-то вроде Духа Святого или архетипической богини. И все они твердили тебе, что ты должен пойти и спасти мир.

— Тебе скажут, что у нас обоих психопатология, — рассмеялся Пол. — У меня — потому что я все это тебе рассказал, а у тебя — потому что ты приняла это всерьез.

Утро выдалось солнечным. Яркий свет лился в высокое окно кухни, и все краски — и желтизна яичных желтков, и красный цвет «табаско» — казались особенно яркими. За окном бурлила обычная нью-йоркская жизнь: ревели гудки, визжали тормоза, вдалеке раздался громкий взрыв, но Пол не сомневался, что это всего лишь фейерверк. Теперь привычный городской шум казался ему таким живым, таким реальным и настоящим!

Мэри аккуратно разрезала на кусочки яйцо и тост, как будто выполняла какую-то ответственную работу. Затем она отправила один кусочек в рот и принялась тщательно жевать его, устремив на Пола испытующий, пристальный взгляд. Полу вдруг показалось, что он смотрит в глаза близкого, родного человека, рядом с которым прожил уже множество жизней. «Циклы внутри циклов, — вспомнил он урок Мудрости, открывшийся ему в сновидении. — Колесо в колесе. *Сколько же раз мы уже встречались?*»

Пол проглотил свой кусок и заявил:

— У меня такое странное чувство, как будто я знал тебя всегда.

— Может, так оно и есть, — откликнулась Мэри. — Я всегда интересовалась метафизикой и разными религиями, но никогда не воспринимала все это всерьез. Мне всегда это казалось какими-то умопостроениями, понимаешь?

— А может, все наоборот? Может, наш разум — это только отражение чего-то безмерно большего?

— Чего, например?

— Например, всего сущего. Если все мы суть одно, если мы *по-настоящему* едины, тогда между нами не может быть никаких преград. Нам только кажется, что каждый — сам по себе. Мы не обладаем собственным сознанием. Мы лишь отражаем сознание вселенной, сознание всего мироздания. Его свет сияет в наших глазах, его отзвуки слышатся в наших словах, его желания воплощаются в наших поступках. Мы — как чашка воды, взятая из океана.

Мэри взглянула ему в глаза.

— Океан понимает, что вода в чашке — это крошечная его частица, а вода в чашке не может даже вообразить себе, насколько огромен океан.

— И что другие чашки воды — это тоже частицы океана, — добавил Пол, поражаясь тому, насколько глубокое взаимопонимание установилось у него с этой необыкновенной девушкой.

— Если задуматься как следует, — проговорила она, — то окажется, что многие вещи, которые раньше казались загадочными, теперь обретают смысл. Теперь ясно, почему Иисус учил любить ближнего как самого себя и почему Он запрещал ходить в храм до тех пор, пока в душе у тебя остается хоть малейшая обида на ближнего. Понятно даже, почему Он призывал сопротивляться римским завоевателям, не прибегая к насилию.

— И еще, — добавил Пол, — из всего этого следует, что ни времени, ни пространства не существует в реальности: это всего лишь представления, рожденные живым разумом вселенной, разумом Бога. Все едино, все взаимосвязано. Все рождается из любви и растворяется в любви. Время идет не по прямой — это бесконечный круг, как говорили некоторые индейцы. Индейцы не боялись смерти так отчаянно, как мы, потому что они знали, что смерть — это всего лишь конец одного из бесчисленных циклов. Они понимали, что колесо вращается вечно.

Вот почему Мудрость сказала «...и наставление добра на языке ее». Ведь добро — это любовь Единого к Себе. Сказать: «Все мы суть одно», — очень легко. Но когда ты задумаешься об этом по-настоящему и попробуешь понять, что же из этого следует, то обнаружишь, насколько эта истина глубока. Это ведь изначальная мистическая основа всех религий, всех древних учений, всех туземных укладов, всего миропонимания первобытных народов.

Эта истина озаряет светом мудрости все религии. *Когда понимаешь ее, то без труда можешь отделить в священных писаниях всех народов подлинное учение Мудрости от всех наслоений, с помощью которых алчные люди пытались закрепить за собой власть над другими людьми.*

Мэри подалась вперед, поставив локоть на стол.

— Евреи читают такую молитву: «Слушай, о Израиль, Господь Бог наш, Господь един». Интересно, многие ли понимают, что это — не просто заявление о том, что «существует только один бог и этот бог — наш»? Что здесь заключен гораздо более глубокий смысл — «*все едино*»?

— Подозреваю, что еврейские мистики это понимали, — сказал Пол. — Точно так же как христианские мистики понимают это, когда читают слова Иисуса: «Я и Отец — одно»[86], «как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»[87] или «Не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги?»[88]. Это в буквальном смысле слова означает, что все мы—частицы Бога, созерцающего Самого Себя.

— Или Саму Себя, — с улыбкой добавила Мэри.

— Должно быть, Бог превыше всех этих различий, — рассудил Пол. — Превыше пола. И превыше всех возможностей нашего разума. Мы можем познать Его только сердцем.

— В любви, — тихо промолвила Мэри.

— Да, — кивнул Пол, и сердце его забилось быстрее. — В совершенной, абсолютной любви.

Внезапно Мэри отвернулась и, глядя в окно, проговорила:

— Если все, что с тобой произошло, было реальным, то я тоже хочу в этом участвовать. В конце концов, именно поэтому я и занялась психологией. Я решила, что именно в этой области я принесу больше пользы для спасения мира.

Несколько мгновений Пол пытался совладать с охватившими его чувствами, а затем выпалил:

— Я бы очень хотел, чтобы ты была со мной.

Мэри смутилась, как будто сказала что-то лишнее или чересчур поторопилась.

— Какие у тебя планы? — поинтересовалась она, пытаясь сменить тему.

---

[86] Евангелие от Иоанна, 10: 40.
[87] Там же, 13: 34.
[88] Там же, 10:34.

— Сначала познакомлю тебя с Джошуа, — ответил Пол. — Потом ты пойдешь на занятия, а я схожу за своими вещами и пристрою их на хранение до тех пор, пока не найду себе новое жилье. Потом куплю газету с объявлениями и обзвоню места, где будут вакансии.

Еще я могу позвонить своему старшему брату и занять у него немного денег. Он живет в Денвере. Там у него книжный магазин. Одним словом, прежде чем думать о том, что делать дальше, я должен найти жилье и работу. Я очень тебе благодарен, что ты приютила меня на эту ночь, но я не хочу злоупотреблять твоим гостеприимством.

Мэри потянулась к нему через стол и ободряюще накрыла ладонью его руку.

— Если хочешь, можешь остаться еще на несколько дней. Меня это нисколько не тяготит.

— Спасибо, — сказал Пол, изо всех сил сражаясь со словами, которые настойчиво пытались сорваться у него с языка. Он так хотел бы сказать ей, что хочет поселиться у нее, жить с ней, может, даже жениться на ней. Но они провели вдвоем всего один вечер, и он боялся торопить события. Поспешив, можно все испортить.

— Я имела в виду — на диване, — добавила Мэри, словно прочитав его мысли.

— Я так и понял, — заверил ее Пол, накрывая второй рукой ее руку. На мгновение обоих охватило чувство предельной, почти невыносимой близости. Но затем Пол выпустил ее руку, и они продолжали завтракать в молчании.

Час спустя они уже шагали по Мэдисон-авеню, намереваясь срезать путь по 34-й улице: там был книжный магазин, в который Мэри хотела заглянуть. На 42-й улице она указала куда-то вправо, заметив, что Таймс-Сквер — всего в нескольких кварталах отсюда. Они пустились в долгие рассуждения о том, как изменяется с годами облик города.

На 41-й улице они остановились на светофоре — на том самом перекрестке, где тремя днями раньше Пол вытолкнул девочку из-под колес.

— Вот где все началось, — сообщил Пол и повернулся к своей спутнице.

Но ее не было.

Вместо Мэри рядом с ним стояла та самая маленькая девочка. Она шумно всхлипывала, прижимаясь к матери. Пол повернул голову и увидел лысеющего мужчину, который так восхищался его прыжком.

Мир опрокинулся и завалился набок.

Глава 16. Снова дома

Пол обвел взглядом собравшуюся вокруг толпу. В голове пульсировала резкая боль. Он лежал на спине; затылок упирался в острый край бордюра. Пол чуть приподнял голову и посмотрел на свои руки: ссадины, кровь... И щека болела так, словно по ней прошлись наждаком. Женщина плакала в голос, сжимая дочку в объятиях, а мужчина в рыжем плаще склонился над Полом и взял его запястье, словно собираясь пощупать пульс.

— Ты цел, сынок? — спросил он.

— Не знаю, — выдавил Пол. Звуки собственного голоса отдавались в голове каким-то странным шумом — словно на нем были наушники с усилителем. Пол потряс головой, стараясь рассеять заполнивший ее туман, но от этого виски его снова пронзила вспышка боли.

— Полегче, сынок, — проговорил мужчина. — Там уже позвонили в службу спасения. Скорая помощь уже едет. Дай-ка я посмотрю, что у тебя с глазами. — Лицо мужчины приблизилось почти вплотную. — Так, зрачки одинаковые. Это хорошо. Можно надеяться, что сотрясения нет. По крайней мере в затылочной части.

— Вы — врач?

— В армии был, — ответил тот. — Во Вьетнаме.

— Что со мной случилось?

Мать девочки наклонилась к нему и воскликнула:

— Вы — герой! Вы спасли жизнь моей дочери.

— Что?!

— Вы ее вытолкнули из-под машины, но грузовик вас задел, — сказала она. — Слава Богу, вы живы.

— Грузовик меня задел?

Ты отлетел футов на десять, — вмешался мужчина. — Ну, ты везунчик. Мог бы и под колеса угодить.

Пол услышал звук сирены и разом вспомнил все те случаи, когда ему доводилось видеть, как машина скорой помощи пробивает себе дорогу в толчее автомобилей, а водители обращают на нее внимание только тогда, когда видят шанс пристроиться в хвосте, чтобы проскочить на красный свет.

— Эй, посторонись! — раздался окрик. Пол повернул голову и увидел офицера полиции, пробирающегося сквозь толпу. — Как он там? — спросил полицейский, указывая на Пола.

— Пульс в норме, зрачки одинаковой величины, — отрапортовал мужчина в рыжем пальто. — Кажется, он пришел в себя. Мы его не двигали. Я был врачом во Вьетнаме.

— Спасибо, — сказал полицейский, опускаясь на одно колено и заглядывая Полу в лицо. — Как вас зовут?

— Пол Эйблер.

Пол попытался было сесть, но полицейский остановил его, положив ему руку на грудь, и строго сказал:

— Лежите, пока не приедет скорая. Где вы живете?

— Я пока не знаю, — промямлил Пол. — То есть я...

— Вы знаете, где вы находитесь?

— В Нью-Йорке...

— Какой сегодня день?

— Суббота.

Полицейский и бывший врач обменялись обеспокоенными взглядами.

— Какой месяц?

— Февраль.

Полицейский поднял голову и спросил мужчину в рыжем:

— Где грузовик, который его сбил?

— Вон там, — мужчина махнул рукой куда-то в сторону.

Полицейский встал и распорядился:

— Присмотрите за пострадавшим. Не давайте ему вставать, пока врачи из скорой не скажут, что все в порядке.

— Понятно, сэр, — ответил бывший врач и уселся на бордюр рядом с Полом. Полицейский отправился беседовать с водителем.

— По-моему, со мной все в порядке, — сказал Пол. — Конечно, голова болит, и эти ссадины... Но вообще-то, все нормально.

— Ты просто расслабься, — посоветовал мужчина в рыжем.

— Где Мэри?

— Кто?

— Женщина, которая была со мной. Мэри Роббинс. Мужчина покачал головой.

— Не было с тобой никого. Я, во всяком случае, не видел. А если и была, то ушла.

Пол согнул в колене правую ногу; ушибленное бедро тотчас же заныло. Правая рука тоже пострадала.

— Не огорчайся, сынок, — подбодрил его собеседник, и тут сирена снова взвыла прямо у него над ухом.

Пол опустил ногу.

— Я сильно ушибся, но, кажется, ничего не сломал. — У тебя шок, —сказал мужчина. —Ты даже не помнишь, какой сегодня день недели. А вот и «скорая».

Билли изумленно уставился на Пола, с трудом ковыляющего по вестибюлю.

— Вас как будто грузовик переехал!

— Так и было, — криво усмехнулся Пол.

— Серьезно.

— Ага. Ну, не переехал, но наподдал что надо. — Пол дохромал до лифта. — Полдня проторчал в больнице. Рентген, и все такое прочее.

Билли покачал головой.

— Сочувствую. Я когда-нибудь рассказывал, как прыгал с парашютом и сломал спину?

— Да-да, — рассеянно отозвался Пол. Дверь лифта открылась.

— Вы обязательно выздоровеете, — заверил его Билли.

— Физически, — пробормотал Пол себе под нос, входя в кабинку. — Физически я выздоровею.

Рич встретил его на пороге в синем махровом халате.

— Ты не один? — спросил Пол.

— Что с тобой стряслось? — поинтересовался Рич. — На тебя напали?

— Попал под грузовик.

— Тогда давай, заходи. — Рич распахнул дверь. — В этом городе можно сколотить состояние, попав

под грузовик. Только чур, мне половина!

Пол вошел в квартиру Рича. Здесь все было по-старому. Черная кожа, стекло и хром. Запахи спиртного, шампуня и кожи. Репродукции Сальвадора Дали на стенах, ослепительно-белый ковер под ногами.

Телевизор с широким экраном в дальнем углу, у балконного окна. В кресле перед телевизором — роскошная блондинка в небрежно наброшенном на голое тело шелковом купальном халате с драконом на боку. Волосы ее были еще влажными после душа, и на вид ей было лет двадцать с небольшим.

Снова дома

Смерив Пола взглядом с головы до ног, она моментально включила профессиональную улыбку и произнесла, сверкая зубками и глазками:

— Привет!

— Привет, меня зовут Пол. — Пол повернулся к Ричу. — Я не хотел тебе помешать...

— Нет проблем, — заверил его Рич тоном старого друга или, скорее, мудрого старшего брата. — Я сегодня работаю во второй половине дня. Еще полчаса мы совершенно свободны. Водки с тоником?

— С удовольствием, — кивнул Пол.

— Тебе не давали в больнице никаких обезболивающих? — спросил Рич, смешивая коктейль на откидной крышке бара рядом с телевизором. — Не дай бог еще помрешь от спиртного с таблетками. Твои наследники меня засудят, да и с транспортной компании, где работает тот водила, я ничего не получу.

— Только «тайленол», — успокоил его Пол.

— Ну, тогда только один бокал, — непреклонным тоном заявил Рич. — Эта дрянь страшно вредна для печени, если мешать ее с алкоголем. — Он вручил Полу холодный бокал. — А теперь расскажи-ка мне про этого водилу. Откуда он? Из большой компании? Или просто какой-то местный придурок без страховки?

— На самом деле я совсем не об этом хотел поговорить, — сказал Пол. — Я сам выбежал на дорогу, а он ехал по правилам, на зеленый свет. Так что он ни в чем не виноват.

— Это неважно, — махнул рукой Рич. — Достаточно пригрозить им судом, и они живо отвалят тебе кругленькую сумму. Никто не хочет рисковать. Тебе что, сотня-другая тысчонок помешает?

Полу стало не по себе от этого разговора. Конечно, еще вчера он ухватился бы за такой шанс обеими руками. С такими деньгами он сделал бы себе карьеру в два счета. Но теперь все это потеряло смысл. Более того, ему даже думать об этом было противно. «Может, я еще в шоке? — подумал он. — Может, завтра я посмотрю на вещи иначе?»

— Давай-ка, отложим это на потом. Я к тебе зашел потому, что мне срочно нужно найти работу. Я подумал, может у тебя найдется какая-то возможность...

— А что случилось с «Трибьюн»?

— Меня уволили. Я зацепил кого не надо и попал под сокращение. Они сокращают штат, чтобы повысить прибыль.

Рич кивнул со знанием дела.

— Теперь так часто бывает. Мой папаша говорит, что в его время компания, решившая сократить штат, долго бы не продержалась. Босса бы просто затравили. Но теперь никому нет дела до людей. От них избавляются — и вся недолга.

— Вот и от меня избавились. Рич, я очень неплохо пишу и умею добывать информацию. Как ты думаешь...

Рич прервал его, подняв руку.

— Секундочку, дружище. — Он схватил трубку радиотелефона и плюхнулся в кожаное кресло у дивана. — Ты садись, садись, — бросил он Полу, набирая номер. Пол присел на диван.

— Боб! — прокричал Рич в трубку зычным басом. — Это Рич! Как дела?

Короткая пауза.

— Да, я тоже, Между прочим, Боб, помнишь того частного детектива, которого ты недавно нанял? Так вот, он не может двух слов связать!

Пауза.

— Короче, у меня тут есть парень, который знает дело и может делать его как следует. Сдается мне, от него будет много толку. Ты же понимаешь, как трудно найти человека, способного и раскопать материал, и написать все как надо. А ведь на суде все зависит от того, как написан отчет. Ну, и от твоих блестящих речей, само собой. Ладно, короче, этот парень работал репортером в «Трибьюн». Закончил журналистскую школу, успел наворочать много дел, и я его лично знаю.

Он парень что надо. Если во что вцепился, его уже с мясом не отдерешь. Рвется на самый верх. Эти все частные детективы только и могут, что подглядывать в замочные скважины да рыться в мусорных баках.

Но в делах корпорации они не смыслят ни черта. Они ничего не могут. Не знают даже, как обращаться с управляющими и директорами. И вообще, неважно, что они там умеют, — главное, они не в состоянии написать ничего такого, что убедило бы присяжных вернуть старушке кошку, которую у нее отняли нехорошие люди. Понимаешь, а? Пауза.

— Ну, ему хотелось бы работенку поинтереснее, чем у него была в «Трибьюн», да и деньжат побольше не помешает. Давай, решай. Я как раз могу перехватить его между работами. А то смотри — упустим. Если мы возьмем его на оклад, это обойдется в четвертую часть того, что мы платим всем этим бестолковым ищейкам, а проку будет вдвое больше.

Рич прикрыл трубку ладонью и прошептал Полу:

— Сколько тебе платили в «Трибьюн»?

— Тридцать семь тысяч в год. Рич поморщился.

— Это никуда не годится! — Он убрал ладонь и снова загудел в трубку: — Слушай, Боб, я тебе скажу наверняка: если мы предложим ему девяносто в год плюс проценты, то завтра утром он будет у нас в конторе землю рыть.

Если хочешь, десять процентов этой суммы можешь взять из моего бюджета. Этот парень — хороший друг. Но не это главное. Главное — он сделает из нас настоящих звезд, если ты понимаешь, о чем я. Он — настоящий, хороший репортер. Он знает, как вести журналистские расследования, а хватка у него — как у питбуля.

У Пола отвисла челюсть. Опомнившись, он закрыл рот и бросил взгляд на Черил. Та широко улыбалась. Пол взял бокал и влил в себя большой глоток так поспешно, что кубики льда стукнулись о зубы. Боль в бедре приутихла.

— Да, ладно, я его приведу. Если не захочешь взять его, просто дадим ему пять сотен. Проведем как оплату за консультацию. Ты же понимаешь, чтобы прийти на интервью, ему придется прогулять свою работу. Завтра ведь пятница, рабочий день. А если он тебе понравится, сможешь загрузить его чем-нибудь на уикэнд. Да, договорились. Этот парень — именно то, что нам нужно.

Рич повесил трубку, торжествующе взглянул на Черил и осведомился у Пола:

— Ну что, тебе подходит?

— Еще бы! — воскликнул Пол. — А дело выгорит?

— Почти наверняка, — заверил его Рич. — У нас действительно проблемы, а по-настоящему классные спецы получают две сотни в час. Это четыреста штук в год; правда, большая часть из них — тысяч сто пятьдесят или двести — идет сыскному агентству. Если ты и вправду так хорош, как я тебя расписал, к концу года ты легко выйдешь на этот уровень.

А что за работа?

— По сути дела — корпоративный шпионаж. Ты внедряешься в компанию и вычисляешь, где там у них рыльце в пуху. Примерно такой же трюк, что ты проделал с той лондонской компанией. Помню, ты рассказывал на той неделе...

— За этот трюк меня и выгнали.

— Я тебя предупреждал. В газетах сейчас особо не пошалишь: хочешь делать карьеру — умей закрывать глаза.

Так и оказалось.

Рич поднялся, и Пол сообразил, что пора прощаться. Он тоже встал и направился было к двери, но Рич придержал его за плечо.

— Встретимся завтра утром в вестибюле, в восемь тридцать. Я отведу тебя в нашу лавочку.

— Идет, — кивнул Пол.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? Я имею в виду этот грузовик... Ты взял медицинское заключение?

— Я отрубился максимум на несколько минут, — сказал Пол. — У меня были какие-то странные видения, и синяк на бедре остался, вот и все.

— Сфотографируй этот синяк, — посоветовал Рич. — Ты, кстати, ничего не потерял? Никто не шарил у тебя по карманам, пока ты был в отключке? Может, ты выронил что-нибудь, а кто-то это подобрал и смылся? С жертвами несчастных случае такое бывает сплошь и рядом.

— Нет, все на месте. Только блокнот куда-то делся. А вообще, я ведь не инкассатор, и бриллиантов при себе не ношу.

— Тем не менее ты пострадал. Обязательно сделай фотографии. Я тебе гарантирую: одно письмо на нашем фирменном бланке — и они приползут к тебе, умоляя взять деньги. Пусть хотя бы тысяч сорок-пятьдесят. Все-таки лучше, чем ничего.

— Я подумаю, — пообещал Пол.

— Эй, дружище, нечего тут святошу из себя строить! Это — Нью-Йорк! Когда автобус врезается в ав-

томобиль или фонарный столб, люди здесь не бегут из автобуса. Они бегут в автобус, падают на пол и начинают громко стонать.

— Я знаю, Рич.

— Держи нос по ветру — и будешь при деньгах. Пол открыл входную дверь и вышел на площадку.

— Усвоил.

— Вот и хорошо.

Дверь за ним захлопнулась. Пол постоял немного, глядя на дверь своей квартиры. Может, посмотреть телевизор? Или поспать? Или почитать что-нибудь? Нет. Пол повернулся, вошел в лифт и нажал кнопку первого этажа.

Когда он вошел в кафе, Мэри как раз переходила от одного столика к другому с кофейником в руке. Заметив Пола, она чуть замедлила шаг и внимательно вгляделась в его исцарапанное лицо.

— Подрался?

— Ага. С грузовиком. На Мэдисон-авеню, — ответил он ей в спину. Сердце его заколотилось. Мэри обернулась, улыбнулась ему и двинулась дальше. Больше половины столиков пустовало, обеденное время еще не подошло.

Не занят был и его любимый столик у окна. Пол уселся и повесил пальто на спинку соседнего стула. За окном, на холодном ветру, текла в сгущающихся сумерках река прохожих — каждый целеустремленно шагал по своим делам. Пол сосредоточился на этой картине, стараясь ухватиться покрепче за реальность настоящего, чтобы забыть, наконец, свой сон о Мэри, о том, как он спал рядом с нею, вдыхал запах ее волос, ловил ее шепот в ночной тишине, чувствовал вкус ее губ... Она подошла к его столику.

— Поздний ланч или ранний обед?

— И то, и другое. Как у тебя дела?

Мэри отбросила прядь волос, упавшую на лоб.

— Нормально. Учусь как сумасшедшая.

На ней были джинсы и коричневая футболка с надписью «Ни за что!».

— Семинар по психопатологии?

Мэри чуть склонила голову и сдвинула брови.

— Я уже говорила тебе?

— Нет, сам догадался.

— Знаешь, что-то странное творится, — проговорила она и умолкла в нерешительности.

— Странное?

— Сейчас, погоди. Я схожу за сумочкой.

Мэри развернулась и двинулась на кухню. Пол смотрел ей вслед. В груди у него жгло, желудок грозил взбунтоваться. Там, в этом сновидении, все казалось таким реальным! Он так хотел ее! И так хотел исполнить миссию, которую возложил на него Джошуа!

Переход из одной корпорации в другую, пусть даже такую, где платят не в пример больше, никогда не сделает его жизнь такой осмысленной, какой она стала в тот миг, когда он решил взяться за работу Джошуа, распространять его учение, спасать мир. Но что теперь толку...

Мэри вернулась с маленьким блокнотом в руках — зеленым, на пружинках, точно таким же, как те, которыми обычно пользовался Пол. Обменявшись парой фраз с Дианой, своей напарницей, она подошла к столику Пола и села напротив. Судя по серьезному выражению лица, она волновалась или была чем-то смущена.

— Не знаю даже, как тебе сказать... Тебе покажется, что это какая-то дикость... — пробормотала она, положила блокнот на середину стола и осеклась, как только Пол протянул к нему руку.

Это был его блокнот! Пол понял это сразу, как только заметил закорючку в уголке, которую машинально нарисовал неделю назад, когда сидел без дела у себя в кабинете. А Мэри говорила тем же голосом, что и воплощенная Мудрость из его видения... Дрожащими руками Пол раскрыл блокнот и увидел на первой странице надпись, сделанную его собственным почерком: «Учение Школы Мудрости...».

— Там твое имя на задней обложке, — сказала Мэри. Пол перевернул блокнот и своими глазами увидел сделанную аккуратными печатными буквами надпись «Пол Эйблер» и номер своего бывшего рабочего телефона.

Пол выронил блокнот, словно тот жег ему руки.

— Ты это читала?

Мэри смущенно опустила глаза и сжала руки в умоляющем жесте.

— Да. Я знаю, что это нехорошо. Но я прочла. — Она подняла голову и посмотрела Полу в глаза. — Ты пишешь удивительные вещи, Пол. Пока я читала, меня преследовало странное чувство. Как будто я все

это уже когда-то знала, но потом забыла... Как будто я родилась с этим знанием, но потом, когда стала взрослой, вынуждена была от него отгородиться. — Мэри протянула руку и осторожно коснулась его руки; Пол ощутил, как все его тело отзывается трепетом на это прикосновение. — Я даже представить себе не могла, что ты интересуешься такими вещами.

— Пришлось по работе, — пробормотал Пол, не желая пускаться в объяснения. Мэри убрала руку, и Пола пронзило чувство утраты. После секундного колебания он добавил: — Так что же мне должно показаться дикостью?

— То, как я нашла его, — сказала Мэри. — Я нашла его у себя дома, сегодня утром. Он лежал под диваном. Ума не приложу, как он там оказался. Честное слово, я никак не могла найти его здесь, прихватить с собой и снова потерять дома. Он сам там оказался!

— Уж не твой ли кот Игорь его отыскал?

Мэри вытаращила глаза, но тут же прищурилась и напряглась, распрямив спину:

— Ты что, следил за мной? Это какая-то шутка? Ты пробрался ко мне в дом и оставил это под диваном?

— Нет-нет, что ты, — запинаясь, проговорил Пол. — Наверное, я все-таки забыл его здесь, а ты подобрала и машинально сунула в карман, а потом выронила дома. — Он огляделся по сторонам, лихорадочно пытаясь подобрать слова, которые могли бы ее успокоить: ему всегда казалось, что убедительно врать он не способен. И вдруг в толчее за окном показалась знакомая фигура. Какой-то бродяга рылся в мусорнике на углу Восьмой авеню — и Пол узнал этого бродягу. — Джим! — восклинул он. Мэри выглянула в окно.

— Тот бездомный парень?

— Да. Кажется, я его знаю.

— Он тут постоянно крутится, — грустно сказала Мэри. — Однажды меня чуть не уволили за то, что я пустила его в ванную.

— Я знаю, — кивнул Пол, поднимаясь из-за стола. — Пойдем со мной.

Мэри поднялась, глядя на него озабоченно и смущенно.

— В чем дело?

— Пойдем поговорим с Джимом.

— Ты что, рехнулся?

— Может быть. — Пол нежно взял ее за руку. — Все в порядке, Мэри. Я вовсе не следил за тобой. Вообще, ничего подобного. Просто я думаю, что Джим может объяснить, как этот блокнот очутился в твоей квартире.

Мэри бросила взгляд на Диану: та уже сбивалась с ног, трудясь за двоих

— Мне надо работать, Пол, — проговорила она. — Понимаешь, у меня еще полчаса до конца смены. Если я буду болтаться без дела в рабочее время, меня уволят. Забирай свой блокнот, а когда выяснишь, как он попал ко мне домой, пожалуйста, объясни мне.

Она высвободила руку и направилась к столику в дальнем конце зала.

Пол так и не нашелся, что сказать, и лишь проследил за ней взглядом, а затем схватил блокнот и выбежал за дверь, бросив пальто на спинке стула. Джим копался в урне, прикованной к фонарному столбу, и набивал пустыми бутылками джутовый мешок.

— Джим? — окликнул его Пол. Бродяга распрямился и повернулся к Полу.

— Я тебя знаю? — осведомился он.

— Ты знаешь Джошуа? Джим широко улыбнулся.

— Конечно.

— А Мэта и Пита, Саломию, Марка и Хуана?

— Ты говоришь о моей семье, — промолвил Джим, вопросительно склонив голову набок. — Кто ты? Ты хорошо одет, но как будто побывал в драке.

— Джошуа может исцелять людей, так?

— Кто ты такой?

— Я — Пол. Я знаю Джошуа. Я познакомился с ним в другое время и в другом месте.

— И что же это за время и место такие? Недолго покопавшись в памяти, Пол изрек:

— Премудрость построила Себе дом, вытесала семь столбов его. Джим отступил на шаг и смерил Пола оценивающим взглядом.

— Он говорил, что ты появишься. Но я не думал, что ты окажешься *таким*.

— Я и сам не думал, что окажусь таким, — проворчал Пол. — Можешь отвести меня к Джошуа? В туннели?

Джим медленно кивнул.

— В это дело легко ввязаться, но повернуть назад уже почти невозможно.

— Почему?

— А ты согласился бы отречься от Единого?

— Ни за что, — убежденно заявил Пол.

— Но ты учти, мы не какая-нибудь там секта. Джошуа — просто человек, как ты и я. Он совсем не то, что все эти надувалы. Он сам говорит: если кто-то тебе скажет, что получил тайное учение от какого-то невидимого создания или каких-то там незримых учителей, — бери ноги в руки, потому что это наверняка шарлатаны.

Шарлатаны именно так и морочат людям головы, чтобы те за ними шли, преклонялись перед ними, верили им. Иисус держался открыто, жил у всех на виду. Он отвечал на все вопросы, ничего не утаивал и не плел никаких сказок о тайных учителях. Так же и с Моисеем, Мухаммедом, Буддой и всеми прочими. А если ты ввяжешься в секту, где только одному вождю известно, где живут эти тайные учителя, кто они такие и чему учат, тебя ждет облом.

— Я понимаю, — заверил его Пол. — Единый — это не Джошуа. Это все сущее, все живое. И ты, и я, и... — он указал на прохожего в дорогом костюме, — и вон тот парень. Хотя он, может, этого и не понимает. Джим кивнул.

— Да, ты понимаешь. Пойдем сейчас?

Пол посмотрел на свои мятые джинсы и белую рубашку, перевел взгляд на свой дом, высившийся в двух кварталах дальше по улице, взглянул на дверь кафе... Весь мир объят пламенем, все рушится в тартарары, подумал он, и всему виной — духовная разобщенность. Но на свете есть люди, способные ответить на терзающие его вопросы. И эти люди совсем рядом — рукой подать.

Он глубоко вздохнул. Выхлопные газы смешались в воздухе с запахами свежевыпеченного хлеба и сигареты, которой дымил на ходу какой-то прохожий. Без пальто Полу уже стало холодно. При себе у него было от силы пятьдесят долларов. Но зато он знал, что успешно прошел первый этап своего обучения.

Готов ли он присоединиться к Джошуа и вместе с ним нести в мир великую Тайну? Готов ли он отдать все свои силы, всю свою жизнь делу спасения мира?

Пол подумал о Пулитцеровской премии — и вдруг обнаружил, что эта цель утратила для него всякий интерес. Ведь на карту была поставлена сама жизнь, и не только его собственная. Речь шла о выживании всего живого на Земле.

— Ты в порядке? — спросил Джим.

— Да. Но я хотел бы привести еще кое-кого.

— Чем больше народу, тем веселей.

— Тогда давай встретимся здесь через двадцать четыре часа. В это же время, на этом же месте.

— Идет, — улыбнулся Джим.

— Обещаешь?

— Вот те крест, — пообещал Джим. Он протянул руку и легонько сжал локоть Пола. — Сдается мне, ты — настоящий друг.

— И ты чертовски прав, — подтвердил Пол, накрыв свободной рукой его руку.

Вернувшись за столик, Пол бегло просмотрел меню и засунул его между сахарницей и подставкой для салфеток. Мэри подошла и поглядела на него настороженно, но дружелюбно.

— Ну, что? Знает он что-нибудь о блокноте?

Пол испуганно моргнул. Он уже и думать забыл о блокноте.

— Э-э-э... В каком-то смысле, да. Но это долгая история.

— Твой блокнот оказался в моей квартире, Пол! По-моему, ты должен мне все рассказать. Даже если это очень долгая история.

— Ты совершенно права, — улыбнулся Пол. — Что ты делаешь после работы?

Мэри взглянула на него с осторожным любопытством и ничего не ответила.

— Я просто подумал, что удобнее будет обсудить это за обедом, — поспешно добавил Пол. — И где-нибудь в другом месте. Не здесь.

Лицо Мэри озарилось теплой улыбкой.

— Теперь ты будешь меня кормить? Это что-то новенькое! — Она завела руку за голову и перебросила через плечо волосы, стянутые в пышный «конский хвост». — Но сначала я зайду домой и покормлю кота. — Она прикоснулась было к руке Пола, но тут же отдернула пальцы. — Иначе он начнет терзать мебель.

Сердце Пола отчаянно забилось.

— Не возражаешь против небольшой компании?

— Да это же в сорока кварталах отсюда! У меня язык не повернется предлагать кому-то такую прогулку.

С замиранием сердца Пол смотрел на нее, пытаясь найти те единственно верные слова, в которых он мог бы объяснить ей все, что с ним происходит. Как об этом рассказать? Как сделать так, чтобы она ему поверила и не сочла за сумасшедшего? Должен же быть какой-то способ! Быть может, лучше всего — просто сказать правду. Начать с самого начала...

— Разве только... — добавила Мэри, и в глазах ее вспыхнули озорные искры, — у кого-то найдется для меня интересный рассказ.

Послесловие и благодарности

Прежде всего я хотел бы принести благодарность моему Создателю, вдохнувшему в меня жизнь, и моим родителям, которые произвели меня на свет и вырастили со всей заботой и вниманием. Но тем, что я дожил до этого дня, я обязан моей жене Луизе, моим братьям и моим детям; я всех их люблю и всем им бесконечно благодарен.

Что же касается этой книги, то своим появлением на свет она обязана, в первую очередь, покойному Огу Мандино, который разрабатывал особый жанр литературы, позволяющий раскрывать великие духовные истины в форме романа. Где бы ты ни был, Ог, я надеюсь, что ты ощутишь мою благодарность, примешь ее с улыбкой и поймешь, что я постарался сохранить и продолжить твою традицию.

С исторической точки зрения, не вызывает сомнений, что уже в I веке возникли серьезные разногласия между учениками и ученицами Иисуса, сопровождавшими Его в странствиях по городам и весям Иудеи (Петром, Иоанном, Саломией, Марией и другими из числа тех, кого современные библеисты условно называют представителями иерусалимской церкви), с одной стороны, и последователями апостола Павла, который ни разу не встречался с Иисусом до распятия, — с другой. Последователи Павла победили.

Позднее они заключили союз с властями Римской империи и основали римско-католическую церковь. Петр же и его сторонники старались во что бы то ни стало отстоять первоначальные ценности христианства и сохранить в неизменности подлинные речения Иисуса.

Я глубоко признателен всем тем, кто на протяжении последнего полувека трудился над переводом на английский язык Евангелия от Фомы и других рукописей древнейшей иерусалимской церкви, обнаруженных в Наг-Хаммади. И, разумеется, я хотел бы воздать должное тем ранним последователям иерусалимской церкви, которые переписывали эти рукописи и защищали их от римлян.

Как известно, в III—IV вв. на приверженцев иерусалимской церкви, последователей первых учеников Иисуса, обрушились гонения со стороны новорожденной «павлианской» римско-католической церкви, которая к тому времени достигла статуса государственной религии.

Многие сторонники иерусалимской церкви были брошены в тюрьмы и казнены, но отдельные ее представители все же выжили и смогли сохранить подлинные речения Иисуса, которые так тщательно переписывали на протяжении двадцати поколений. И теперь, благодаря трудам ученых-библеистов, эти рукописи — например, Евангелие от Фомы — стали достоянием всего человечества. Какой щедрый дар!

Большинство реплик Джошуа в этой книге — точные цитаты из Евангелий от Фомы, Матфея и Марка, которые считаются древнейшими книгами раннехристианской эпохи и проникнуты духом иерусалимской церкви, церкви изначальных последователей Иисуса.

Все слова, вложенные в уста таинственной женщины, воплощающей собой Мудрость, представляют собой цитаты из ветхозаветных книг — Книги Иова, Притчей Соломона, Екклезиаста и Песни Песней. Эти цитаты взяты из тех немногочисленных эпизодов Библии, где Божественное говорит от лица женщины.

Я благодарен Гиллелю Цейтлину, Хэлу Коэну, Готф-риду Мюллеру и всем прочим, благодаря кому эта древняя мудрость дошла до меня через столетия. Однако должен заметить, что истины, заключенные в этом учении изначального христианства, я интерпретировал и представил в этой книге самостоятельно, на свой страх и риск.

Идею этой книги подарил мне Нил Доналд Уолш в феврале 1999 года. На следующий же день мы с моей женой Луизой набросали план будущего романа. Нил и его жена, Нэнси Уолш, внесли ценнейшую правку в черновой вариант книги; я должен признать, что эти двое — самые лучшие редакторы из всех, с кем мне когда-либо приходилось работать. Без Нила, Нэнси и Луизы эта книга никогда бы не была написана, и я глубоко благодарен им за помощь и поддержку.

Особой благодарности заслуживает также Боб Фридман, сотрудник издательства «Гемптон-Роудз», сыгравший важную роль в издании этой книги.

Спасибо Скотту Бергу, Энн Роберте, Джулии Кас-тилья, Тиму Кингу, Кериту Хартманну, Джин Хьюстон, Джерри Шнейдерману, Робу Каллу, Тамии Нье, Хэлу Коэну, Джиллу Гэтсби и Гвинну Фишеру, читавшим наброски этого романа и воодушевлявшим меня на дальнейшую работу.

Кроме того, я от души благодарен Маргарет Мортон, с которой мы никогда не встречались, но которая написала замечательную книгу «Туннель» (изд-во «Йель Юниверсити Пресс») о людях, которые жили в туннелях под Манхэттеном до тех пор, пока администрация нью-йоркского мэра Джулиани не развязала

войну против бездомных.

Много ценных сведений я почерпнул из книги Роберта Фанка «Иисусу — от всей души» и других его художественных и научных произведений, а также из сочинений Элейн Пейджелс и ее выступления в Тринити-колледж (Вермонт). Очень много нового я узнал из непревзойденной книги Хью Макгрегора Росса «Иисус, не затронутый церковью». Этот труд, опубликованный английским издательством «Уильям Сешнз», я искренне рекомендую всем моим читателям.

Джерри Шнейдерман был моим лучшим другом на протяжении двадцати лет, и все это время он служил мне проводником по самым глухим уголкам и закоулкам Манхэттена.

И, наконец, огромное спасибо Стивену Коррику, Биллу Глэдстону, Джулии Кастилья, Майклу Керланду и Джерри Гроссу, которые помогли мне перенести на бумагу и представить на суд широкой публики те образы и звуки, чувства и представления, что живут в моем разуме, сердце и душе.

Об авторе

Том Хартманн — психотерапевт, международный лектор и сотрудник службы помощи эмигрантам, а также автор бестселлеров и лауреат литературных премий. Опубликовал более дюжины книг, в том числе: «Иное восприятие», «Путь пророка» и «Последние часы древнего света». Его книги переведены на множество языков. Рассказы Тома Хартманна широко известны и неоднократно переиздавались, но «Главная духовная тайна века» — это его первый роман. Том живет в Вермонте со своей женой Луизой, дочерью Керит и котом Игорем из породы мэйн-кун. Подробнее о Томе Хартманне, об этой книге и выраженных в ней идеях можно узнать на сайте www.greatessecret.com.